

Эль Бланк

Приманка для спуктума

Инструкция по выживанию на Зогге

Выживает не самый сильный

и не самый умный, а тот, кто лучше всех

приспосабливается к изменениям.

Пролог

Десять, девять, восемь...

Отсчитывая секунды, резкими, рваными взмахами рук стараюсь удержать стабильное положение в тёплом водном потоке, который медленно обтекает моё тело. Гладит, ласкает, словно неторопливый любовник, расслабляя и заставляя терять координацию. Кстати, полное отсутствие одежды на той, которую он соблазняет, во многом облегчает ему эту задачу.

На мгновение прикрываю глаза, идя на поводу приятных ощущений, но тут же встряхиваю сознание, сосредотачиваясь не на чувственном восприятии, а на том, что происходит вокруг. Лёгкая эйфория – это, конечно, замечательно, да только концентрации не способствует!

Семь, шесть, пять...

Поверхность океана над головой причудливо колеблется, расходясь кругами и волнами. В атмосфере как обычно бушует шторм, и мощные ветра не дают водной глади успокоиться. Неяркий рассеянный свет пронзает толщу воды, скудно освещая окружающее пространство. Бирюзовую даль. Острые выступы скал, вздымающихся на некотором удалении. Разноцветные итрасовые заросли, поднимающиеся со дна.

Кристаллический тёмный песок под ногами, которого я едва касаюсь голыми ступнями. А в нескольких метрах впереди круто уходит вниз тёмный провал, теряющийся в необозримых просторах океанических глубин.

Мой взгляд скользит по окружающему пространству, опасаясь задерживаться надолго на чём-то конкретном. Увлечёшься, пропустишь момент – и всё, считай, тебе крышка.

Четыре, три, две...

От осознания близости развязки дыхание чуть сбивается, несмотря на то, что лёгкие исправно наполняются воздухом, который производит загубный фильтр. По телу проходит почти осязаемая волна возбуждения. Привычная, знакомая, предупреждающая о том, что вот оно. Началось.

Одна...

Защитный экран, окутывающий меня мягким сиянием, исчезает, оставляя один на один с океаном. Суровым, коварным, злым, не желающим смириться с нашим присутствием в нём. Это только на первый взгляд тут всё так мирно и спокойно, а на самом деле, стоит потерять бдительность – и от тебя мало что останется. Так что расслабляться нельзя. Никому.

Впрочем, опасность – не повод покидать этот водный мир. Никто из прилетевших на Зоуг улетать обратно не намерен. Некуда нам уходить. А ещё точнее, незачем! Ведь здесь, и только здесь, есть то, чего не найдёшь на других планетах, – огромные запасы ултриза, самого дорогого и ценного вещества, используемого в двигателях кораблей, которые погружаются в подпространство. Зоуг в этом смысле уникален.

Мне, честно говоря, ултриз неинтересен. Контрабандой его не вывезешь, официальная добыча – монопольная прерогатива компании, и тут всё контролируется жёстко. А вот то, сколько платят за участие в охоте на спуктума, чтобы убрать защитника месторождения и получить возможность этот редкий минерал добывать... М-м-м... Сказка!

По-прежнему стараюсь оставаться неподвижной, ловя малейшие изменения вокруг. Вот слева взметнулся песок, когда плоский, как блин, скат переместился ближе к каменистому уступу. Нет, это не то, что я жду. Вот стайка рыб, ранее спокойно и сосредоточенно объедавших водоросли, вдруг всполошилась и резво рванула куда-то мне за спину. Даже не оглядываюсь. Там, куда они уплыли, точно безопасно, а вот впереди... Внимательнее присматриваюсь, отыскивая причину их паники, и, наконец, замечаю, как на фоне пугающего провала ранее мирно струившийся водный поток начинает скручиваться в стремительный водоворот, меняя структуру и приобретая знакомые очертания остроносого спуктума – жуткого, почти прозрачного, текучего,

переливающегося зеркальным блеском, отражающего окружающий мир. Сама стихия оживает, вбирая в себя всё большие объёмы воды и увеличиваясь в размерах.

Вау! Замираю в восхищении, несмотря на то, что не первый раз наблюдаю за трансформацией. К этому нельзя привыкнуть и нельзя не восхищаться. Силой. Неукротимостью. Мощью.

– Лиля, ты что творишь?! – в наушник врывается раздражённый мужской голос. – Очнись!

Вздрагиваю, приходя в себя и сосредотачиваясь. Ликвидатор, конечно, прав: бездействую я совершенно напрасно, но, с другой стороны, это не он рискует своей шкуркой, а я!

Риск... Риск – дело благородное. Тьфу! О чём я? Риск – дело, хорошо оплачиваемое! Так что будем отрабатывать свою зарплату. Тем более что я её уже потратила.

Сильно взмахиваю руками и отталкиваюсь ногами ото дна, чтобы подняться вверх. Ещё один гребок, второй, третий. Быстрее. Активнее. Резче. Нужно отвлекать внимание. Уводить чудовище за собой, заставив сосредоточиться на добыче. То есть на мне.

А ещё нежелательно уплыть далеко. Во-первых, чтобы не оказаться вне зоны действия оружия. Во-вторых, спуктум меня пока только почувствовал, не выбрал, может и передумать нападать, особенно, если учует ликвидатора или тех, кто ждёт финала охоты.

Останавливаюсь, разворачиваясь и отыскивая глазами новорождённого монстра.

Поднятая со дна взвесь потревоженного моими ступнями песка исчезает в спиральном завихрении. Контуры окружающих объектов начинают расплываться, теряя чёткость из-за перемещения водной массы.

Отлично. Мною заинтересовались.

Замах. Опускаю руки вниз, скользя в водном течении. Между пальцами струится уже не тёплая, а очень даже холодная жидкость. И это означает, что опасность совсем близко. Ещё секунда, и моих пяток касается вымораживающий язык обитателя океанических глубин, пробуя на вкус, заставляя непроизвольно поджать конечности и свернуться в клубок. Не потому, что страшно. Щекотно! Чувствую, как вода рядом с моим телом возмущённо движется, когда заинтригованный нелогичным поведением жертвы и одновременно раздражённый вторжением на свою территорию спуктум начинает сужать круги, готовясь к броску, после которого... А после от меня уже ничего не останется.

– Лиля, в сторону! – резкий приказ, и искрящий разряд пронзает пространство совсем рядом. Второй. Третий.

Едва успеваю увернуться и, нырнув вниз, почти касаюсь дна. А вслед мне несётся пронзительный визг, разрывающий барабанные перепонки. Скольжу к зарослям, не обращая внимания на проносящиеся над моей головой вспышки, окрашивающие подводный мир в огненные оттенки.

Звук обрывается так же резко, как и возник. Тишина теперь кажется настолько неестественной, что я останавливаюсь. Поднимаю взгляд, чтобы увидеть, как судорожно сжимается и раздувается окутанное слепящими искрами призрачное тело.

Картина неприятная. Невольные слёзы наворачиваются на глаза, но тут же растворяются в солёной воде океана. С одной стороны, понимаю, эмоции тут совершенно бессмысленны – спуктума убить нельзя. Разрушить структуру можно. Но только на время, потому что потом, едва концентрация блокирующих слипание водных потоков микрочастиц снизится до минимальной, он снова возродится. Естественно, если к этому моменту те, кто посягает на рьяно охраняемую им территорию, не уберутся восвояси. А с другой стороны, всё равно инопланетную скотинку жа-а-алко!

Ощущаю движение за спиной и сильные руки, опустившиеся на плечи, но не оборачиваюсь, по-прежнему наблюдая за медленной агонией нереального существа, теряющего структуру и превращающегося в безопасную воду.

– Молодец, – обнявший меня мужчина плавным движением разворачивает моё практически невесомое тело к себе, заглядывая в лицо. – Хорошая работа. Ты в порядке?

Его глаз, скрытых за матовым щитком шлема, я не вижу, но забота мне приятна. Не все ликвидаторы так трепетно относятся к тем, кого используют в качестве наживки.

Ответить ему я не могу, только на пальцах показать, что всё у меня нормально. Как всегда, кстати. Удовлетворённый этим нехитрым доказательством, он ослабляет хват, поднимая со дна брошенное оружие, и, крепко сжав моё запястье, включает ускорители. Это только я вся такая раздетая и беззащитная, а у моего начальства полный комплект обмундирования и экипировки.

И-йех! Вытягиваю вперёд и вторую руку, цепляясь за сильную кисть. Бросаю краткий взгляд в сторону копошащихся на дне фигур, теперь уже уверенных в своей безопасности и принимающих за разработку месторождения. Подставляю лицо встречному потоку, наслаждаясь скоростью, с которой наши тела рассекают водную толщу. Моя работа окончена. Вот теперь можно расслабиться. На пару дней, до следующей охоты.

Впрочем, «расслабиться» – понятие весьма условное. В подводном городе, своеобразной базе для поселенцев, спокойствия не много. Здесь ничуть не лучше, чем в открытом океане. И причина кроется вовсе не в тесноте, хотя, конечно, ограниченность жизненного пространства играет свою роль, и не в том, что ресурсы для жизни не отличаются разнообразием, весьма скудны и просты. Дело в ином. В том, что приманки постоянно на нервах по причине получаемого на работе стресса, ликвидаторы в жёсткой конфронтации из-за приманок, загонщицы в аналогичной борьбе за ликвидаторов, а над всем этим – управляющий компании, которому выгодны подобные противостояния и столкновения.

Именно поэтому, заплыв в переходный шлюз и избавившись от опеки своего напарника, я стараюсь как можно быстрее одеться, выскочить из тамбура. В самом шустром темпе пересекаю центральную площадь, лавируя между спешащими по своим делам цессянами, сворачиваю в длинный узкий коридор, ведущий в спальный сектор, и попадаю в маленькую комнатку, которая есть и будет моим жильём до тех пор, пока... Пока я не заработаю достаточно для того, чтобы вернуться на Цесс. Ну или пока меня не прикончит один из местных обитателей.

Благополучно избежав неприятных встреч, вваливаюсь к себе, блокирую вход и разворачиваюсь, падая на упругую поверхность кровати, благо стоит она совсем рядом. Несколько секунд лежу, бездумно созерцая тёмно-серый потолок комнаты, больше похожей на тюремную камеру, чем на нормальное жильё. Почувствовав дискомфорт, протягиваю руку, вытаскивая из-под затылка буклет в жёсткой обложке с весьма говорящим названием: **«Инструкция по выживанию на Зогге. Памятка для приманки»**. Вздохнув, привычно раскрываю на первой странице, в который уже раз вчитываясь в до тошноты знакомые строчки:

Часть 1

Как стать приманкой для спуктума

Общая характеристика

«Приманка» – разумный биологический объект, коренной житель Цесса женского пола в возрасте от двадцати пяти до сорока стандартных лет, не имеющий наследственных аномалий и с выраженным наличием пигмента.

Коротко хмыкаю, поражаясь, насколько точно я соответствую этим параметрам. Между прочим, возрастные рамки – пожалуй, самый жёсткий критерий, ощутимо снижающий количество тех, кто может выполнять подобную работу, особенно если учесть, что срок жизни у нас может достигать ста пятидесяти лет. Всё остальное – уже мелочи, которые, разумеется, функционально важны, но цессян, ими обладающих, более чем достаточно.

Рождаемость девочек на планете куда выше, чем мальчиков, раза в полтора, и девяносто процентов из них имеют тёмные волосы разных вариаций: от совсем чёрных до интенсивно коричневых. Редкие десять процентов полностью лишены пигмента, отчего их волосы становятся снежно-белыми. А если к этому прибавить бледную кожу и сиреневые глаза, сопутствующие данной вариации фенотипа, то эффект получается потрясающим. Внешний эффект. Потому что есть ещё один, внутренний. У организма альбиносов поразительные способности к регенерации, которая у остальных цессян развита не слишком хорошо.

В общем, такие экземпляры на вес ултриза. Нужно ли после этого объяснять, какова причина того, что их исключили из сонма претендентов на «заманчивую» должность?

Между прочим, необычная мутация возникла у тех, кто населял космическую базу на орбите. Станция существовала довольно долго, до тех пор, пока, лет пятьдесят назад, в неё не попал метеорит, разрушив всю конструкцию. Погибло больше половины космических обитателей, остальным удалось вернуться на планету. Именно их дети и имеют теперь изменённый облик. Необычный и очень привлекательный.

Так вот, когда начали рождаться такие диковинные мутанты, правящая верхушка загорелась идеей фикс – через несколько десятков поколений изничтожить на корню старые признаки и вывести расу белокожих, беловолосых цессян. Опять-таки мотивы лежат на поверхности – у короля, несмотря на его традиционный облик, жена именно такая: изящная, хрупкая, почти невесомая блондиночка, от которой он без ума. А её брат женат на дочери наместника. Так что нет никакого смысла удивляться тому, что им подобные стали элитой нашего общества. И на привлечение альбиносов к работам, сопряжённым даже с минимальным риском, наложено строгое табу, как и на любые иные действия, способные нанести ущерб, в том числе и моральный.

Ну а кто пойдёт против решения власть имущих? Уж точно не компания, заинтересованная в получении прибыли и устойчивом положении. Тем более что правящая династия вложила немало средств в организацию добычи ултриза.

Невольно касаюсь своих, чуть влажных после купания, длинных прядок, окрашенных в цвет гривы хинари. Мне в глазах общества не повезло. Я родилась классической цессянской «старого образца». У меня и радужки карие, и кожа слегка тонирована, словно пигмента оказалось так много, что его хватило не только на волосы. Впрочем, лично меня эта проблема заботит меньше всего. Всегда считала полным бредом причислять себя к ущербным только из-за того, что в организме нет каких-то там генетических изменений.

К несчастью, придерживаются подобного мировоззрения не многие. В плане притягательности для противоположного пола альбиносы оказываются в приоритете, несмотря на то, что характер этих прародителей новой расы цессян идеальным назвать ну никак нельзя. Возможно, это опять-таки результат мутации, а возможно, просто вседозволенность, ощущение собственного превосходства и безнаказанности.

И в реальности выглядит это примерно так.

Медленно бреду по узкой полосе мелкого тёмного крошева каменистой долины, тянущейся вдоль городской стены. Наклоняюсь к самой земле, собирая с маленьких травянистых кустиков жёлтые ягоды атики. Крошечные, но вкусные до умопомрачения. А ещё полезные и довольно редкие. Растут эти растения практически везде, где кристаллическая порода выходит на поверхность, да только плодоносят не часто. Особенно в дикой природе.

– Хм... – раздаётся задумчиво-оценивающее откуда-то сверху. – А ничего такая попка. Симпатичная. С этого ракурса, по крайней мере, смотрится неплохо.

Распрямляюсь, скользя взглядом по каменной кладке. На высоте двух метров обнаруживаю альбиноса, удобно устроившегося в одном из смотровых проёмов. Не дожидаясь от меня ответной реакции, тот немедленно спрыгивает вниз.

О ягодах забываю мгновенно и разворачиваюсь, стартуя по направлению к дому. Сбежать не успеваю. На моём пути оказываются ещё два блондинистых экземпляра, оперативно схвативших меня за руки и оттащивших обратно к стене. И когда только спуститься успели?!

Сообразив, что совершенно глупо попалась и помочь мне некому, ведь гуляю я одна, лихорадочно принимаюсь соображать, как бы эффективнее и без последствий избавиться от неприятного общества. Не ожидала, что встречу здесь элиту. Вообще первый раз вижу, чтобы кто-то из этих типов ошивался на пустоши за пределами города.

– Какие-то проблемы? – возмущённо шиплю, решив, что терять уже нечего.

– У нас – никаких, а вот у тебя скоро появятся, – нагло заявляет один из тех, кто меня удерживает, и на пару со своим дружкой начинает негромко смеяться.

Намёк мне не нравится, и я дёргаюсь, стараясь выкрутиться от захвата. А толку? Несмотря на визуально хрупкое телосложение, мужчины всё равно сильнее меня.

– Строптивая, как дикая хинари, – с каким-то непонятным удовлетворением в голосе констатирует один из друзей-приятелей, не позволяя вырваться.

– Обкатаем, – коротко хмыкает второй.

– Прекратите! – демонстративно сердито осаживает их третий. – Совсем запугали девочку. Как можно!

Думаете, он мне помочь пытается? Нет. Это он так изысканно издевается.

Смотрю на остановившегося напротив меня мужчину. Высокий, стройный, с короткими волосами, которые лежат на голове непослушной волной и падают на лоб. Руки сложены на груди, движения неспешные, взгляд нахальный, улыбка развязная. Белоснежный костюм подогнан идеально, даже придраться не к чему. Типичный альбинос, короче.

– Дэйль Монт, – называет себя, прекрасно зная, что я обязана ему ответить.

– Лила Ювита, – вызывающе бросаю.

– У тебя хорошие данные, Лила.

По моей фигуре пробегает оценивающе-наглый сиреневый взор. И одежда моя ему в этом осмотре ничуть не мешает. Скорее даже наоборот, помогает, потому что блузку с короткими рукавами и обтягивающие брючки трудно назвать весомой преградой, скрывающей что-то от посторонних глаз.

Взгляд задерживается в вырезе блузы, где на открытом участке кожи отлично видна тонкая цепочка с маленьким кулончиком, наличие которого доказывает, что правом на рождение ребёнка я ещё не пользовалась, и в глазах мужчины вспыхивает предвкушение.

– Беременность когда планируешь? – он стартует с места в карьер. – Партнёра уже нашла? Если нет, можешь на меня рассчитывать. С удовольствием помогу. У меня все дети рождаются альбиносами, ни одного меланиста ещё не было, – самодовольно

улыбается. – Соглашайся. Не пожалеешь.

– Поищи другой объект для осеменения, – безумно радуюсь тому, что имею право отклонить «заманчивое» предложение. – Я для этих целей ещё не гожусь.

– Вот как? – Дэйль хмурится, теряя половину своей самоуверенности и недоверчиво рассматривая моё лицо. – И сколько же тебе лет?

– Двадцать, – выдаю триумфально.

Альбинос кривится. Его реакция мне понятна: интимные отношения до двадцати пяти лет физиологически невозможны.

– Не беда, подожду, – вроде как уступает. – Ты только другие предложения не рассматривай, – по щеке скользит ладонь с изящными длинными пальцами.

От охватившего меня негодования не только сердечко лихорадочно бьётся, но и дыхание перехватывает. Сволочь какая! Знает же, что прикасаться к лицу имеет право только муж! А я бы и рада подобного контакта избежать, только как, если свобода ограничена?

– Обязательно рассмотрю! – со злости совершенно забываю о том, что альбиносы безумно злопамятны. И вообще не любят, когда с ними спорят.

– Н-да? – задумывается Дэйль. – Тогда... – быстрым движением поддевает пальцем цепочку и срывает украшение с моей шеи. Нагло, глядя прямо мне в глаза.

Сжимаю зубы, старательно сдерживая рвущиеся ругательства. Уже не в его адрес, а в свой. Дихол! Ну кто меня тянул за язык! Если до этого ещё можно было надеяться на то, что неприятный инцидент останется без последствий и за пару лет блондин обо мне забудет, то теперь... Теперь альбинос регистрирует мой идентификатор в комитете по контролю за рождаемостью. А это равносильно признанию за ним права на зачатие со мной ребёнка. Блондинистые дружки однозначно подтвердят, что я отдала кулончик добровольно, а других свидетелей нет. И доказать, что он его у меня просто-напросто отобрал я не смогу. Кто мне поверит? В комитете не станут разбираться и выяснять истинное положение дел или узнавать моё мнение.

В общем, будет считаться, что свой выбор я сделала, значит, и забеременеть с этого момента имею право только от этого субъекта. Принуждать меня, разумеется, Монт не станет, будет ждать, пока я соглашусь принять его как партнёра, потому что в плане зачатия насилие недопустимо, но если встану в позу и откажу блондину окончательно, останусь без детей вообще. Даже в том случае, если выйду замуж. Ведь относительно женщин-меланисток действует закон: первая беременность должна быть только от альбиноса. И, невзирая на статистику, по которой вероятность того, что ребёнок унаследует признаки отца, составляет что-то около пятидесяти процентов, его нарушение карается стерилизацией и лишением того, кто родился незаконно, всех социальных прав. Правящая династия старается максимально уменьшить долю меланистов. Вот такими отвратительными способами в том числе.

Получив желаемое, Дэйль прячет добычу в карман и одаривает меня не самым целомудренным взглядом.

– До встречи через пять лет, Лила. Надеюсь, ты умная девочка и не хочешь лишиться возможности иметь детей. Можешь не сомневаться, ребёнок будет похож на меня, да и сам процесс тебе понравится, – кивает своим спутникам, и те меня отпускают, отступая на несколько шагов.

Остаюсь неподвижной, несмотря на то, что с огромным удовольствием исполосовала бы ногтями эти красивые холёные физиономии. Удерживаюсь только потому, что наносить физические увечья альбиносам, во-первых, бессмысленно: пройдёт несколько дней, и они полностью восстановятся. Во-вторых, самоубийственно. Наказание за подобный поступок – смерть. А умирать мне как-то рановато. И уж тем более я не желаю, чтобы причиной этого стал какой-то сексуально озабоченный мутант! Хотя о чём я? Для подобных Монту главное не удовольствие, а выполнение социальных функций. Тем более что за рождение ребёнка правильного фенотипа папочка получает немалую сумму. Сейчас мужская составляющая элиты Цесса исключительно на эти заработки и живёт.

Буквально единицы выбирают другие профессии, а осеменение используют только по необходимости, как альтернативный источник дохода. И Дэйль к этой категории, похоже, не относится. Понятно, что пройдёт несколько поколений, меланисты исчезнут и ситуация в корне изменится, но до этого ещё так далеко!

Короче, ненавижу альбиносов.

Морщусь, стараясь избавиться от неприятных воспоминаний, и перебрасываю тонкий, но необычайно плотный лист, открывая следующую страницу:

Физические особенности

Состояние организма приманки не может иметь функциональных отклонений, а оптимальный уровень физического развития должен находиться в пределах нижеперечисленных границ антропометрических шкал.

Далее следует длинный перечень слов и цифр, в общем, всего того, что подразумевается под этими самыми границами. Рост, вес, давление, мышечная сила, выносливость... Пробегаю по нему глазами, в некотором смысле даже жалея, что все эти показатели у меня, что называется, «соответствуют».

Хотя, с другой стороны, не представляю, как бы я себя чувствовала, будь они у меня иными. Ведь тогда я потеряла бы так много! Одна возможность кататься на хинари чего стоит!

Хинари...

Закрываю глаза, вновь уплывая в воспоминания.

Скорость. Ветер в лицо. Яркие лучи восходящего Бокуса, льющиеся сквозь туманную влажную дымку, поднимающуюся над равниной. Запахи свежескошенной травы и земли, взрываемой острыми, маленькими копытами. Мощное, сильное тело, к которому я тесно прижимаюсь, обхватывая руками и ногами, чтобы удержаться и не упасть. Безумные, невероятные ощущения!

Чувствую снижение темпа и всматриваюсь в окружающий пейзаж, чтобы выяснить причину. Острота зрения хинари куда выше, чем у цессян, поэтому не сразу замечаю то, что заставляет животное тормозить. Ощутимо далеко впереди появляется тёмная полоса – цепь глубоких оврагов, рассекающих равнину и уходящих вглубь планеты.

Препятствие моей любимице не нравится, и она с удовольствием обежала бы его стороной, но у меня задача иная – добраться до финиша кратчайшим путём.

– Давай, Тия, давай, – ласково подбадриваю остановившееся животное. – Это не страшно. Ты справишься!

Поощряемая моими словами, молоденькая хинари, которую я обкатываю уже целый сезон, игриво взбрыкивает, перебирает тонкими ножками, сдав назад, и резко бросается вперёд.

Едва успеваю сконцентрироваться и вновь прильнуть к своему живому средству передвижения. Чувствую, как мышцы перекачиваются под кожей, напрягаясь, и... прыжок.

Хинари взлетает в воздух, далеко вперёд выбрасывая передние конечности. Сердце замирает в ожидании. Секунда, две... Приземление. Ощутимо сильно меня встряхивает, едва не сорвав со спины Тии. Новый рывок, и ещё одно препятствие остаётся за нами. Третье.

Когда хинари возвращается к размеренному бегу по ровной, словно стол, поверхности долины, я выдыхаю с облегчением, позволяя себе чуть расслабиться.

– Умничка, – хвалю послушное животное, лёгким натяжением тонкой уздечки указывая ему направление, в котором нам нужно двигаться, – к возникшим на горизонте контурам спортивного комплекса, откуда мы стартовали час назад.

Добравшись до пропускного пункта, останавливаемся, дожидаясь разрешения ехать дальше.

– Молодец, Лила, – тёмноволосый дежурный фиксирует время, потраченное на скачку. – Ещё пара-тройка выездов, и вы закончите. Кстати, – парень о чём-то вспоминает, поднимая на меня карие глаза, – тебя на следующий сезон записывать? У нас новая партия на обкате будет.

– Разумеется, – активно киваю, потому что за дрессуру хинари платят немного, считается, что мы больше удовольствия получаем, чем работаем, но даже такая сумма лучше, чем ничего. Тем более что до двадцати пяти мы официально работать не имеем права, а мне так вообще ещё только девятнадцать, и я тут на полулегальных правах.

Попав на территорию комплекса, уже неспешно проезжаю через разминочную площадь, стараясь не помешать тем, кто только-только начинает заезд.

Оказавшись у одного из спальных корпусов, прыгиваю, освобождая животное от необходимости таскать на себе мою персону, и завожу в стойло. Снимаю упряжь, убираю в сторону и наливаю в пустой резервуар воду. Тия немедленно погружается туда своей узкой заострённой мордочкой, смешно поводя тремя короткими ушками, а я, дожидаясь, пока она напьётся, поглаживаю гладкую, скользкую, словно вощёную кожу. Не удержавшись, прижимаюсь к ней щекой, наслаждаясь довольным утробным пофыркиванием, которое издаёт хинари.

– Тебе везёт, Лила, – удручённо вздыхает женский голос у меня за спиной. – А мне опять допуска не дали.

– Не огорчайся, – отстраняюсь от своей любимицы и поворачиваюсь к расстроенной девушке. – Попробуй снова. Может, на следующий раз тебя возьмут.

Смотрю на пухленькие пальчики, сжимающие перила, опоясывающие ограду, и сама не верю в то, что говорю. Причина угнетённого состояния подруги лежит на поверхности – Риссе теперь активные развлечения вряд ли будут доступны. Крупновата она для того, чтобы тонконогое, изящное животное могло её удерживать на себе. Два сезона только и занималась, а дальше девушке кататься запретили категорически, потому как нужную форму та потеряла и вернуть прежний вес ей никак не удаётся, хотя она очень старается. На диете сидит, физической нагрузкой себя изматывает, а толку как не было, так и нет. По-моему, за последние полгода подружка даже ещё немного прибавила в весе.

И это не её личная, уникальная особенность. Больше половины цессянок имеют весьма обширные, роскошные формы и отнюдь не хрупкое телосложение. Разумеется, это ни в коей мере не ограничивает их права и социальные функции. Теоретически. Но не практически.

До того как в моду вошли худенькие цессяночки-альбиноски, многим мужчинам такой тип женщин нравился, но теперь выйти замуж пышнотелой меланистке не просто. Мало того, что приоритеты сильного пола в корне поменялись, так и их самих на Цессе не настолько много, чтобы все желающие могли найти себе мужа. И Риссе очень повезёт, если отыщется альбинос, который согласится помочь ей реализовать право на рождение ребёнка. Эти типы, несмотря на свою алчность, тоже весьма разборчивы и могут запросто отказать, если им что-то не понравится. А в этом случае у девушки не будет иных вариантов, кроме как согласиться стать для меланиста любовницей или вообще остаться одиночкой, вся жизнь которой будет посвящена только работе. Грустная перспектива, безрадостное будущее. И его так трудно изменить!

Открываю глаза, вновь оказываясь в своей реальности. Задумчиво перелистываю ещё одну страницу и читаю:

Личностные качества

Рекомендуемый психотип приманки – эмоционально и стрессоустойчивый, активный, энергичный, лабильный, быстро реагирующий на изменения, не обременённый стереотипами, уравновешенный, с высокой степенью концентрации и выдержки.

Тут компания, конечно, перестраховывается и перебарщивает с критериями, ведь в природе таких идеальных личностей не существует. Ну, нереально же совмещать в себе все те качества, что перечислены в требовании!

Вот и гибнут приманки, ибо на этот пункт, несмотря на его важность, при вербовке на работу смотрят сквозь пальцы. Хотя, конечно, предусмотрительность начальства похвальна и оправданна. Когда появляется спуктум, необычайно важно сохранять спокойствие и правильно себя вести, не теряя самообладания. Иначе долго не проживёшь.

В этом смысле мне, можно сказать, повезло. Жизнь меня многому научила. Однажды на Цессе я оказалась в ситуации куда более опасной, чем встреча со спуктумом. И не сумей я тогда справиться с охватившим меня ужасом, взять себя в руки, результат был бы плачевным. До сих пор помню накатившие на меня «приятные» ощущения, когда оказалась на небольшом выступе, опоясывающем высоченную башню. Это древнее сооружение сохранилось с тех незапамятных времён, когда цессяне ещё не совершали полётов в космос и жили только на своей планете. И оно самое внушительное среди всех тех, что можно найти на Цессе.

Шаг. Ещё один.

Карниз, по которому я иду, не только узкий, он, ко всему прочему, скользкий, зар-ра-за! В некоторых местах дожди и ветер отполировали камень до такого состояния, что он бликует и отражает свет как зеркало, а другого пути вверх нет.

Прижимаясь спиной и ладонями к вертикальной поверхности, тщательно фиксирую положение ступней, чтобы не соскользнуть и не навернуться с тридцатиметровой высоты.

Вниз, туда, где безбрежным зелёным океаном раскинулась травянистая поверхность равнины, стараюсь не смотреть. Вверх, в стремительно темнеющую синеву закатного неба, тоже. Сосредотачиваюсь на том, куда ставлю ноги, и мысленно ругаю себя последними словами. Угораздило же меня поверить в несбыточное!

А во всём Алрон виноват. Наша учебная группа выехала на осмотр достопримечательностей Цесса, и, пока мы добирались до равнины, где в огромных количествах сосредоточены исторические доказательства созидательной деятельности древней расы цессян, парень увлекательно рассказывал нам, что каждая такая реликтовая башня – это ритуальное сооружение для воззваний к богам. Мол, наши предки создавали их не просто так, а с вполне определёнными целями. И если взобраться на вершину и прочитать вслух опоясывающие алтарь письма, то исполнится то, о чём в этот момент думаешь.

Многих, и меня в том числе, рассказ впечатлил. Заинтриговал настолько, что мы, едва закончилась экскурсионная программа и нам позволили заняться осмотром самостоятельно, немедленно отправились покорять древние вершины. Авантюра? Возможно. Но верить так хочется! Особенно, когда выбора не остаётся. Мне через три года во взрослую жизнь отправляться, а я уже сейчас могу сказать, что ждёт меня судьба отвратительнее некуда. Так что не нужно обвинять мою доверчивую персону в глупости и легкомыслии!

Делаю последнее скользкое движение в сторону, нащупывая ладонями край площадки. Ура, дошла! Осталось совсем немного – развернуться лицом к стене и вылезти на ровную поверхность. Осторожно поворачиваюсь, чтобы зафиксировать устойчивое положение. Именно в этот момент мои ноги соскальзывают, и я срываюсь вниз, повисая на руках.

Меня словно ледяным дождём окатывает. С ужасом понимаю, что на этом моя жизнь и

закончится, потому что держаться долго я не смогу. Выступ, по которому шла, использовать как опору проблематично – он оказался на уровне моей талии, а сил подтянуться на пальцах у меня точно не хватит.

Паника в душе разрастается, с каждым ударом сердца в крови всё больше адреналина, и от этого мышцы слабеют быстрее. Неожиданно замечаю на уровне глаз выбитые на стене слова:

«Мы рождены из снов и страхов,

Лишь потому уходим в никуда.

Поверить в невозможное возможно,

Закрой глаза и загляни в себя».

Я их шепчу непослушными губами, искажая древний язык, потому что в современном произношении слова звучат немного иначе. Невольно выполняю прочитанное и прижимаюсь лбом к удивительно тёплому камню, а через секунду понимаю, что мои ощущения изменились. У меня вообще такое чувство, что я не где-то высоко над землёй, а на занятиях по физической подготовке. И край площадки, за который я держусь, – всего лишь необычный вариант тренировочного стенда.

Раскачиваюсь и подтягиваюсь на руках. Мгновение, и моя нога уже фиксируется на уступе, обретая пусть небольшую, но опору. Новый рывок, и локоть ложится на горизонтальную поверхность. Последнее усилие... Всё. Поднимаюсь на ноги, так до конца и не осознав, как у меня это получилось.

Стою, овеваемая тёплым ветром, который на этой высоте куда более сильный, чем у поверхности, и думаю: использовала я своё право на желание, когда прочитала надпись, или нет? Это мне помогли или всё же я сама справилась?

Если рассуждать логически, то озвученное мной послание из прошлого на обращение к богам никак не тянет, скорее на мудрое изречение. Оглядываюсь в поисках настоящего алтаря и других надписей, но площадка совершенно гола и пуста. Здесь вообще нет ничего интересного.

Разочарованно хмыкаю, поражаясь своей наивности. А ещё тому, что мне пришлось побывать на грани жизни и смерти для того, чтобы понять: чудес не бывает и всё в этом мире зависит только от тебя самого.

Обратный путь оказывается не в пример легче. Достаточно сползти на уступ и не торопясь по нему спуститься.

– Ты как? – бросаются навстречу подружки, которые прекратили безуспешно-опасные попытки покорить соседние вершины и всё это время стояли внизу, наблюдая за моим восхождением.

– Нормально, – отмахиваюсь, решительно направляясь к транспортнику, где нас уже давно ждут сопровождающие. К счастью, занятые своими делами, они не заметили самоубийственного поступка одной из своих подопечных.

– Лила, подожди! – на полпути меня тормозит Алрон, хватая за предплечье и останавливая. – Ты видела письма? Читала? Там что-то произошло, да? – смотрит с каким-то непонятным напряжением в карих глазах.

– Произошло, – подтверждаю и избавляюсь от контакта, освобождая руку. Допустимого, однако нежелательного. – Но не там, а тут! – многозначительно касаюсь пальцем его виска. – У кое-кого мозги от фантазий расплавились! Не вздумай больше никому их озвучивать, – совершенно серьёзно советую. – Угробится кто-нибудь по неосторожности из-за твоего вымысла, потом тебе же придётся отвечать.

Разворачиваюсь, продолжая путь.

– Это не вымысел... – слышу растерянно-тихий голос за спиной.

Ну-ну. Грустно улыбаюсь, скользя пальцем по коже на груди. Если бы это было так, кулончик бы ко мне давным-давно вернулся. Я ведь потом ещё один заход на башню сделала, уже другую, когда подвернулась удобная возможность. И каков результат? Правильно. Нулевой. Разве что лишний раз поупражнялась в ловкости и координации. Хотя надписи там тоже были, я их читала и думала в этот момент именно о том, чтобы Монт отказался от идеи зачать со мной ребёнка. В комитете спокойно относятся к возврату прав на отцовство, если заявку, поданную несколько лет назад, альбинос отзывает, потому что передумал.

Думаете, я только на высшие силы надеялась, пассивно ждала результата и ничего сама не предпринимала? Да я дважды с этим подонком разговаривала, пытаюсь убедить, что его амбиции и желание меня наказать за строптивость ни к чему позитивному не приведут. И если в первый раз окончательного ответа он мне не дал, объяснив свою нерешительность тем, что ему необходимо время подумать, то на второй...

– Нет, Лила, – стоящий спиной к открытому проёму в беседке, где мы ведём переговоры, Дэйль качает светлой головой, и яркие лучи Бокуса пляшут в его волосах. – Я слишком долго ждал, чтобы теперь просто взять и отдать тебя другому.

– Четыре года – это не долго, – впиваюсь ногтями в ладони, чтобы заглушить физической болью душевную, и стараюсь сохранить хладнокровие. – Ты будешь ждать куда дольше, потому что я тебя к себе не подпущу! Никогда! Лучше уж совсем без детей останусь! – всё же срываюсь, добавляя яростно.

Скептическая усмешка, которая ложится на его губы, меня настораживает, а когда блондин начинает говорить, понимаю почему.

– Глупая ты, Лила, – Монт шагает ко мне и садится рядом, закидывая ногу на ногу и любовно разглаживая складки на привычно белых брюках. – Сомневаюсь, что твой муж согласится остаться бездетным, так что упрямись ты напрасно. Всё равно пройдёшь через мои руки, прежде чем подаришь супругу его собственного ребёнка.

– А с чего ты решил, что я вообще выйду замуж? – шиплю негромко, отодвигаясь от него подальше. Иначе точно не сдержусь и расцарапаю наглецу физиономию.

– Ты в зеркало на себя давно смотрела? – улыбка становится ещё шире и неприятнее. – Пусть ты и не альбиночка, но внешность у тебя приятная и фигурка замечательная. С возрастом стала даже лучше, – жадный взгляд скользит по моему телу. – Кто ж из меланистов такое упустит? Я очень удивлюсь, если через пару лет ты всё ещё будешь незамужней. Честно говоря, уже и сам начинаю задумываться, не сделать ли тебе предложение посерьёзней, чем осеменение. Тогда и правильных деток будет больше, – тянет многозначительно. – Ладно-ладно, – смеётся, заметив, что я начала надуваться от возмущения как воздушный пузырь. – Подожду, пока ты согласишься на первого.

Вот и всё, чего я добилась. Чёткого осознания того, что Монт не отступит. Возможно, ещё и на большее замахнётся. Так что от древних заклинаний толку никакого. А от инструкции польза есть. Она, по крайней мере, в заблуждение не вводит и точно всё определяет. Что называется «от» и «до».

Смотрю на толстенький буклетик в своих руках. М-да, это самое «до» ещё очень далеко. Так что, продолжим:

Уровень образования

Ступень учебной подготовки для приманки – общая, стандартная. Профессиональная и квалификационная специализация не учитывается.

Фыркаю возмущённо. Ещё бы она учитывалась! И что там вообще можно учитывать? Это у мужчин выбор широкий, а у нас? Ни на одну должность, связанную с техникой, женщину-меланистку не примут. Альбиночку тоже. Если всё же возьмут, то только по очень большой протекции. Так что пилотирование, инженерия, строительство, даже лечебное дело – мимо! Про специальности, связанные с безопасностью, вообще речи нет.

Остаются сфера обслуживания, обучения, развлечений и вспомогательные работы типа секретарских.

Кстати, последние у девушек очень популярны. Во-первых, есть шанс устроиться на работу в структуру, близкую к правящей верхушке, а это практически стопроцентная гарантия хорошего заработка. Во-вторых, если не прокатит с первым, у личной помощницы всегда больше шансов выйти замуж за своего начальника. Или любовницей стать. Тут уж как повезёт.

Меня подобная перспектива не прельщала совершенно, поэтому, когда мне исполнилось восемнадцать и пришло время выбрать направление, в котором предстоит совершенствоваться в течение следующих семи лет, долго я не размышляла, приняла решение сразу. История.

– Ты хочешь стать наставницей? – округляет глаза Рисса, не понимая моего желания просвещать новое поколение цессян. – Лила, ты бы как следует подумала, у тебя такие хорошие данные, – смотрит на мою худенькую фигурку, – а то, что ты выбрала, это же бесперспективно, – прижимает ладони к пухленьким щекам, с каждым годом округляющимся всё сильнее.

– Зато интересно и не скучно, – улыбаюсь, наглядно демонстрируя, что меня всё устраивает. – Можно изучать древние языки, архивы, ездить в экспедиции, на раскопки! Знаешь, чего я хочу? – таинственно понижаю голос. – Узнать, почему у цессян и представителей иных цивилизаций в соседних звёздных системах так много сходных черт! Выяснить, как же так получилось, что, зародившись настолько далеко друг от друга, мы невероятно похожи физиологически, пусть и отличаемся внешне! А для этого на другие планеты летать нужно будет. Историков всегда без вопросов принимают в состав исследовательских групп!

– И не мечтай, – безапелляционно заявляет мужской голос, на который мы с Риссой синхронно оборачиваемся. – В дальний космос теперь никого не пустят.

– Это ещё почему? – изумлённо смотрю на будущего стратегического консультанта.

Есть такая разновидность мужской профессии, которая мне недоступна. А поскольку её получение требует фундаментальных знаний по истории, мне и Алрону предстоит обучаться в одной группе, хоть и с немного различающимся расписанием занятий.

– Хотя бы потому, – парень смотрит на нас, как на глупых дорاد, – что там становится совсем опасно. Вы что, не в курсе? Новости не смотрели? Вчера ещё четыре системы объявили, что не будут соблюдать нейтралитет по отношению друг к другу.

– Кто именно?

Тревожное положение в космосе меня не радует. Затяжная война в нашем рукаве Галактики, которая идёт вот уже на протяжении двухсот лет, никак не желает прекращаться. А в последние годы вообще набирает обороты. Из ста тридцати известных нам заселённых планет в состоянии вооружённой конфронтации уже около сотни. И враждующих становится всё больше.

– Вионцы, шенориане, леяне и томлинцы, – хмуро перечисляет парень.

– Ой, – округляет глаза Рисса. – Томлин! Это же совсем-совсем близко!

– Вот то-то и оно! – наставительно изрекает Алрон. – Так что сидите на Цессе, девочки, и не дергайтесь.

Махнув нам рукой, он исчезает в проёме, ведущем в учебную аудиторию.

– Лила, – испуганно смотрит ему вслед подруга, – а если война и нашу планету затронет? Что будет, если цессянам тоже придётся воевать, а не просто охранять неприкосновенность границ в космосе?

– Ничего не будет, – пожимаю плечами. – Зря что ли Овид Шу ли'Тон расу неуязвимых выводит! Думаю, когда война докатится до Цесса, меланистов уже совсем не останется, а альбиносов, ты же знаешь, убить почти нереально. Выживут.

– Верно, – ошутимо задумывается брюнеточка. – Слушай, Лиля, а ты, если замуж не выйдешь, рожать будешь?

– Ну и вопросы у тебя... – подхватываю девушку под руку и утаскиваю на выход. Занятия у нас закончились, можно и домой отправляться. – Рожать... Мне кажется, что для этого сначала полюбить нужно.

– Альбиноса? – деловито уточняет любопытная личность, послушно следуя за мной.

– Смысл? – удивляюсь её наивности. – Ты хоть одного нормального видела?

– Твой брат ничего, – осторожно замечает подруга.

– Мой брат просто ещё не в том возрасте, – объясняю популярно. – Вот через год исполнится ему двадцать пять, начнёт с девушками встречаться, получит первый гонорар, войдёт во вкус, и всё изменится. Паренька ты не узнаешь.

Некоторое время мы молча идём по упругой траве, размышляя каждая о своём. Затронутая тема волнует меня уже давно. С одной стороны, необходимость родить ребёнка, имеющего способности к регенерации, я понимаю. Нам на занятиях по общественному устройству и социализации причины политики правящей династии популярно разъяснили. Разжевали. Втолковали. Со всех сторон осветили. И ведь понимаю, на самом деле реально важно всё это, придаться не к чему. И всё же никак не могу до конца осознать, что у кого-то будет со мной интимная связь только потому, что обществу нужно, чтобы я забеременела правильным ребёнком. И вдвойне мне трудно представить на этом месте альбиноса. Не знаю уж почему. Наверное, моей романтической душе хочется, чтобы все дети были от любимого, а не частично от того, кто выполняет свою работу. А влюбиться в мутанта кажется мне нереальным, слишком уж нелестные отзывы о них гуляют. И вообще типаж мужчин-меланистов мне нравится куда больше. Замкнутый круг какой-то получается!

– А мне кажется, – вдруг подаёт голос Рисса, – ты насчёт Лойды ошибаешься. Он будет лучше других, – упрямо не сдаёт позиций.

– Так! – от неожиданности даже останавливаюсь, разворачивая подругу к себе лицом. На щёчках румянец, глазки скромно вниз. Это что ещё такое?! – Он тебе нравится? – озвучиваю свою догадку. – Не рановато ли на мальчиков заглядываться начала? У тебя ещё даже кулончика нет!

– Через два года получу, – сердито парирует девушка. – Как и ты!

– И что? – удивляюсь её недалёковидности. – Сразу Лойду его отдашь?

– Может, и отдам, – заявляет патологическая упрямца. – Если захочет, чтобы я от него забеременела, – окончательно добывает моё восприятие.

Нет, таким, как Рисса, получать кулоны раньше двадцати пяти точно нельзя! Теперь я понимаю, почему королевским указом снизили возраст, в который выдают идентификаторы, несмотря на то, что мы не можем ими пользоваться, только носить при себе обязаны. Вот на таких, беспечных, реформа и рассчитана! После совершеннолетия выбирать партнёра будешь придирчиво, вдумчиво, если замуж не выйдешь, можно вообще отказаться рожать. А в молодости что с цессянки взять? Влюбилась на фоне гормональной перестройки организма, отдала права на зачатие абы кому и... И всё. Назад пути нет, а у общества шанс получить ещё одного ребёнка-альбиноса возрастает.

Общество... Его интересы даже при приёме на работу приманок учесть не забыли. «Любуюсь» на лаконичную запись, единственную на всю следующую страницу:

Социальные связи

На период действия контракта приманка не должна состоять в браке и иметь детей. Другие социальные позиции принципиального значения не имеют.

Минимальность – залог успеха. Особенно, если и так ограничений выше головы, а желающих поработать наживкой для инопланетного чудища не слишком много. Впрочем, мне необычайно повезло, что в этот пункт не включили наличие взятых на себя обязательств по зачатию. Если бы их принимали во внимание, то заявка Монта на отцовство поставила бы жирный крест на моих попытках что-то изменить. В этом случае улететь с Цесса мне бы никто не позволил.

Замечательно ещё и то, что проблем с этими самыми «не имеющими принципиального значения социальными позициями» у меня не возникло. Хотя, конечно, родители оказались слегка шокированы принятым мною решением работать на другой планете, да ещё и в подобном качестве.

Исчезнуть, не предупредив их об этом, я позволить себе не могла, несмотря на то, что уже целый сезон жила отдельно и самостоятельно. Всё же взаимопонимание и тёплые отношения в семье для нас, цессян, очень важный аспект жизни.

Поэтому, едва выдаётся возможность, добираюсь до города и отправляюсь на прогулку. Неторопливо выбираюсь из толпы прибывших вместе со мной пассажиров и пересекаю площадь, заполненную ожидающими нас маленькими транспортниками. Я предпочитаю пройти пешком. Погода хорошая, да и мне так хочется ещё раз в полной мере ощутить себя в привычной обстановке. Насладиться. Запомнить. Возможно, я этого больше никогда не увижу.

Постепенно высокие здания делового сектора и городской инфраструктуры сменяются небольшими одноэтажными конструкциями спального района, и, добравшись до знакомого с детства домика, я без раздумий шагаю в раскрывшийся передо мной проём.

Пару минут прячусь за перегородкой, отделяющей холл от гостиной, и наблюдаю за тем, как папа просматривает какую-то видеопрограмму, а мама прибирает разбросанные по комнате вещи, периодически бросая взгляды в сторону сидящего на диване темноволосого малыша, родившегося два года назад. Там же, рядом, расположилась белокурая сестричка, разложив свои игрушки и не позволяя к ним прикасаться братику, тянущему ручонки к ярким предметам. Ей почти восемь, и она уже в полной мере осознаёт своё превосходство над другими, не забывая это демонстрировать. В этом она Лойда перещеголяла, потому что тот в детстве ко мне куда лояльнее относился. Да и сейчас мы с ним совершенно нормально общаемся. И я рада, что мои опасения насчёт того, что характер братика испортится, оказались практически беспочвенными, а тех неприятных черт, которых с избытком у других альбиносов, у него проявилось не так много.

Подумав, что момент подходящий, появляюсь в зоне видимости и решительно озвучиваю новости. Выслушав меня, мама изумлённо ахает и практически падает на стул, который я успеваю к ней пододвинуть. Папа коротко на меня взглядывает, но молчит. Первой реагирует белобрысая язва.

– Лила будет обедом для страшных монстров! – кривляется, демонстрируя, как именно это произойдёт. – Её съедят. Здорово! А на видео это снимут? Я хочу посмотреть!

– Лора! – приходит в себя родительница, возмущённо осаживая малолетнюю вредину. – Не смей так говорить о сестре! Дочурка! – теперь её внимание уже полностью сосредотачивается на мне. – Ты шутишь? Приманка на Зогге? Это же самоубийство! Да там смертность такая высокая! Ты хорошо подумала?! – начинает причитать, прижимая руки к груди. – Я, конечно, всегда поощряла в тебе самостоятельность и решительность, сейчас без этого трудно жить, но даже предположить не могла, что ты воспримешь мои слова буквально! Неужели ничего более спокойного не нашлось? У тебя было столько возможностей! Тебе предлагали взять группу на обучение! Почему не осталась в учебном комплексе? Не нравится наш город, ну подобрали бы тебе другой, переехала бы туда! Всё же это лучше, чем океан, населённый жуткими обитателями! Может, ещё не поздно отказаться? – с надеждой хватается за моё запястье, словно это может меня остановить.

– Нет, мам, – качаю головой, присаживаясь на сиденье рядом. – Я уже контракт подписала. Ты не волнуйся, – успокаиваю, потому что в глазах родительницы появляется всё больше волнения. – Меня же не сразу и не просто так туда отправят, сначала дополнительное обучение нужно будет пройти, подготовиться...

– А потом сгинуть на чужой планете, – задумчиво заканчивает папа. – Ладно, хоть есть за что.

– Нолл! – вскидывается мама. – Как ты можешь так спокойно об этом рассуждать?!

В ответ родитель только пожимает плечами и отводит глаза в сторону, возвращаясь к просмотру. И я направление его мыслей понимаю. Угроза войны, висящая над Цессом, никуда не исчезает. Единственная реальная возможность держать внешнего врага на расстоянии – постоянно патрулирующий границы системы флот, который нужно увеличивать по мере того, как возрастают масштабы опасности. А для изготовления двигателей нужен ултриз, и не в самых скромных количествах.

Вот и получается, что волей-неволей, так или иначе, но всё же свой долг перед обществом я выполняю. Не будет у меня ребёнка-альбиноса, так хоть кораблей цессяне смогут сделать больше, защитив других.

Думаете, это я вся такая правильная, социализированная и самоотверженная? Ну нет! Я куда более приземлённая и вообще, по сути, эгоистка. Хотя отмазка для других отличная, мне верят и смотрят как на героиню. А я их не разочаровываю, поддерживая в этом заблуждении. Не буду же я озвучивать истинные мотивы принятого мной решения! Тем более что они куда прозаичнее.

Во-первых, чем дальше от Монта, тем мне спокойнее. Останься я на Цессе, и этот тип меня бы точно достал.

Во-вторых, поселилась в моей «умной» головушке одна бредовая идея, которой я загорелась. Не зря же столько времени в архивах провела!

Так вот, готовила я квалификационную работу, заканчивая своё обучение, копалась в древних манускриптах, которые пылились в забвении (боги знают, сколько десятков, а может, и сотен лет), и обнаружила очень интересные упоминания о том, что возраст цивилизации цессян на несколько порядков больше, чем принято считать официально. И, похоже, развитие нашей цивилизации шло в два этапа.

Сначала был древнейший период, который длился что-то около трёх тысяч лет и закончился первой экспансией в космос. Потом, примерно пять тысяч лет назад, на нашей планете что-то произошло, резко изменился климат, исчезла привычная растительность, даже состав атмосферы стал иным, и наступил регресс, который отбросил цессян едва ли не к первобытнообщинному строю. А затем началось медленное восстановление цивилизации, за которым последовал новый шаг за пределы планеты. Вот только космос оказался уже обитаемым!

Предположение я выдвинула не самое традиционное. Возможно, все окружающие нас системы заселены потомками той самой древней расы цессян, которая попыталась спастись, покинув гибнущий Цесс. И я страстно мечтала это доказать!

На научном конгрессе, куда прорвалась буквально с боем, озвучила свои выводы, чтобы пробудить интерес к вопросу изучения родственных связей между мирами, но принимать всерьёз молодую наставницу, едва-едва закончившую обучение, не стали. Обозвали фантазёркой, которая выдаёт желаемое за действительное, и намекнули, что вместо того, чтобы заниматься ненужными в данный момент изысканиями, лучше бы я нашла себе более важное применение. Обществу требуются альбиносы. И ултриз.

Спорить не стала. Альбиноса не обещаю, а вот ултриз... Нужен – значит, они его и получат. А я в качестве приманки смогу заработать более чем достаточно для того, чтобы... Внимание! Готовы? Выкупить маленький корабль-шаттл, полетать на нём с планеты на планету и найти там подтверждение своей гипотезы! Вот!

Есть ещё одна причина, по которой я так рвалась на Зогг, и она у меня тоже совсем не патриотичная. Кроме корабля мне позарез необходим пилот. А с этой братией легче всего познакомиться на другой планете, поскольку туда шаттлы летают чаще, чем транспортники из города в город. Я надеялась на то, что мужчина, которого я выберу, окажется иным, нежели те, с которыми я пересекалась на Цессе. Куда более независимым и целеустремлённым. Как-никак враждебный мир, жёсткие условия... Я мечтала, что он меня полюбит. А я его соответственно. И что ему не захочется делить

меня с кем-то ещё, пусть даже это и касается всего лишь одного-единственного раза, необходимого для того, чтобы зачать ребёнка. Ну а относительно наказания... Думаю, что настоящий мужчина нашёл бы выход и не допустил, чтобы его дети и жена пострадали!

В этом смысле я не могла понять своего отца, который необычайно спокойно, фактически равнодушно относился к навязанной необходимости воспитывать не только своих детей, но и тех, кто родился по заказу. Маму он не ревновал, по крайней мере, никогда этого не демонстрировал. И даже согласился на двух таких деток, чтобы получить аналогичное число своих собственных. Опять-таки по закону: прежде чем в семье появится ещё один меланист, сначала должен родиться альбинос.

Удивительно и то, что мой отец в этом смысле не уникален. Среди знакомых мне особей противоположного пола я ни разу не встретила недовольных, которые политику правящей верхушки воспринимали бы негативно. Все парни в нашем обучающем центре деловито рассуждали о том, как мудро Овид Шу ли'Тон поступает, а если и роптали, то только по поводу того, что до сих пор не принят указ об отстранении от права осеменения альбиносов, дети которых рождаются без мутаций, и штрафные санкции в подобных случаях ограничиваются только невыплатой положенного вознаграждения и налагаемой на альбиноса-отца обязанностью содержать дефектного ребёнка за свой счёт, а не государственный.

Нужно ли говорить, что излюбленной темой обсуждения у девчонок тоже была беременность, а именно, что лучше: дожидаться предложения замуж, пожить какое-то время с мужем, а потом уже рожать от альбиноса или же сначала забеременеть и родить, а потом выходить замуж, если появится желающий. И большинство склонялось ко второму варианту, ведь многие мужчины предпочитали брать в жёны именно таких женщин, имеющих ребёнка с нужной мутацией. Потому что тогда можно, не откладывая дела в долгий ящик, сразу получить своего собственного.

Я их слушала, и у меня волосы дыбом вставали. Ну как так можно? Нет, о любви они тоже мечтали, но в рамках общепринятых норм и правил.

Наверное, это я какая-то неправильная получилась, по сравнению с остальными. Излишне романтическая и принципиальная. А ещё глупая, потому что до сих пор верю в практически несбыточное. В то, что кто-то из законопослушных цессян способен пойти против системы, нарушить закон и попытаться что-то изменить.

Вздыхая, переворачивая очередную страницу, и, словно в подтверждение моих мыслей, вижу следующий критерий:

Правовой статус

В связи с выполнением контрактных обязательств за пределами Цесса и высоким уровнем ответственности за жизнь партнёров по охоте для приманок определена стандартная степень лояльности и отсутствие нарушений действующего законодательства.

Оно и понятно. Кому ж нужны проблемы? А если у приманки вдруг ни с того ни с сего сорвёт крышу? Появится желание возмутиться высоким уровнем риска во время охоты или не самыми комфортными условиями жизни, и она захочет радикально их изменить, встав в позу? И тем самым подведёт других? А это выльется в то, что спуктум уничтожит и саму приманку, и ликвидатора, и разработчиков месторождения? Нехорошо.

Именно поэтому любое отступление от правил и общепринятых норм вызовет весомые подозрения и приведёт к тому, что, несмотря на соответствие всем остальным параметрам, в работе приманкой могут отказать.

Мне повезло. Я однажды едва не совершила глупость, которая с лёгкостью могла стать именно таким ограничивающим фактором. Спасло меня практически чудо. Хотя и весьма-таки вещественное. Итак...

Осторожно крадусь по тёмному коридору, прижимаясь к стенам, чтобы не попасть в поле зрения датчиков движения и не вызвать срабатывание охранной системы. Нащупав косяк очередной двери, прикладываю к консоли украденный пропуск и ныряю в небольшую комнатку для персонала. Несколько секунд стою неподвижно, прислушиваясь к окружающей тишине. Успокоившись, пробираюсь между столами к прозрачной стене, через которую внутрь попадает только слабый свет звёзд.

Спросите, что я делаю ночью в здании, где размещается комитет по контролю за рождаемостью, да ещё и с чужими ключами? Пытаюсь ещё раз решить проблему с Монтом. На этот раз радикальным способом – выкрыв свой кулончик и удалив из системы запись, которая свидетельствует о том, что у альбиноса есть права на зачатие. Если у меня получится, то потом никто не докажет, что они у него были!

Я несколько дней к этой вылазке готовилась. Информацию нужную собирала, всё спланировала. Мне даже удалось стащить карточку у одной из служащих комитета, с которой я познакомилась. К счастью, она сегодня выходная, поэтому обнаружить пропажу и поднять тревогу не сможет.

Стараясь не шуметь, открываю одну из створок оконного проёма, доходящего до самого пола, и выглядываю наружу, оценивая расстояние до соседнего окна. Мне нужно до него добраться, потому что оно ведёт в ту часть здания, где находятся картотека, хранилище и собственно база данных. Увы, но ключей от этого помещения у меня нет, так что придётся рисковать.

Выбираюсь на карниз и, вцепившись одной рукой в створку, другой тянусь к желаемой цели, сильно надавливая на раму. Стекло послушно уходит в сторону, и это меня обнадеживает. Теперь нужно в открытый проём забраться. Перешагиваю пустое пространство, разделяющее карнизы, и уже через секунду попадаю туда, куда стремилась. Оказавшись внутри, включаю подсветку на рукавах. Нахожу терминал, к которому не далее чем вчера специально подходила, чтобы проверить идентификационные данные. Под присмотром оператора, естественно. Активирую систему, отыскивая нужную запись. Ага, нашла! Осталось стереть, но сделать это можно только после того, как откроется ячейка сейфа, где мой кулончик лежит. Шагаю к стене, радуясь, как девчонка, вот только через мгновение моя эйфория от успеха сменяется разочарованием. Едва касаюсь замка, как где-то внутри здания начинает верещать сирена.

Сжав зубы, потому что безумно хочется выругаться, возвращаюсь к терминалу и сбрасываю настройки системы, дабы не оставить следов, добегаю до окна, встаю на подоконник и, не раздумывая, прыгаю вниз.

Здесь высоко, как-никак шестой этаж. Но я всё же предусмотрела подобный вариант бегства, так что заранее нацепила гасители, снижающие скорость падения. Они, конечно, не панацея, удар всё равно будет сильным, однако я, по крайней мере, не разобьюсь и не покалечусь.

Ну, я так думала в тот момент. Никак не ожидала, что можно травмировать кого-то ещё. И уж тем более не рассчитывала на то, что в это позднее ночное время внизу окажется случайный прохожий!

– Дихол! – негромко вскрикивает кто-то весьма упругий, когда я приземляюсь на него всей тушкой, заваливая на землю.

Ещё в процессе падения чувствую, как меня обхватывают чьи-то сильные руки, и мы, движимые инерцией, перекатываемся друг через друга. Замираем в позиции, весьма далёкой от целомудренной, потому что я оказываюсь внизу, а тяжёлое крупное тело надо мной, ощутимо придавливая к земле.

– Это ещё что такое? – невероятно удивляется низкий голос. – Ты откуда свалилась?

Чувствую, как мужчина приподнимается, частично избавляя меня от своего веса, и смотрит вверх, пытаюсь определить исходную точку траектории моего полёта. Замечает световые всполохи, озаряющие один из этажей, и мгновенно принимает вертикальное положение, вздёргивая меня следом.

– Идти можешь? – коротко интересуется, делая шаг в сторону сгущающегося мрака переулка, образованного тесно стоящими домами.

– М-м-могу. – Оглушённая падением вопросов не задаю, послушно следуя за тянущим движением руки.

Идём мы молча и ощутимо быстро. Можно сказать, почти бежим. Пару раз сворачиваем в боковые ответвления между домами, огибая огромный административный комплекс, уже почти выходим на площадь, как меня внезапно дёргают в сторону, вдавливая в стену и зажимая рот рукой.

– Тише! – коротко предупреждают, не позволяя вырваться, хотя я и пытаюсь это сделать.

За спиной мужчины начинают плясать световые блики, раздаются возбуждённые голоса, а визг сирены становится куда более отчётливым. Затихаю, понимая, что сейчас меня обнаружат и разоблачат, особенно если поймают в экипировке, даже глаза прикрываю, но буквально через несколько секунд чувствую, что давление ослабевает и рука, столь бесцеремонно обосновавшаяся на моём лице, исчезает.

– Что ж ты натворила, девочка, раз все так переполошились? – с неожиданным сочувствием в голосе интересуется незнакомец.

– Ничего, – пожимаю плечами, демонстрируя полную невиновность. Снова стало темно, поэтому только догадываюсь, что он на меня смотрит. – Я просто гуляла.

– По карнизам здания правительственной службы? – насмешливо уточняет визави. – Это у тебя хобби такое? И разбиться не боишься?

– Не боюсь, – успокаиваюсь, почему-то уверившись в то, что он меня не выдаст.

– Кто-то так сильно достал? – в интонациях появляется понимание. – Бывает, – констатирует, не став дожидаться моего ответа. – Живёшь-то далеко?

– Не очень, – несмотря на возникшее доверие, афишировать адрес не рискую.

– Значит, дойдёшь сама? – уточняет незнакомец и задумывается. – Хотя... В таком виде лучше по улицам не бродить. Я тебя отвезу, – заявляет решительно и, сжав моё запястье, утаскивает за собой в очередное ответвление.

Через минуту уже сижу на пассажирском сиденье капсулы небольшого транспортника. Мой спаситель сосредоточенно запускает систему, переключая настройки и загружая карту района, который я ему назвала, а я, пользуясь возможностью, его рассматриваю.

Цессянин, лет сорока, наверное, с совсем чёрными волосами и такими же тёмными глазами. Взгляд пронзительный, цепкий, движения уверенные. Одет обычно для этих мест и тёплого сезона: не стесняющие движений эластичные бежевые брюки, снабжённые множеством карманов, облегчённого типа ботинки и футболка, обтягивающая торс. На плечах – короткий кожаный свирт, закрывающий часть спины и верх груди. А подо всем этим обмундированием перекачиваются мышцы. Рельефные такие, впечатляющие.

Отпустившее было волнение вновь запускает щупальца в мою и без того потрёпанную нервную систему. Станный субъект. Имя не говорит, типаж подозрительно похож на сотрудника службы безопасности, глубокой ночью по улицам гуляет... Неужели и в правду кто-то из правоохранителей? Мне таких знакомств заводить не хочется! Начинаю прикидывать, как бы половчей сбежать, оставив его в неведении относительно того, кто я такая.

– Прости, я не представился, – словно подслушав мои мысли, мужчина поворачивается ко мне. – Харт Денаж, ликвидатор.

– Кто? – ощутимо удивляюсь. Даже о том, что в ответ полагается назвать себя, забываю напрочь.

– Ликвидатор, – улыбается моей реакции визави. – Тот, кто разрушает структуру спуктума. Это такое существо на Зогге.

– Ах да... – наконец до меня доходит, что он имеет в виду.

Ликвидаторы – не самая распространённая специальность, которая совсем недавно появилась, когда года три назад в системе звезды Фиссо на одной из планет обнаружили огромные запасы ултриза. Планетка оказалась необитаемой в плане разумного населения, зато перенасыщенной агрессивными формами жизни, стремящимися уничтожить незваных пришельцев.

– Очень опасная профессия, – говорю с уважением. – И тебе не страшно? Нам показывали на занятиях этих водяных драконов. Жуткое зрелище.

– Страшно? – насмешливо переспрашивает Харт, продолжая наслаждаться моим изумлением. – Ничуть не больше, чем тебе гулять по карнизам... – осекается, словно ему неожиданная мысль приходит в голову. Не знаю уж, какая именно, и её ли он мне озвучивает, когда напоминает о правилах приличия: – А ты представиться не хочешь?

– Лила Ювита, историк, – послушно откликаюсь.

Теперь уже моя специализация вызывает ощутимое изумление. Тёмные брови ползут вверх, взгляд становится необычайно заинтересованным. Да и вопрос это подтверждает:

– И что историк пытался отыскать в здании контроля и управления? Там нет архивов.

– Зато там есть базы данных, – уверившись в том, что признание ничем криминальным мне не грозит, сжато озвучиваю причины моей ночной прогулки.

Слушает мужчина внимательно, хмурится, когда я рассказываю о поступке альбиноса и своих попытках избавиться от навязанного обязательства, прищуривается, словно пытается что-то понять, а в итоге...

– Глупый план, – категорично выносит свой вердикт. – Если бы тебя поймали, попала бы под стерилизацию, ты это хоть понимаешь?

– Понимаю, – сердито бросаю, – но лучше уж так, чем с этим гадом... – замолкаю, переводя взгляд в окно, где постепенно появляются здания знакомого мне района, в котором я живу, потому что спортсмен неторопливо, но целеустремлённо перемещается в заданном ему направлении.

Харт молчит, только смотрит внимательно, с какой-то непонятной мне задумчивостью.

– Лила, – наконец продолжает разговор. – А ты не думала о том, чтобы улететь с Цесса?

– Думала, – уже почти спокойно подтверждаю. – Но по моей профессии сейчас в космосе вакансий нет.

– Есть другие.

Даже не спрашиваю, понимаю, что он всё равно скажет, так что просто сижу и жду, что именно мужчина собирается мне предложить.

– Я собираю команду, – оправдывая мои ожидания, Денаж приступает к делу. – И мне нужен тот, кто будет выманивать спуктума. Приманка. Для этой работы подходят не многие, но мне кажется, ты с ней замечательно справишься. По крайней мере, ты решительная и не теряешь самообладания в случае опасности. А это самое важное.

От неожиданности предложения слегка теряюсь. Неужели есть возможность избавиться от Монта, которая мне и в голову не пришла?!

– Конечно, сначала нужно получить разрешение и подписать с компанией соглашение о сотрудничестве, – Харт продолжает знакомить меня с нюансами необычной трудовой деятельности. – Несколько недель потратить на подготовку и отработку основных навыков, но в итоге ты обретёшь свободу. Пусть временную, зато она даст тебе главное – время, чтобы найти более оптимальный выход.

Выход... Вот тут на мой мозг, лихорадочно пытающийся разобраться в ситуации, и обрушиваются все те перспективы, которые, наверное, можно назвать фантазиями под

влиянием накатившей эйфории от неожиданно раскрывшихся возможностей. Хороший заработок. Корабль. Пилот. Другие планеты. Свобода. Да, да, да!

– Замечательно, – улыбается моему энтузиазму цессянин. – Тогда я завтра заеду, чтобы отвезти тебя в офис компании. Там тебе нюансы договора подробно разъяснят, и, если всех всё устроит, подпишешь контракт.

Завтра... Это завтра было три месяца назад.

Вновь сосредотачиваюсь на инструкции, которую мне вручили в небольшом здании компании, размещающемся на достаточном удалении от города. Именно тогда я первый раз прочла перечень должностных обязанностей под общим заголовком:

Контрактные обязательства

В обязанности приманки входит:

- 1. Привлекать внимание спуктума.*
- 2. Соответствовать требованиям к внешнему виду и физическому состоянию.*
- 3. Не нарушать субординацию.*
- 4. Не допускать ситуаций, при которых рабочий персонал по добыче ултриза и партнёры по охоте могут попасть в зону восприятия спуктума.*
- 5. Неукоснительно соблюдать правила поведения и безопасности во время охоты.*

Скажите: не так много и совсем не обременительно? Согласна. Я в тот момент, когда смотрела в глаза улыбчивому сотруднику, досконально проверившему степень моего соответствия всем требованиям, тоже так думала. И, не медля, поставила подпись на соглашении.

– Замечательно, – скормив терминалу плёнку, фиксирующую моё согласие, пожилой мужчина поворачивает экран так, чтобы я могла его видеть. – Вот это, – указывает на длинный ряд цифр в одном из окошек, от одного взгляда на который у меня брови удивлённо вверх ползут, и я едва справляюсь со сбившимся дыханием, – ваше вознаграждение за выполняемую работу. Эта сумма не зависит от того, сколько после охоты добыто ултриза, но если месторождение оказывается богатым, то и вы получаете дополнительную выплату. За этим следит управляющий. Вы с ним познакомитесь, прилетев на планету. А вот это, – указывает на ещё одну графу с ещё более внушительным числом цифр, – ваша страховая сумма на случай гибели, получателем которой вы можете назначить любого родственника. Вам не трудно сделать это сразу? – пододвигает ко мне ручку.

Киваю, послушно берусь за стилус и без раздумий вписываю имя младшего братика. Ему материальная поддержка больше всего пригодится. Это после рождения альбиносов государство выплачивает матерям пособие на их содержание, и не самое скромное, а детки-меланисты не получают никаких субсидий и до совершеннолетия могут рассчитывать только на то, что им выделяют родители. А это совсем мало.

– Очень хорошо, – радуется моей покладистости служащий. – Здесь, – извлекает из коробки, стоящей рядом с его столом, толстый буклет, торжественно вручая мне в руки, – вся информация, которая вам необходима. Правила, права, обязанности, требования, пояснения. И ещё вам потребуется вот это, – увеличивает число моих трофеев, дополняя их двумя небольшими свитками из тонопласта, стянутыми вместе, и маленькой карточкой-пропуском. – График вашего обучения, план размещения зданий, разрешение находиться на территории комплекса и ключ от выделенной вам комнаты для отдыха. Вы можете в любой момент на некоторое время уехать, например, если вам что-то необходимо в городе, а затем вернуться. В этом вас никто не ограничивает. Единственная просьба – согласовывать подобные выезды с обучающим персоналом и своим ликвидатором. Кстати, ответы на возникающие вопросы вы всегда можете

получить от него. Консультируйтесь по любой проблеме, он за вас отвечает, а опека входит в перечень его обязательств по отношению к вам. Правда, имейте в виду, – таинственно приглушает голос, украдкой взглядывая на закрытую дверь, словно опасаясь, что Харт, который остался в коридоре, неожиданно заглянет или подслушает. – Ликвидатор у вас может измениться.

– Вот как? – возникший нюанс меня настораживает.

– Это, конечно, редко происходит, – торопливо поясняет клерк, словно оправдывается. – Но бывает, что приманки гибнут, и ликвидаторы остаются без них, а возвращаться на Цесс, чтобы найти новую, желает не каждый. Всё же это лишнее время, затраты и потеря прибыли из-за вынужденной приостановки добычи. А получаемое вознаграждение – это основное, что удерживает всех, кто прилетает на Зогг. Так что в большинстве своём ликвидаторы предпочитают отнимать приманок друг у друга. И действуют они при этом не всегда корректно.

Вторая часть, касающаяся «отнять», меня почти не беспокоила: какая разница, с кем работать? Хотя, конечно, Денажу я начала доверять, и он мне симпатичен, не хотелось бы расставаться. К тому же цессянин выглядит в достаточной степени развитым физически, чтобы не позволить кому-либо меня отобрать. А вот первая...

– Харт, – шагая по коридору рядом с новоиспечённым напарником, немедленно приступаю к выяснению. Вводный инструктаж закончился, и я получила разрешение покинуть кабинет. – А сколько времени ты работаешь ликвидатором?

– Год, – спокойно отвечает, не чувствуя в вопросе подвоха.

– И где твоя прежняя приманка? – невольно притормаживаю и останавливаюсь, рассматривая его крупную фигуру, сегодня упакованную в плотный спортивный костюм. Я почему-то думала, что мой новый знакомый первый раз команду набирает.

– Ах вот в чём дело! – Осознав, что меня нет рядом, мужчина оборачивается и возвращается. Кладёт ладони мне на плечи и наклоняется, заглядывая в глаза: – Да, она погибла. Это была роковая случайность. Допущенная ей самой ошибка. Я сделал все, что мог, чтобы спасти девушку, но... – Он хмурится и этим наглядно показывает мне, что к произошедшему он относится отнюдь не равнодушно. – Пойми, от меня во время охоты зависит не так уж и много. Если ты запаникуешь и начнёшь действовать не так, как необходимо, итог будет плачевным. Но ведь ты умеешь себя контролировать, Лила, верно? – с надеждой смотрит.

– Умею, – подтверждаю. Сомневаюсь, что спуктум окажется для меня страшнее Монта. А ведь я с альбиносом почти спокойно разговаривала. – Мне бы только научиться правильно действовать.

– Об этом не беспокойся. – Мои плечи отпускают, но только для того, чтобы привычно приватизировать ладонь и повести за собой. – В этом центре подготовки лучшее оборудование, дающее полный эффект присутствия, и отличные инструкторы. Я поэтому именно сюда тебя и привёз. Так что на Зогг тебя непустят, пока не убедятся в том, что ты приобрела все необходимые навыки. А я буду ждать и помогать, потому что нам нужно научиться действовать согласованно.

Харт не обманул. В полученном мной буклете именно это и было прописано:

Обучение

Освоение приманкой навыков, необходимых для выполнения принятых на себя обязательств, осуществляется за счёт и на условиях работодателя.

Ох, какие это условия! Я даже сейчас, вспоминая о четырёх неделях, проведённых в центре, чувствую огромное удовлетворение. Что уж говорить про «тогда»!

Удобные светлые помещения жилого сектора с отдельными комнатами для каждого

обучающегося. Великолепные просторы равнин, где можно отдыхать, в своё удовольствие катаясь на хинари. Шикарные тренажёрные залы для поддержания физической формы и отработки согласованности действий. Маленькие тренировочные трубы, заполненные водой. Но самое главное – огромные бассейны, имитирующие океанические глубины Зогга.

Увидев их впервые, я испытала настоящий шок. На Цессе нет крупных водоёмов, лишь небольшие озёрца, где глубина по колено, а с одного берега на другой можно перебраться за две минуты. И это максимум, чем богата наша планета. Именно поэтому, несмотря на то, что видеопрограммы на учебных занятиях неоднократно демонстрировали нам, насколько иначе с этим может обстоять дело на других планетах, осознание того, что подобное реально, приходило с трудом.

Так что первое, чему мне пришлось учиться, – плавать!

– Это не сложно, Лила, – молодая смешливая инструктор показывает, как правильно работать руками. – Вытягиваешь вперёд, ставишь ладони вертикально, складываешь пальцы лопаткой, чтобы площадь соприкосновения была больше, и плавно, широким полукругом ведёшь назад. Ясно?

Стоя по грудь в прохладной воде, я повторяю её движения, стараясь понять принцип и почувствовать все особенности иной среды обитания. Другую плотность, давление, температуру.

– А теперь приседаешь и то же самое делаешь на глубине, – командует девушка.

Послушно выполняю распоряжение, оказываясь с головой в прозрачной жидкости, стремящейся вытолкнуть меня обратно вверх. Пара гребков, и я именно там и оказываюсь. Пробую снова, и опять результат аналогичный.

– Это невозможно, – смеюсь, выплюнув загубный фильтр, дышать через который привыкаю вот уже второй день. – Меня вода не принимает!

– Ерунда! – непререкаемо отрезает тренер. – Пробуй!

Возвращаю фильтр на место и ныряю снова. Раз за разом, глубже, дольше. Меняю положение тела и распрямляю ноги, осознав, что так намного удобнее. Постепенно начинаю работать не только руками, посматривая на инструктора, которая на некотором расстоянии от меня демонстрирует возможности разнообразных вариантов движений.

Через неделю я себя чувствую в воде едва ли не увереннее, чем на суше. И вот тогда начинается самое интересное – работа с интерактивной программой, воспроизводящей Зогг и спуктума.

– Не волнуйся, Лила, всё то, что с тобой сейчас будет происходить, – всего лишь иллюзия. Помни об этом, – уже другой инструктор, совсем серьёзный мужчина, надевает мне на голову не самое простое устройство с отходящими от него и тянущимися к панели трубками. На глаза опускаются плотно прилегающие к коже очки, а на уши – аналогичные наушники, так что я оказываюсь в крошечной тьме и полной тишине. Остаются только тактильные ощущения, и я, чувствуя давление сильных рук мне на плечи, послушно погружаюсь в воду. А через мгновение уже забываю о том, что нахожусь в ограниченном пространстве трубы. Передо мной раскрывается водный простор глубин океана, от красоты и величественности которых перехватывает дыхание. Вау!

С восхищением смотрю на объёмную картинку, возникшую перед моими глазами. Несколько минут мне позволяют это делать, потому что ничего, что свидетельствовало бы о надвигающейся опасности, не происходит. Мирно колыхнутся водные растения, огибая меня, плавают небольшие юркие создания, кажется, их называют «рыбки», над головой переливается яркими бликами поверхность океана, соприкасающаяся с атмосферой. А потом... потом появляется спуктум. И я впервые вижу, как из простых струй воды, которые почти незаметны в общей массе, вылепляется его массивное, гибкое, призрачное тело. Невероятное ощущение, нереальное зрелище. Страшное, да, но завораживающее. И с каждым новым погружением спуктум оказывается ко мне всё ближе, хоть и не нападает, видимо, тренер таким нехитрым способом даёт мне

возможность привыкнуть к присутствию рядом жуткого существа.

А ещё у меня, кроме практических, есть и столь же обязательные теоретические занятия, на которые приходится тратить ничуть не меньше времени.

Представители животного мира Зога и их повадки. Растительность. Топография дна океана и структура поверхности. Специфика залегания ултриза. Перемещение водных масс и их температурные колебания. Масса новой информации! Но самое главное, что меня интересует больше всего, это, разумеется, сам спуктум.

– Он разумный? – спрашиваю, едва появляется удобная возможность.

– Нет, – отвечает мне наставник. – Явление спуктума нельзя отнести даже к категории «живой», что уж говорить о разумности. Ведь это всего лишь физическое взаимодействие водных течений, турбулентностей, которые принимают нелепые, фантастические формы, кажущиеся нам живыми.

– А что их заставляет становиться такими? – продолжаю расспросы.

– Точно не скажу, этот вопрос исследован крайне мало, – заложив руки за спину, пожилой мужчина принимается размеренно вышагивать по помещению. – На наш взгляд, во всём виновны залежи ултриза, потому что в других районах океана, где их нет, спуктумы никогда не рождаются. Мы считаем, и это вероятнее всего, что именно появление биологических объектов с большой массой рядом с залежами приводит к изменению электромагнитного потенциала минерала, а в результате вода над ним меняет свою структуру, притягиваясь именно к этому, нарушающему сложившуюся стабильность объекту.

– А от чего конкретно гибнут приманки? – проявляю естественное любопытство.

– Смертельные случаи? – переспрашивает наставник. – Безусловно, они связаны с тем, что водные струи излишне сильно скручиваются и сдавливают организм, попавший внутрь такой аномалии, ломая кости и нанося ему травмы, несовместимые с жизнью. Что касается агрессивности и устрашающего облика спуктума, то это в большей степени чисто визуальный эффект, который в значительной мере преувеличивается и усиливается нашим воображением.

– Значит, убить спуктума нельзя? – делаю логический вывод.

– Убить? – наставник останавливается, опирается ладонями на стол и наклоняется ко мне ближе. – Лиля, как можно убить то, что не живёт, а только временно существует? Если ты раскрутишь воду в чашке, создав водоворот, а потом заставишь её принять прежнее спокойное состояние, это будет называться «убить»?

Пожимаю плечами, соглашаясь с весомым доводом. Ну а раз так, значит, во-первых, прочь все моральные терзания относительно того, что моя работа помогает кому-то лишать жизни столь экзотичное существо! А во-вторых, нечего пугаться какого-то банального природного явления. Спуктум не страшнее ливня, норовящего смыть настырного археолога с поверхности башни, на которую тот желает подняться. Была однажды у меня такая неприятная ситуация.

Всю следующую неделю я учусь контролировать свои эмоции и адекватно реагировать на приближение чудовища. Не паниковать, правильно рассчитывать скорость его перемещения, оценивать состояние – оказывается, при должном внимании можно понять, насколько он агрессивен и как быстро решит нападать. Кстати, эти самые «агрессия и скорость», как мне пояснили, напрямую зависят от количества органики вблизи залежей. Именно поэтому ни ликвидатор, ни остальные, участвующие в охоте, и не приближаются к месторождению, оставаясь достаточно далеко, а на приманку спуктум сразу не нападает, словно сначала выясняет, насколько велика эта самая масса и требуется ли её ликвидировать.

Разобравшись со спецификой поведения спуктума, я ещё несколько дней трачу на то, чтобы отработать до автоматизма уклонение от зарядов, которыми угощают эфемерного дракона, чтобы разрушить сформированную структуру и вернуть воде нормальное, спокойное состояние.

– Нет, Лила, не так! – раздражённо восклицает Денаж после моего очередного кульбита в воде в попытке избежать попадания под разряд. – Чем ты вообще слушаешь? Я же тебе столько раз говорил! – В голосе сквозит злость. – Если нет возможности подняться вверх, лучше уж уходи вниз, это безопаснее. Но в сторону ни в коем случае! Отражающая волна распространяется именно в этом направлении. А ещё ты делаешь разворот слишком медленно.

Молча выслушиваю нотацию и возвращаюсь на стартовую позицию. Ликвидатору хорошо, у него маска на всё лицо, и это позволяет со мной говорить. А мой загубный фильтр напрочь лишает меня этой возможности. Так что высказать Харту всё, что я думаю о его недовольстве моей неловкостью, я не в состоянии. А хочется. Сам бы попробовал, не имея опоры, быстро извернуться! Сидит себе в засаде и ждёт удобного момента, а я тут на себя удар принимаю! И вообще своей жизнью рискую. Пусть пока и чисто теоретически!

Впрочем, моё возмущение вовсе не означает, что я игнорирую в принципе правильные рекомендации. Больше просто сетую на ту форму, в которую они облакаются.

– Ну, прости, – Харт немедленно извиняется, едва мы заканчиваем, и моя сердитая физиономия появляется над водой. Протягивает руку, чтобы помочь выбраться. – Я же за тебя переживаю, – объясняет свою резкость, набрасывая мне на плечи широкое полотенце, в которое я немедленно заворачиваюсь, и осторожно убирает с лица мокрые, налипшие на него волосы, заглядывая в глаза. – Меньше всего мне хочется, чтобы спуктум тебя убил.

Конечно, ему не хочется. Ведь снова придётся возвращаться на Цесс за новой приманкой.

Отмахиваюсь, выплёвываю фильтр и, оставляя за собой мокрые следы, топаю в раздевалку. Спинай чувствую пристальный взгляд мужчины, но не оборачиваюсь. Пусть почувствует себя виноватым. Полезно.

Вытираюсь, высушиваю волосы и неторопливо натягиваю на себя спортивный костюм. Удобный, мягкий на ощупь и очень приятный к телу, жаль даже, что он у меня единственный, и приобрела я его на свои пока ещё скромные доходы, потому что гонорара во время обучения мне не полагается. Как и любой другой одежды за счёт компании. Всё, что считаю нужным, я должна покупать сама, если есть желание и финансовая возможность. Правда, тратить на это большие средства не вижу никакого смысла. Почему? Да потому, что в воде я провожу куда больше времени, чем на суше.

Кстати, когда я нашла в инструкции список того, что мне требуется для купания, то глазам своим не поверила.

Да и сейчас, хоть и понимаю причины лаконичности составителей инструкции, смотрю на этот скромный перечень с определённой долей иронии:

Экипировка

- 1. Загубный дыхательный фильтр.*
- 2. Внутриушной односторонний коммуникатор.*

Наверное, увидев эту запись, вы скажете: и это всё? Вот-вот. Я тоже сначала решаю, что имеет место ошибка. Не может быть, чтобы мне полагалось только то, что помогает дышать под водой и слышать команды ликвидатора! Ничего более? А как же купальник? Или гидрокостюм? Не буду же я плавать в открытом океане голышом?!

Немедля отправляюсь требовать объяснений от Харта, благо помню, что он обязан меня просвещать и помогать. Не обнаружив своего ликвидатора в тех местах, где он обычно бывает, стучусь в дверь его комнаты. С минуту прислушиваюсь к непонятным шорохам, а когда, наконец, проём приоткрывается, даже краснею, понимая, что пришла не вовремя. Мужчина раздет, кожа влажная, волосы тоже, а из одежды на нём только полотенце,

обёрнутое вокруг бёдер.

– Прости, я помешала? – тактично извиняюсь. – Давай я позже зайду.

– Не страшно, проходи, – коротко оглянувшись назад, мужчина отступает, освобождая проход.

Наверное, было бы правильным всё же уйти, но я слишком сильно желаю прояснить непонятную ситуацию, поэтому послушно шагаю внутрь и останавливаюсь, осматриваясь.

Небольшое светлое помещение, ничем принципиально не отличающееся от того, что выделили мне. Бежевые стены и пол, тёмный потолок со встроенным освещением, большое окно с видом на равнину, лёгкая занавесь, пара маленьких диванчиков, столик, кровать, которую можно убрать в стену, что я и делаю регулярно. А вот Денаж, похоже, ленился, потому как она у него выдвинута, да ещё и не прибрана: одеяло скомкано, простыня тоже, подушка на полу валяется.

Стыдливо отвожу глаза, присаживаясь на тот предмет мягкой мебели, с которого не буду видеть смущающего меня зрелища.

– Ты что-то хотела узнать? – помедлив, Харт опускается рядом на диван, окончательно этим меня шокируя.

– Да, – с усилием встряхиваю своё сознание, заставляя абстрагироваться от окружающей обстановки и его близкого соседства. – Я не понимаю, – раскрываю буклет, показывая странную запись. – Тут опечатка? Вернее, недопечатка?

– Нет, Лила, – мужчина, бросив один-единственный взгляд на запись, вновь сосредотачивается на моём лице. – Тебе действительно ничего больше не нужно. Мало того, наличие одежды на тебе ещё и опасно.

– Не поняла... – хмуро смотрю на полураздетого субъекта, которого его собственный внешний вид, похоже, ничуть не напрягает.

– Что ж тут непонятного? – Денаж пропускает волосы сквозь растопыренные пальцы, и тёмные короткие прядки поднимаются вверх, слипаясь и не желая опадать обратно. Едва удерживаюсь, чтобы не засмеяться, настолько комичным становится его облик. – Работать тебе придётся без одежды.

От подобного заявления вся моя весёлость тут же исчезает бесследно.

– А ничего, что это как бы не слишком прилично? – язвлю, не желая признаваться в том, что сглупила, не прояснив этот момент сразу.

– При чём тут приличия, когда речь идёт о твоей жизни?! – получаю возмущённо-негодующее восклицание в ответ. – Если ты будешь в одежде, спуктум нападёт сразу, даже изучать тебя не станет. А это значит, что и у меня времени его убить не останется. Мы столько приманок на этом потеряли!

Теперь его взгляд направлен куда-то в окно, хотя я очень сомневаюсь, что видит он там мирную равнину. Скорее, вспоминает то, что происходило на Зогге. И, похоже, не самые приятные вещи, потому как челюсти брюнета сжаты, а желваки заметно движутся, словно он старательно сдерживает бушевавшие его эмоции.

Тут я соображаю, что он тоже свою приманку потерял при не известных мне пока обстоятельствах, и смутное подозрение закрадывается в сознание, а потому не удерживаюсь от вопроса, может, и проявляя бестактность:

– Ты её любил?

Харт как-то странно дёргается, впиваясь в меня пронзительным взглядом, в котором я вижу смесь изумления и растерянности.

– Кого? – хрипло переспрашивает, словно не понимает.

- Ту девушку, которая погибла, - уточняю максимально мягко, стараясь не обидеть.

- Знаешь, Лиля, - цессянин поднимается и, сделав несколько шагов к окну, поворачивается ко мне спиной, - тебя это не касается.

В голосе ни малейшего намёка на негодование, только какая-то обречённость и усталость.

Чувствуя себя виноватой, встаю следом. Несколько секунд колеблюсь, не зная, что предпринять. В итоге подхожу ближе, останавливаясь в шаге от него, и осторожно касаюсь всё ещё влажной кожи на руке.

- Не стоит себя винить, - тихо говорю. - Уверена, ты не виноват...

- Дихол! - внезапно взрывается ликвидатор. Резким движением разворачивается ко мне и, схватив за плечи, одним рывком впечатывает в стену, фиксируя своим телом. - Ты откуда знаешь? Лила! Ну почему ты лезешь туда, куда тебя не просят! - встряхивая за плечи, рычит раздражённо.

- Потому что хочу помочь, - теряюсь от его действий, но позиций не сдаю.

Несколько секунд он мрачно на меня смотрит, не выпуская из захвата. Тяжёлое дыхание заставляет накачанную грудь подниматься, а меня заворожённо за этим наблюдать, потому что смотреть ему в глаза я не рискую. Неожиданно руки соскальзывают с моих плеч, поднимаясь вверх. Сильные пальцы с нажимом пробегают по шее и зарываются в волосы, заставляя опустить голову мужчине на грудь.

От его близости, ощущения голой кожи под щекой сердце заходится в бешеном ритме, но почему-то единственное, чего я сейчас боюсь, это того, что Харт моё состояние заметит.

- Глупая, - шепчет он мне в макушку, прижимая к себе всё сильнее. - Чем тут можешь?

Теперь только одна ладонь удерживает мою голову, другая жадно скользит по спине, бедру, возвращается обратно и вновь повторяет свой путь. А я и оттолкнуть брюнета не решаюсь, чтобы не обидеть, и продолжения сумасбродных путешествий по моему телу не желаю.

Не знаю, чем бы всё закончилось, но, спасая меня, кардинально меняет ситуацию грохот, раздавшийся со стороны душевой. Что-то, по всей видимости, тяжёлое падает на пол, и этот звук возвращает мужчину в реальность.

Денаж вздрагивает, убирая руки, моментально отступает и столь же непредсказуемо быстро перехватывает моё запястье, утаскивая к двери. По пути притормаживает, подхватывая с дивана оставленную на нём инструкцию. Молча распаковывает проём, выставляет мою не сопротивляющуюся тушку в коридор, вручает в руки буклет и тут же исчезает, захлопывая дверь.

Ошарашенно смотрю на наглухо закрытый проём и медленно прихожу в себя. Ну и ну! Это я такая дура или ликвидатор у меня ненормальный? В итоге останавливаюсь на том, что частично верны обе позиции. Топаю к себе в комнату, приняв за аксиому, что к Харту без острой необходимости близко подходить не стоит, чтобы не провоцировать. Не только его, но и саму себя, потому как на близость мужского тела моё откликалось очень даже недвусмысленно. А мне с ним отношений иметь нельзя. Впрочем, не только с ним! Я по условиям контракта должна быть свободной, ничем и ни с кем не связанной! Так что прочь всё личное! У нас в перспективе сугубо деловые отношения! Надеюсь, у моего напарника, когда придёт в себя, мнение на сей счёт будет аналогичным.

- Разумеется, Лила, о чём речь? - выдыхает с облегчением Денаж, когда на следующий день я осторожно намекаю ликвидатору на нежелательность подобных действий в будущем. Видимо, боялся, что я его вчерашний поступок расценю как далеко идущие планы, а ведь он всего лишь сорвался. Причём я сама мужчину на это спровоцировала. - Если ты против, никаких проблем. Я и не думал тебя соблазнять, просто перестал себя контролировать, вот и результат - рефлекс сработал. И вообще, когда меня снова занесёт, ты не стесняйся, говори сразу. Напрямую. Можешь ударить, чтобы не

забывался, – хитро улыбается и добавляет: – Если получится.

– Тебя ударишь, – показательно-задумчиво тяну, демонстративно пристально осматривая его внушительные габариты. – И вообще я не умею драться. В нашем обучающем центре у девушек не было курса самозащиты, только физическая подготовка.

– А хочешь, я тебя научу? – как-то подозрительно воодушевляется Харт. – Нам всё равно уклонение от луча отрабатывать, заодно и в борьбе потренируешься. Поверь, для этого физическая сила – не самое главное.

– Ну, давай!

Соглашаюсь я потому, что не вижу смысла отказываться. Останься я на Цессе, может, мне подобные навыки и негодились бы, но на Зогге... Кто знает, что меня ждёт там, на другой планете, среди цессян, которые, возможно, будут вести себя иначе, ибо свобода, пусть и условная, она в состоянии многое изменить.

О принятом решении я не пожалела. Денаж действительно оказался прекрасным инструктором, который с лёгкостью втолковал мне, что бороться с тем, кто заведомо сильнее, – бессмысленно и глупо. И тактика ведения боя, которую я должна применять, кардинально отличается от манеры «пру напролом», скорее она похожа на «кручусь-верчусь».

Можно сказать, что именно после этих занятий у меня резко пошли вверх успехи в освоении тех навыков, которые требуются для участия в охоте. По крайней мере, выговоры от своего ликвидатора я получать перестала, а в глазах видела одобрение. Иногда появлялось в них и ещё кое-что, но я предпочитала этого не замечать. В конце концов, чему тут удивляться? Он – мужчина, и вид обнажённой девушки, сначала кувыврающейся в воде, а потом выползающей на сушу, ему трудно игнорировать. Физиология цессянского организма – она такая. Коварная. Я вот, например, в Харта не влюблена, а ведь на прикосновения тоже не слишком спокойно реагирую! Но на поводу не иду, потому что прекрасно знаю – это всего лишь инстинкты. Тело своего требует. Подобное совершенно нормально в нашем возрасте.

А ещё я научилась спокойно относиться к своей вынужденной раздетости. И теперь моя позиция в этом вопросе свелась к весьма простому умозаключению: если кого-то подобная экипировка смущает – его проблемы, а я жить хочу! Так что сгинуть в небытии благодаря собственной стеснительности – не мой вариант, однозначно.

Меняю положение тела, потому что лежать на спине устала, переворачиваюсь на бок и удобнее устраиваюсь на мягком ложе, может, и тесноватом, но достаточно удобном для того, чтобы расслабиться после трудного дня. По крайней мере, если попытаться сравнить условия для отдыха в подводном городе и на шаттле, который доставил меня сюда, то преимущество, несомненно, окажется на стороне моего нынешнего места обитания.

Помню я тот перелёт. Узкие тесные коридоры, в которых двое едва-едва могут разойтись, не задев друг друга. Индивидуальные каюты пассажиров крохотные, в них нет ничего, кроме стола и опускающегося поверх него лежака. Соответственно, либо ты ешь, либо спишь. Скомбинировать эти процессы нельзя. Что уж говорить о каких-то иных потребностях?

Честно сказать, после просторных, шикарных помещений обучающего комплекса весьма скромный интерьер космического корабля стал для меня неприятной неожиданностью. И я бы с удовольствием нашла более удобный вариант доставки или доплатила, будь такая возможность, лишь бы две недели, которые заняло путешествие, жить в менее стеснённых условиях. Но, увы, иных вариантов попасть на Зогг нет. И, переворачивая страничку, я вновь в этом убеждаюсь:

Трансфер

Доставка работников к месту выполнения контрактных обязательств и возвращение на Цесс осуществляются исключительно транспортными шаттлами и за счёт

компании.

Совершенно понятное правило. С трёх позиций.

Во-первых, освоение богатств Зогга – монопольная прерогатива компании. Потому-то всех других, желающих погреться у кормушки, туда даже близко не подпускают. Во-вторых, никто не желает тратить немалые средства, обеспечивая комфорт и удобства во время перелёта. Дорого это, очень дорого. И в-третьих, шаттлы перевозят не только цессян, но и оборудование на Зогг, а обратно на Цесс везут ултриз. Так что именно грузовые отсеки кораблей занимают львиную долю пространства, оставляя всему остальному минимум территории для жизни.

К тому же сами корабли небольшие и вовсе не рассчитаны на значительное число пассажиров. В тот рейс нас летело семеро: три ловца, три приманки и загонщица, которая возвращалась на работу из отпуска. И вряд ли сюда вместился бы кто-то ещё! Пилот и механик не в счёт. Впрочем, они были настолько заняты, что мы их практически не видели, и нам приходилось довольствоваться общением друг с другом в малюсенькой кают-компании. Зато там имелся иллюминатор!

Нужно ли говорить, что к себе в каюту я уходила только по необходимости, проводя всё остальное время, буквально прилипнув к прозрачному материалу, за которым открывалось такое великолепие!

Сначала сам Цесс. Бледно-зелёный, спокойный, массивный, прикрытый мягким полупрозрачным дымчатым покровом. Потом Бокус. Яркий, ослепительно белый, гладкий, словно отполированный, лишь изредка оцетинивающийся короткими протуберанцами и вновь возвращающийся к прежнему равновесному состоянию. Затем глубокое космическое пространство, перенасыщенное звёздами. В нашем рукаве Галактики их много, и расположены они по космическим меркам довольно близко друг к другу. Шикарные яркие россыпи, украшающие матовую глубокую черноту, окутывающую летящий сквозь неё корабль! И в довершение огромная голубоватая звезда Фиссо, а на её фоне крошечный тёмно-синий шарик, атмосфера которого совершенно прозрачна, однако местами поверхность закрыта облачными завихрениями. Зогг. Цель нашего путешествия.

– Жуткий, правда?

От созерцания планеты отвлекает задумчивый женский голос, раздавшийся позади меня, и рядом опускается, присаживаясь на пол, одна из девушек, которая, как и я, будет иметь «счастье» работать приманкой.

Стройная, темноволосая, с вьющимися длинными волосами, собранными в большой пучок на затылке. Очень симпатичная и приятная. Мы с ней сразу подружились, как и с третьей девушкой. Правда, та куда реже появлялась в кают-компании, предпочитая читать в своём отсеке. Зато, когда мы собирались вместе, время пролетало моментально! Нам было что обсудить и о чём поболтать!

А вот наши ликвидаторы старались не общаться. Смотрели друг на друга настороженно, перебрасывались скупыми короткими фразами, словно по необходимости. Видимо, сильна в них привычка видеть в других мужчинах соперников. Кстати, загонщица Ожина, в принципе вполне симпатичная, высокая, полноватая, но ладно и крепко сложенная молодая женщина, с которой при посадке познакомил меня Харт, тоже оказалась малообщительной, нас игнорировала и весь полёт провела в своей каюте.

– Ну почему? – возвращаюсь взглядом к тому, что происходит за стенами корабля, и присматриваюсь к эффектным переливам, окрашивающим поверхность океана в изумрудно-синие тона. – Симпатичный. Просто непривычный.

– А у меня какое-то странное ощущение, – шатенка, прижав ладошки к груди, всматривается в медленно увеличивающийся в диаметре космический объект, – словно я оттуда не вернусь.

– Ну что за пессимизм, Айна! – разворачиваюсь к ней, решительно заявляя: – Не смей

даже думать о таком! Я же видела, как ты работаешь на занятиях! У тебя рефлексы шикарные! И уворачиваться получается куда лучше, чем у меня.

- Тренировки - это не показатель. В реальности всё может оказаться куда сложнее, - девушка по-прежнему смотрит в иллюминатор.

- Ерунда! - не уступаю, прекрасно понимая, что таким настроениям дай только волю, и всё. Считаю, пропал. - Будет проще. Вспомни, как нас гоняли, подсовывая разные непредвиденные ситуации? Уверена, ни один спуктум до подобных манёвров не додумается! Это только инструкторы у нас такие изобретательные!

- Хорошая ты, Лила, - коллега наконец-то соизволяет улыбнуться и посмотреть на меня. - Давай, когда будем устраиваться на базе, попросим смежные комнаты?

- Ну конечно! - с радостью соглашаюсь. Сама об этом уже подумывала. Насколько проще и спокойнее, когда знаешь, что рядом есть кто-то, с кем можно обсудить свои проблемы. Ликвидатор не в счёт. Некоторые вещи мужчинам знать не положено!

- О чём болтаете? - нежданно-негаданно появляется последний представитель нашего женского «приманочного» трио. - Ого, как мы близко! - впиается взглядом в самый популярный на сегодня космический объект.

Отец у девушки - альбинос, но ей не повезло, мутация проявилась лишь частично. Глаза обычные, карие, а вот волосы, хоть и тонированы пигментом, но его настолько мало, что кажется, ещё чуть-чуть, и она бы имела альбиносный фенотип. Бывает же так! Зато приманкой ей стать разрешили.

- Привет, Юнна, - пододвигаюсь, чтобы и ей хватило места рядом.

Несколько секунд мы толкаемся и хихикаем, подбадривая друг друга, прежде чем вернуться к разговору.

- Мы комнаты возьмём по соседству, - с готовностью сообщает Айна. - Ты с нами?

- Н-н-не знаю, - неожиданно начинает мяться блондинка, и её задорная весёлость тут же исчезает. - Наверное, нет, - всё же отказывается.

- Почему? - теряется шатенка, и я её понимаю. Вроде как мы Юнну не обижали.

- Вы тут ни при чём, - она совершенно правильно оценивает наши взгляды. - Дело в Корлине.

- А какое отношение к этому имеет твой ликвидатор? - невольно понижаю голос, чтобы нас не услышали, хотя мужчин рядом не наблюдаю. По своим каютам сидят, наверное.

- Он хочет, чтобы мы жили вместе, - поступая аналогично, едва слышно озвучивает блондиночка.

У меня челюсть отвисает от подобного признания. Айна приходит в себя быстрее:

- Это же запрещено! - округляет глаза.

- Запрещено иметь семью и детей, а не быть любовницей! - Юнна решительно бросается на защиту своей репутации.

- И ты на это согласишься? - ко мне возвращается дар речи. Я, например, в отношении себя и Харта подобный вариант даже не рассматривала.

- Соглашусь, - уверенно кивает девушка. - Не хочу погибнуть, не испытыв близости с мужчиной. Пусть даже он и не может быть мне мужем. А ещё, я уверена, - она вновь оглядывается на вход, - Корлин не допустит, чтобы со мной во время охоты что-нибудь произошло, если у него будет для этого дополнительный стимул.

Логично. Но глупо.

- Смотри, Юнна, - практично замечает Айна, - станешь любовницей, замуж уже выйти не сможешь, даже за Корлина своего. Знаешь же, что на фаворитках не женятся. Никто

и никогда. Может, лучше подождать? Вдруг он тебе предложение сделает?

– К тому же ты не в том возрасте, чтобы так торопиться, – добавляю я.

– С такой работой чего ждать? И возраст тут ничего не изменит, – скептически смотрят на нас карие глаза. – Вы статистику видели? Нет, не официальную! – хмыкает, реагируя на наши кивки. – Вот то-то! А я у одного из инструкторов в базе, когда он по делам отлучился, подсмотрела. Знаете, сколько за эти три года через обучающий центр прошло приманок? – делает загадочную паузу и заканчивает: – Больше трёхсот! А на Зогге сейчас работает только сорок! Где остальные? А из тех, самых первых, думаете, кто-то остался в живых? Уверена, ни одной! За три года! При том, что контракт со всеми заключается стандартный, на пять лет. Ну и какие делаем выводы?

От названных цифр мне становится не по себе. Нет, я, конечно, предполагала, что много, но чтобы столько... Айна тоже впечатлилась и теперь прежним тоскливым взглядом смотрит на синюю планету, которая за это время стала ещё крупнее.

Пессимизм девчонок меня возмущает до глубины души, и я накидываюсь на зачинщицу:

– Значит, ты заранее решила, что попадёшь в число тех, кто однозначно погибнет?! Зачем же подписывала контракт, если знала, что это самоубийство?

– А я в тот момент этого не знала! – парирует блондинка. – Думала, что это разовые случаи. И очень сомневаюсь, что Харт или Эфос, – смотрит на Айну, – когда вас вербовали, об этом подробно говорили! Так, намекнули только, чтобы не спугнуть! Они очень грамотно нашим неведением воспользовались! Вот я и решила, что раз уж расторгнуть контракт нельзя, буду жить в своё удовольствие! И ни в чём себе не отказывать. Пусть моя жизнь будет короткой, зато яркой, и я ни о чём не буду жалеть, когда умру. Копить деньги не вижу смысла, родители в любом случае в накладе не останутся, когда страховку получат. А если всё-таки выживу и вернусь на Цесс, то забеременею от альбиноса, на нормальную жизнь мне средств хватит.

Вот и как с ней разговаривать? Тем более что в отношении наших ликвидаторов она права, не совсем корректно те действовали, когда приглашали нас на эту работу. С другой стороны, Юнна ведь всё обдумала, а не просто так бросилась во все тяжкие. Может, есть в её решении здравый смысл? У каждого свои цели и устремления в жизни. А то, что у меня они весьма далеки от классического варианта, вовсе не означает, что я должна навязывать их другим. Мои мечты идеальны только для меня!

Эх, мечты... Чтобы их достичь, приходится чем-то жертвовать. Думаете, мне легко было с Хартом общаться после откровения Юнны? Да я готова была немедленно обвинить его в том, что он не сказал мне правды! Я ведь от предложенной работы всё равно бы не отказалась, а признание выглядело бы куда более честным поступком с его стороны! Сдержалась, потому что поняла: мне с Денажем ещё работать. Долго. Надеюсь, что долго. Не хочу, чтобы в один прекрасный момент он припомнил мне мои обвинения и решил отомстить. Именно поэтому предпочла поступиться своей гордостью, ведь я очень и очень хочу, во-первых, выжить, а во-вторых, получить то, ради чего пошла на эту работу!

И подобная жертвенность касается не только убеждений. Во многом другом мне также приходится себя ограничивать. С оглядкой делать то, на что раньше потратила бы силы и время, даже не задумываясь!

Перелистываю ещё одну страницу в буклете и получаю этому наглядное подтверждение:

Бытовое обеспечение

Проживание на временной подводной базе, питание, лечение и развлечения оплачиваются работником, исходя из собственных финансовых возможностей, потребностей организма и индивидуальных запросов.

Вот он, второй неприятный момент, который выяснился уже после подписания

контракта. Ведь о чём я мечтаю? Накопить достаточно для того, чтобы выкупить шаттл. Значит, для меня любые непредвиденные расходы даже при высоких гонорарах нежелательны. Я думала, что все заработанные средства смогу откладывать на будущее, а нет. Тратить приходится не самые маленькие суммы. Тут всё, от продуктов и одежды до лекарств и средств гигиены, имеет цены... Заоблачные.

– Ну, а что вы хотели, милочка? – показательно разводит руками коротко стриженный беловолосый мужчина в строгом деловом костюме, сидящий в кресле за внушительным столом. – Зогг не Цесс, сюда всё доставляется через космос, а транспортные расходы – не самая дешёвая статья.

Харт предупреждал, что беседа с управляющим – это первое, что мне предстоит после приземления. От этого субъекта зависит, где именно и на каких условиях меня разместят. Юнна на этот счёт даже переживать не стала, полностью переложив ответственность и сам разговор на своего ликвидатора, а тот, похоже, её согласию стать для него фавориткой обрадовался неимоверно. Ну а мы с Айной, надеясь всё же поселиться рядом, от подобной трудности оказались не в восторге. И просто договорились, что та, которая будет делать выбор первой, предпочтёт помещение, где рядом есть хотя бы ещё одно, свободное.

Теперь я стою, рассматривая интерактивную карту базы, развёрнутую на стене, а Зейраш (так представился управляющий, прежде чем озвучить цены за проживание и ввести меня в состояние лёгкого ступора) продолжает невозмутимо втолковывать моей растерянной персоне элементарные вещи:

– Компания не может идти на поводу желаний всех своих работников, слишком уж они разнятся, поэтому каждому предоставляется выбор в том, что он хочет получить и какие суммы готов на это тратить. Потому-то ваш гонорар за работу настолько высок. Мы делаем всё, чтобы вы могли жить там, где вам нравится, и ни в чём себе не отказывать.

После этих слов я начинаю ощущать себя нерадивой ученицей перед наставником, по предмету которого плохо подготовилась. Да уж! Если тратить большую часть того, что заработано, то, несомненно, на Зоге можно прекрасно жить на широкую ногу. Но если желаешь накопить, такой вариант неприемлем. Придётся думать, на чём экономить. Без развлечений я прекрасно обойдусь, а как быть со всем остальным?

– Вы можете уменьшить расходы, выбрав себе для жилья отсек попроще, с меньшей комфортностью, – подсказывает управляющий. – Что касается еды, предметов быта и средств гигиены, то это опять-таки вопрос ваших личных предпочтений и вкусов, но и тут можно тратить совсем немного, если сделать заказ на стандартную по объёму и ассортименту поставку и внести оплату единовременно сразу за большой промежуток времени.

– Сколько и что в неё входит? – на этот раз я решаю выяснить всё окончательно.

Блондин скользит подушечками пальцев по сенсорному экрану, выводя на него интересующие меня параметры, и молча поворачивает его ко мне.

– Согласна, – пробежав глазами по строчкам, быстро киваю, сообразив, что гонораром за месяц работы вполне могу пожертвовать в пользу полугодового запаса нужных мне вещей и продуктов.

– А как с жильём? Определились?

– Да, – указываю на свободный отсек в самой дешёвой зоне, рядом с которым вижу ещё три пустых. Я прекрасно обойдусь маленькой комнаткой для отдыха. Хотя бы потому, что гостей принимать не планирую, а мне самой много ли пространства надо? Надеюсь, что Айна решит так же. Возможность ей для этого я оставила.

– Сектор три, комната восемь, – озвучивает мой выбор мужчина, занося данные на идентификационную карточку и протягивая её мне. – Я списал с вашего счёта стоимость проживания и принятого заказа, но доходов у вас пока не было, так что учтите, что ваш баланс сейчас отрицательный. Если вам понадобится что-то ещё, до того как вы заработаете достаточно, можете сделать покупку в кредит. Но не злоупотребляйте, подобное поведение не приветствуется. Вернее, мы закрываем на это глаза в отношении

тех, кто, как и вы, первый раз прилетел на заработки, однако только до определённого момента.

– Спасибо, учту, – благодарю, тщательно скрывая так и рвущийся наружу сарказм. Вот ушлые типы, эти владельцы компании по добыче ултриза. Своей выгоды нигде не упустят! Впрочем, чего ещё можно было ожидать, если и здесь всем заправляют альбиносы!

Раздавшийся стук заставляет встрепенуться и захлопнуть буклет. Бросаю его на кровать и приподнимаюсь, дотягиваясь рукой до замка, чтобы открыть.

– Привет, Лила, – в раскрывающийся проём заглядывает симпатичное улыбчивое личико. – Прости, я не услышала, как ты пришла. Спала, как убитая, представляешь? – Девушка заходит, прикрывая за собой дверь, и присаживается рядом. – С удачной охотой тебя. Сколько взяли ултриза?

– Спасибо, Айна, – я тоже сажусь удобнее, поджимая ноги под себя. – Не знаю пока, мне отчёт о добыче не пришёл. – Бросаю краткий взгляд на маленький экран в ногах кровати, на котором светится привычное сообщение «Нет новой информации». – Наверное, ещё сортируют и сдают. А тебе выспаться полезно. Тем более что завтра заплыв. Опять на старое место?

– Ага, – кивает подружка. – Эти горе-добытчики никак не могут дорыться до пласта залегания. Третий раз обещают, что делаем последний заход, а сами по-прежнему только пустую породу снимают.

– Видимо, ултриз очень глубоко, – морально её поддерживаю.

– Да понятно! – сокрушённо вздыхает шатенка. – Эфос тоже так говорит. Просит потерпеть. Только мне от этого не легче. Знаешь, что я заметила? – вся весёлость из глаз исчезает напрочь. – Спуктум, который рождается над этим месторождением, ведёт себя как-то странно. Первый раз всё было, как и с другими, он почти минуту меня изучал, прежде чем подойти совсем близко, на второй день ему куда меньше времени на это понадобилось, а позавчера он вообще рванул навстречу, как только сформировался! Дракон словно меня запомнил и не стал тратить время на опознание! Я едва-едва успела увернуться!

– Ого! – беру её за руку, чтобы успокоить. – А ты Эфосу об этом сказала?

– А смысл? – судорожно вдыхает девушка. – Он сам всё прекрасно видит.

– И?.. – провоцирую её озвучить позицию ликвидатора.

– Считает, что это случайность. Мол, консультировался с теми, кто явление спуктума изучает, и они в один голос заявили, что памяти у водных струй нет. Получается, что я развожу панику на пустом месте.

– Да уж... – адекватности местного научного сообщества я уже не удивляюсь. Сама однажды с ним пересеклась, пытаюсь выяснить, как быстро меняются параметры давления воды при приближении спуктума. Больше никакого желания общаться с этой братией не имею. – Не бери в голову, – включаю функцию моральной поддержки. – Есть у дракона память или нет, принципиального значения не имеет. Ты, главное, концентрацию не теряй и не паникуй! Оценивай ситуацию иначе! В свою пользу. Он тебя запомнил, а ты его! Проанализируй, где именно спуктум рождался. Подумай, можно ли занять по отношению к нему более выгодное положение. Вспомни, как он разворачивался, чтобы тебя окружить. Определи, есть ли удобный коридор для отхода. Айна! В происходящем нет ничего катастрофического, нужно только правильно этим воспользоваться!

– Пожалуй, ты права... – неуверенно, но уже куда более спокойно соглашается подруга. – Попробую. А ты чем занимаешься? – Она меняет тему, кинув любопытный взгляд на томик, лежащий рядом с ней, который от падения снова раскрылся. Берёт в руки, читая вслух заголовок:

Часть 2

Этика и психология общения с персоналом

Пункт 1. Ликвидатор всегда прав

– Инструкция? – удивляется, поднимая на меня свои тёмные красивые глаза. – Лила, ты с какой радости решила это перечитать? – захлопывает книгу, возвращая на место. – По-моему, мы уже начитались, – намекает на то, что с момента её получения прошло немало времени.

– Просто под руку подвернулся, – забираю буклет, убирая его на полку над кроватью. – Что сегодня смотрим?

Тянусь рукой к экрану, чтобы вывести на него меню с перечнем фильмов, наличествующих в базе местной сети. Мы предпочитаем развлекаться самым доступным и дешёвым способом, потому что Айна, как и я, экономит. У неё мама на Цессе без работы, так что она почти всё, что у неё остаётся, ей переводит. Кстати, мама Айны – ещё один пример того, какое будущее может ждать цессянку-меланистку. Замуж ей никто не предложил, стать любовницей она не захотела. Попыталась родить от альбиноса, да вот только дочке мутация не передалась. Кулончик у женщины отобрали, и осталась она без работы, без полноценной семьи, с маленьким ребёнком на руках, которого папашка обеспечивал, разумеется, но суммы-то там минимальные!

Завершить движение не успеваю. Экран оживает сам по себе, меняя состояние «Жду непонятно чего» на «Имеется входящий вызов».

– Вот ведь... – ворчу, досадуя на нежданную помеху, и активирую связь.

– Привет, Лила, – здоровается Харт, хотя и расстались-то мы с ним всего ничего – пару часов назад. – Ты так быстро сбежала, я даже поговорить с тобой не успел, – объясняет причину звонка.

– О чём? – послушно демонстрирую любопытство, которого от меня однозначно ждут. Вон как глазки блестят загадочно, и улыбка, которую мужчина пытается скрыть, всё равно мелькает на губах.

– Айна у тебя? – вместо того чтобы ответить, Денаж задаёт вопрос.

– У меня, – слегка теряюсь, потому что обычно моей подружкой он не слишком интересуется. Чувствую, как она пододвигается ближе, чтобы попасть в поле зрения камеры.

– Привет, – реагирует Харт на её появление. – Девочки, у нас предложение, – наконец-то приступает к сути, непредсказуемо используя множественное число. Впрочем, наше удивление длится недолго, ровно до тех пор, пока за его плечом не появляется Эфос. – Мы вас приглашаем в клуб.

От неожиданности мы с Айной переглядываемся, не понимая, как нам реагировать. Радоваться и соглашаться или удивляться и отказываться.

– Есть повод? – наконец, я соображаю, что просто так подобные предложения не делаются.

– Целых два, – утвердительно кивает брюнет. – После нашей с тобой охоты добытки вскрыли самое крупное месторождение ултриза за всё то время, что он добывается на Зогге. Нас компания премирует, и сумма очень большая. Так что я хочу часть своей доли потратить на то, чтобы вместе с тобой это отметить.

Бросаю взгляд в край экрана, где уже с минуту мерцает непринятое сообщение от управляющего. Наверняка именно об этом приятном событии он и желает меня известить.

– А второй? – проявляет любопытство Айна.

- У меня день рождения, - подаёт голос Эфос. - И отдых в клубе - мой тебе подарок.

- Поздравляю.

У нас получается сказать это в унисон. Комично настолько, что мы начинаем смеяться, провоцируя улыбки наших ликвидаторов.

- Всё, девочки, у вас полчаса на сборы, - командует Харт и отключается, не дав мне ему ответить.

- Нет, ну ты это видела? - я поворачиваюсь к подружке, которая такими же круглыми глазами смотрит на погасший экран. - Даже не соизволил убедиться в том, что мы согласились!

- Ликвидатор всегда прав, - Айна задумчиво повторяет прочитанную пять минут назад фразу из инструкции.

- На охоте! - корректирую.

Впрочем, возмущаюсь я так, чисто профилактически. Хочется Денажу избавиться от заработанного и сделать мне приятное? Пусть. Почему я должна ему в этом мешать? Он ведь не мою долю для этого к рукам прибирает. К тому же однообразные будни удручающе утомительны, как бы я ни старалась к ним привыкнуть. Что касается Эфоса, то это его право в свой праздник выбрать того, кому подарить подарок.

- Ладно, - ободряюще улыбаюсь подружке. - Не будем разочаровывать наших напарников. Пусть наслаждаются своей значимостью, это полезно для их самолюбия, - спрыгиваю с кровати, но тут же забираюсь обратно, вспомнив, что так и не просмотрела сообщение.

- Тогда я пошла переодеваться, - девушка тоже сползает с упругой поверхности, открывая дверь, а я сосредотачиваюсь на объёмном содержимом письма.

Быстро пробегаю глазами по цифрам, с удовлетворением убеждаясь в том, что Харт ничуть не преувеличил, когда назвал сумму поощрения. Столь же бегло, фактически по диагонали читаю витиевато составленные фразы поздравления. И тихо, изумлённо ахаю, зависая на последней строчке: *«Завтра вам рекомендовано прибыть в первый сектор на утреннюю трапезу, после которой я буду ожидать вас в кабинете для разговора»*. Точка. Подпись: *Зейраш*.

У меня слов нет. И мыслей насчёт того, о чём именно пойдёт разговор, тоже. Приглашение сформулировано настолько двусмысленно, что угадать его истинный смысл нет никакой возможности.

В полной растерянности, почти механически отодвигаю створку шкафа, встроенного в стену, и вытаскиваю единственный нарядный комплект одежды, который у меня есть. Натянув на себя чёрные эластичные брючки и длинную, по середину бедра, бирюзовую тунику, надеваю туфельки и причёсываю волосы. Смотрю в зеркало на своё отражение, и на ум почему-то приходят слова, которые любила повторять моя мама: «То пусто, то густо». Вот и у меня так. Сначала даже намёка нет на то, что в перспективе ожидается что-то кроме рутины рабочих будней, а потом развлечения сыплются, как из рога изобилия. Хотя, уверена, встречу с управляющим называть развлечением весьма опрометчиво.

- Лила, ты уснула? - со стороны двери раздаётся звонкое восклицание.

- Всё, иду! - разворачиваюсь и ахаю: - Айна! Какая же ты хорошенькая! В тебя влюбиться можно запросто!

И я нисколько не лукавлю. Тоненькая, изящная, в тёмно-синих узких брюках, а в тон к ним - ажурная рубашка с коротким рукавом, перехваченная в талии белым широким поясом. Такие же белые туфельки и ободок, поднимающий волосы вверх. Красота!

- Ну, ты скажешь тоже, - смущается шатенка. - Пойдём, нас ждут уже.

Выпархиваем в коридор, где на страже неприкосновенности своих приманок застыли две

внушительные мужские фигуры. Это на корабле между ними была неприязнь, а здесь, они сдружились. Наверное, то, что мы с Айной всё свободное время стараемся проводить вместе, и примирило наших ликвидаторов с наличием друг друга в непосредственной близости.

Комплиментов от них мы не ждём, так что сразу стартуем в направлении клуба. Пока идём, я мучительно соображаю, говорить ли Харту о полученном приглашении или промолчать. А может, не я одна такая «счастливая» и его тоже ждут для разговора?

– Какие у тебя планы на завтра? – начинаю издалека, прощупывая почву.

– Отдыхать, – на меня бросают заинтересованный взгляд. – А что?

– Да так, – пожимаю плечами. – Думаю, чем заняться. Айна завтра на охоте.

– Ну да, – задумывается Денаж, видимо, делая для себя логический вывод, что я просто буду скучать без подруги. – Хочешь, ходим куда-нибудь?

– Я подумаю, – обхожусь нейтральным, ничем не грозящим мне обещанием. Похоже, ликвидатора начальство игнорирует. Ну а я к обеду вернусь, и там будет видно.

Едва мы оказываемся в толпе на площади, Эфос берёт Айну за руку, и Харт поступает аналогично, притягивая меня к себе ближе. В принципе не обязательная, но хорошая наглядная демонстрация другим того, что мы – девушки под защитой и засматриваться на нас не стоит. И дело даже не в ликвидаторах, оставшихся без приманок, о которых меня предупреждали, а в том, что, по сравнению с Цессом, пропорция женское население – мужское в подводном городе выглядит с точностью до наоборот. Из первых только приманки, загонщицы и обслуживающий персонал, которого тоже не так уж и много. Зато все ликвидаторы, добытчики-копатели ултриза, техники и безопасники – мужчины! А для них, как я поняла, наличие жён и детей на Зогге тоже табу, разрешено иметь только любовницу, причём такую, которая могла бы выполнять какую-нибудь востребованную на базе работу. Праздных обитателей здесь не держат. Вот и получается, что желающих обеспечить себя фавориткой куда больше, чем возможностей это сделать.

По мере приближения к фешенебельной части города толпа редет. На смену простеньким интерьерам и отделке приходят куда более изысканные и дорогие. Охрана здесь строже, народ солиднее, заведения подороже.

– Девочки, вы куда хотите? Вниз или вверх? – наши спутники притормаживают у входа в один из развлекательных центров. Вернее, у выступающей углом стены, разделяющей два входа в него.

– Мне всё равно, – смотрит на меня Айна.

– Лучше вверх, – я принимаю решение за нас обеих и делаю это не наобум. Город расположен на мелководье, в самой высокой точке дна океана. От него до поверхности всего ничего – пара десятков метров. И с учётом того, что покрывающий его купол по высоте несколько больше, то в верхней части развлекательного центра сквозь прозрачный материал можно видеть небо, облака и наслаждаться эффектным закатом Фиссо. А внизу что интересного? Дно, подсвеченное искусственной иллюминацией, водоросли и рыбки? Так мы на это почти каждый день «любимся»!

Через пять минут мы уже сидим в удобных креслах уютного смотрового зала, расставленных вокруг небольшого овального стола, на поверхности которого Харт деловито перебирает настройки.

– Лила – синие, Айна – зелёные, Эфос – чёрные. Белые – мои, – ставит нас в известность и интересуется: – Режим какой?

– Девочки же, – покровительственно замечает его собрат, – полегче давай.

Мы не спорим, в конце концов, не ради выигрыша пришли, а просто развлечься и отдохнуть. Я, по крайней мере, когда подходит мой ход, делаю его, практически не думая, больше по сторонам глазею и наслаждаюсь. Тихой лиричной музыкой, мягким приятным освещением, спокойной расслабляющей обстановкой. Но больше всего меня

радует свобода открытых просторов над океаном. Прозрачная даль атмосферы, сгущающаяся к горизонту туманная изумрудно-синяя облачность, разбивающиеся о стены нашего убежища пенные брызги волн и искрящие в них отблески медленно ползущей по небу голубой звезды...

– Лила, будь внимательнее, – упрекает Харт, пытаясь добиться от меня сосредоточения на процессе игры. – Ты уже четвертую позицию теряешь. Такими темпами у тебя скоро юнитов не останется.

– Ну и пусть, – смеюсь в ответ, наблюдая, как он сокрушённо качает головой.

– Может, ты не умеешь играть? – с неожиданным сочувствием интересуется Эфос.

Его обеспокоенность мне понятна. «Ривус» – очень популярная, но отнюдь не дешёвая игра. Не всем по карману. Интерфейс к ней сложный, да и техническое оснащение нужно хорошее. Вот только у меня на неё были средства. Не зря же я нелегально работала, обкатывая хинари!

– Не умею? – мне становится ещё веселее. – Да я с двух юнитов могу полностью цивилизацию развить!

– Чушь, – безапелляционно отрезает мой оппонент. – Это нереально.

– Абсолютно нереально, – поддакивает ему второй. – Тем более что мы играем не в парах.

– Не верите?! – от возмущения их категоричностью я аж в кресле подпрыгиваю и командую: – Забирайте лишних!

Мужчины переглядываются недоумённо, но послушно, парой ходов уводят с моей территории всех тех, кого я с такой лёгкостью им отдала, перестав защищать.

– Лила, не надо. Ты проиграешь, – с неодобрением посмотрев на творящееся безобразие, просит Айна, но я отмахиваюсь, показывая подруге, чтобы не вмешивалась. Снимаю с оставшихся юнитов рабочий статус, который позволяет им разрабатывать ресурс, иставляю мобильный охотничий.

Наблюдая за моими действиями, ликвидаторы посмеиваются. Оно и понятно, подобная стратегия спорна. Два юнита – это не армия, да и просто так под удар никто из соперников подставляться не будет. Вот только я знаю один фокус! Трачу последний имеющийся у меня запас ресурса на создание невидимости. Теперь все игроки знают, что мои юниты сидят в засаде, но вероятность на них напороться необычайно мала. Потому никто особо и не остерегается, продолжая добывать ресурс и наращивать свой статус. Ну а я сосредотачиваюсь, просчитывая, где именно окажутся рабочие-юниты, когда захвоятся на тот вид ресурса, который находится под моей юрисдикцией. Оперативно меняю дислокацию охотников, оказываясь в нужном месте и в нужное время.

– Нечестно! – восклицает Эфос, когда я в очередной раз с одного хода увожу у него из-под носа рабочего, неосторожно ступившего в зону восприятия моего охотника.

– Честно-честно! – отрезаю. – Ты же знал, что там может быть засада! Сам рискнул!

– Ладно, тогда держись, – многозначительно обещает обокраденный, усиливая очередного рабочего юнитом-сопровождающим и отправляя в новый поход за ресурсом. Ход оказывается продуктивным. Охранник, защищающий вверенную ему фигуру, вступает в бой, и мой охотник, которого я не успеваю отвести на безопасное расстояние, разлетается искрящим фейерверком. Ясно. Потратился, вооружил. Ликвидатор сделал правильные выводы, проанализировав мою прежнюю тактику. Впрочем, ничего страшного, это даже полезно. Пусть расслабится. Делаю вид, что позицию уступаю, и начинаю передислокацию своих охотников, которых у меня теперь уже шесть. На очереди юниты Харта.

Мой ликвидатор рокировке не возмущается, только задумывается, склоняясь над игровым полем. Потом качает головой, делая ход. А я концентрирую силы там, где у него самая слабая защита, захватывая очередного рабочего. Денаж хмурится, меняя тактику, да только я, жертвуя охотником в одной части поля, перехватываю целую группу юнитов

в другой.

– Ну, Лила, ты даёшь, – разводит руками Харт, когда я возвращаю себе всё то, что у меня когда-то было, и начинаю вести разработку ресурса самостоятельно. – Молодец. Не ожидал.

В отличие от него, Эфос, не слишком довольный тем, что в последний ход потерял не только рабочих, но и уже добытый ими ресурс, молчит и делает вид, что невероятно увлечён продумыванием последующих действий. А я на достигнутом не останавливаюсь. Азарт – дело такое. Непреодолимое!

– Ты где так хорошо играть научилась? – интересуется Денаж, когда мы заканчиваем партию и становится понятно, что мой игровой статус если и уступает тому, который получен моим ликвидатором, то совсем немного. При том что изначально у него преимуществ было куда больше.

– Да это мы в учебном центре баловались, – потягиваюсь, разминая мышцы.

– Здорово, – продолжают восхищаться моими способностями. – Может, ещё раз?

– Не-а, – решительно мотаю головой. – Не хочу.

– А мы сыграем, – берёт инициативу в свои руки Айна, сбрасывая старые результаты и выводя параметры новой игры на экран. – Эфос, ты же не против? – мягко касается руки своего ликвидатора.

– Я за, – немедленно воодушевляется тот, несмотря на то, что новая партия – это новые финансовые вложения.

Я отворачиваюсь, пряча улыбку. Подружка и в предыдущую игру особенно не напрягалась, позволив мне и мужчинам себя обойти. Я, конечно, не знаю, насколько хорошо она играет на самом деле, но в любом случае думаю, что и на этот раз девушка сделает всё, чтобы ликвидатор выиграл, тем самым отблагодарив за сделанный ей подарок. Как ни крути, а именинник должен остаться в хорошем настроении.

Чтобы не мешать, отъезжаю на кресле чуть назад и разворачиваюсь к своим спутникам полубоком. Опускаю спинку, превращая сиденье в удобный лежак, и возвращаюсь к процессу медитативного отдыха, от которого меня собственно и оторвали.

Ставшие ещё ярче после того, как край местного светила коснулся поверхности океана, лучи Фиссо теперь играют радужными переливами в плотной массе водяных брызг, и я жмурюсь, когда эти слепящие вспышки бьют по глазам, но не отворачиваюсь. Соскучилась безумно, к тому же скоро стемнеет. Это на Цессе с тем, чтобы выйти ночью и налюбоваться на звёздное небо, проблем нет, а тут...

– Хочешь вернуться?

Вопрос застаёт врасплох. Низкий голос звучит так, словно мужчина знает, о чём я думаю. Чувствую пальцы, которые медленно скользят по голому кусочку кожи на моей руке. От запястья до локтя, к плечу, забираясь под ткань туники и выскальзывая обратно.

Приоткрываю один глаз, поворачивая голову, чтобы убедиться, что у меня не галлюцинации и это действительно Харт решил вот таким своеобразным способом отвлечь меня от грустных мыслей.

– На Цесс к Монту? – фыркаю негромко, чтобы не привлекать к нам чужого внимания, и убираю вызывающую столь явный интерес конечность. – Я похожа на доряду?

– Ты похожа на строптивую хинари, – полулежащий рядом мужчина подпирает голову согнутой рукой, чтобы удобнее было со мной разговаривать. На губах улыбка, взгляд внимательный, кресло успел развернуть, я даже не заметила, как он это сделал. Любопытно.

– И что? – скептически смотрю на субъекта, как-то подозрительно резко перешедшего от нейтральных, чисто профессиональных отношений на сугубо личные. Почему

«подозрительно»? Хотя бы потому, что все три месяца с того памятного момента, как меня облапал в своей комнате, ликвидатор даже мелких поползновений в мою сторону не делал. На тренировках – корректный, в быту – предупредительный, на работе – заботливый. Не более! А тут что на него нашло?

– Лила, послушай, – Денаж пододвигается ещё ближе, вновь переходя к телесному контакту. На этот раз предметом его интереса становится моё плечо, которое он осторожно принимается массировать. – Я не хочу на тебя давить и вообще понимаю, как тебе трудно, но мне нужна определённость.

– В чём? – вопрос всё-таки задаю, хотя уже начинаю догадываться о сути разговора.

– Знаешь, я ведь тогда тебе так и не ответил, когда ты спросила о моей первой приманке, – продолжают размеренные движения сильных пальцев. – Её звали Мада, и она была моей фавориткой. Стала ей задолго до того, как согласилась полететь на Зогг, – звучит неожиданное признание. – И я до сих пор не могу простить себе того, что уговорил её это сделать. Ты была права, – до меня доносится краткий вздох, – это я виноват в том, что Мада погибла. Понадеялся на свою реакцию и просчитался. Больше подобных ошибок я не допущу. Можешь быть уверена, с тобой ничего плохого не произойдёт!

Не выдерживаю, приподнимаясь и присаживаясь так, чтобы его видеть. Помедлив, Харт всё же убирает руку, потому что теперь тянуться вверх ему неудобно, и тоже поднимается.

– Спасибо, конечно, – на всякий случай решаю поблагодарить. – Только я не понимаю, зачем ты мне это говоришь, – плавно перехожу к проблеме. – Вроде как я по поводу опасности не психую, истерик не закатываю и в твоей профессиональной компетенции не сомневаюсь.

– Я хочу, чтобы мы стали друг другу ближе, Лила, – проникновенно выдыхает брютет. – Хочу, чтобы ты начала мне доверять больше, чем делаешь сейчас...

– Ты хочешь, чтобы я тебе заменила Маду? – бесцеремонно прерываю поток душещипательных откровений. Да, согласна, тактичностью мой вопрос не отличается, но эмоции, копившиеся всё это время в душе, сказались на моей деликатности не самым лучшим образом.

– С чего ты решила? – морщится Харт. – Разве я давал тебе повод так думать?

– Не давал, – соглашаюсь, устраиваясь удобнее и поджимая ноги под себя, благо брюки позволяют мне это сделать. – Но это не означает того, что планы у тебя иные. Так что там за определённость, которая тебе нужна? – невинно интересуюсь.

– Я хочу знать, сколько у меня шансов быть с тобой в близких отношениях, – наконец, получаю честный ответ. Перестав ходить вокруг да около, цессянин стал куда серьезнее, сосредоточеннее, взгляд – жёстче, поза – напряжённее. Он таким на работе бывает, когда готовится к охоте.

Честно? Я даже жалею о том, что спровоцировала его изменить линию поведения. Оставила бы игривый тон, можно было бы потом всё перевести в шутку. А теперь уже не получится. И вообще спокойным, мягким и обходительным Денаж мне нравится куда больше. В том смысле, что неприятностей от него тогда меньше. Как бы теперь половчей выкрутиться?

Бросаю взгляд на наших спутников, которые увлечены игрой настолько, что ничего вокруг не замечают. А это значит, и надеяться на то, что Айна или Эфос невольно нарушат наше уединение, бессмысленно. Придётся рассчитывать на себя.

– Любовницей не буду, – категорично отрезаю и иду в наступление: – Надеюсь, это не станет поводом, чтобы скормить меня спуктуму?

– Лила! – гневно восклицает Харт, подпрыгивая от возмущения. – Ты хоть думай, о чём говоришь! Я похож на того, кто добивается своего шантажом? И мстит за отказ?

Глаза яростно сверкают, дышит тяжело, челюсти стиснул. В общем, весь в праведном

гневе мой ликвидатор.

– Извини, – поняв, что переборщила, мягко его успокаиваю, погладив по напряжённой руке. – Ты бы с Монтом пообщался столько, сколько я, и не такие бы выводы сделал.

– Какие же вы, девочки, всё-таки глупые, – проследив за моим движением, цедит сквозь зубы брюнет. – Нельзя же равнять всех с одним-единственным моральным уродом! А тебе уже давным-давно пора о нём забыть. Монт остался на Цессе. Это твоя прошлая жизнь, которую тыпустишь обратно только тогда, когда будешь к этому готова.

С трудом сдерживаю усмешку. Не раньше, чем через пять лет! А если всё сложится так, как планирую, то вообще никогда не впусу!

– Да, ты прав, я постараюсь, – миролюбиво соглашаюсь, вновь растягиваясь на лежаке. Пик напряжения прошёл, самая трудная часть разговора позади, можно и расслабиться.

– Вот так всегда. Хочешь как лучше, а получаешь... – ворчит Харт.

Я его уже не слушаю. Моё внимание мгновенно переключается на другой объект восприятия, едва взгляд устремляется туда, где багряно-лиловыми красками пылает темнеющий небосвод. Закат на Зогге – это что-то потрясающее. Как и рассвет, впрочем. Голубой Фиссо растекается жирной, маслянистой каплей, вплавляясь в жидкую океаническую массу, делая её вязкой и окрашивая привычный бирюзовый пейзаж в нереальные, фантастические оттенки. Природа словно замирает в предчувствии перемен. Мы, защищённые куполом, этого не ощущаем, но штормовой ветер стихает, волнение становится не столь интенсивным, мягким, приятным, успокаивающим, словно планета баюкает сама себя.

Впрочем, это только у поверхности всё так тихо и мирно. На дне сейчас самое опасное время – спуктумы активизируются, начиная появляться даже там, где нет ултриза. Объяснений этому факту наши учёные так и не нашли, хотя чёткая зависимость между возмущениями в атмосфере и рождением водяных драконов точно есть. В любом случае, никто не рискует покидать подводный город ни вечером, ни утром.

По мере того, как темнеет небо и проявляются звёзды, из воды в атмосферу начинают выстреливать тонкие длинные струи воды, создавая впечатление, что их кто-то выплёвывает. Взмывают высоко вверх и россыпью мелких брызг опадают обратно. Это совершенно необъяснимое явление. Никаких объективных причин, приводящих к появлению подобных фонтанчиков, не найдено, но выглядит захватывающе.

Зрелище увлекает меня настолько, что происходящего рядом я не замечаю. Так, фоном, воспринимаю тихие голоса, какое-то движение. Лишь через какое-то время неожиданно для себя осознаю, что Харта рядом нет, его кресло пустое, Эфос тоже куда-то испарился, а чуть поодаль в столь же глубокой задумчивости, как и я, сидит шатеночка, подтянув ноги к груди и обняв руками колени.

Смотрю на хроноиндикатор на стене и ахаю:

– Айна! Нам уже давно спать пора!

– Что? – медленно поворачивает голову она, не сразу приходя в себя. Похоже, подружка меня не услышала.

– Время! – киваю на информационную панель. – Это я могу себе позволить лечь позже, а тебе ведь завтра на работу!

– Да, идём, – девушка, пребывая всё в той же прострации, поднимается с кресла, а я начинаю чувствовать неладное.

– А куда наши красавцы делись? – пытаюсь её растормошить и привести в нормальное состояние.

– Ушли, – совсем без эмоций отвечает подружка, спускаясь следом за мной по винтовой лестнице. И мне подобный тон не нравится! Может, напарники поссорились?

– Айна! – я останавливаюсь, разворачивая её к себе лицом. – Колись, давай, что

случилось, пока я в облаках витала. Эфос проиграл?

– Выиграл, – вздыхает девушка.

Ясно, значит не то.

– Ты ему на ногу наступила, когда кресла двигали? Денаж в физиономию случайно заехал? Или специально? Или Эфос ему? – изобретаю варианты.

– Нет, Лила. Он мне фавориткой стать предложил, – не дожидаясь от меня очередной версии, сообщает подруга. – Я отказалась.

Скептически хмыкаю про себя. Как предсказуемо! Чего ещё нужно было ожидать?!

– Харт ко мне с аналогичным предложением подкатил, – морально подбадриваю подружку. – Моё мнение на этот счёт ты знаешь.

– И как он отреагировал? – с волнением смотрят карие глаза.

– В принципе, нормально, – осторожно отвечаю, начиная догадываться, в чём проблема. – А Эфос?.. – тяну вопросительно.

– Психанул, – Айна заканчивает совсем уж тяжёлым вздохом. – Сказал, что я бесчувственная эгоистка, и, если бы он знал об этом раньше, со мной бы даже не заговорил.

Голос её срывается, и последнее слово она почти проглатывает. Я больше догадываюсь о том, что именно девушка произносит. Вот гад! Я к Харту сразу невероятное уважение почувствовала. Его реакция, по крайней мере, была адекватной.

– Не бери в голову, – обнимаю подружку и глажу по вздрагивающей от рыданий спине. – Отойдёт, поймёт, что погорячился. Ещё и прощения попросит. Ты только близко к сердцу не принимай, тебе завтра вся концентрация понадобится. У тебя заплыв сложный.

– Знаю. Я постараюсь, – Айна отстраняется, вытирая ладошками глаза.

Едва выходим из клуба, навстречу шагает знакомая фигура моего ликвидатора. Он без слов притягивает меня к себе за талию, другой прихватывает ладошку Айны и уводит нас в направлении жилого сектора. Ладно, хоть ждал, а то я уж было решила, что предпочёл с дружкой своим отвалить. Предвзято? Согласна. А что я должна была ещё подумать? Ушёл, не предупредил. Логично же сделать вывод, что Денаж решил: раз ему отказали, можно о сохранности своей приманки больше не беспокоиться. Если что-то случится, это же не по его вине произойдёт! Хорошо, что я ошиблась. Плохо, что у Эфоса не хватило порядочности поступить так же.

Чтобы не провоцировать подругу, у которой и так не самое лучшее настроение, расспрашивать Харта не рискую. Так молча и идём по почти пустым улицам. Поздно, все отдыхают, кроме разве что загонщиц. Как раз для них ночь – самое рабочее время. Впрочем, встретить их в самом городе шансов практически никаких. Они сейчас либо у шлюзов, либо за пределами защитного купола.

Под внимательным взглядом напарника прощаюсь с Айной у двери в её отсек, а когда она исчезает, только головой качаю, понимая, что от моего участия легче девушке не становится.

– Эфос совсем сдурел? Не мог себя в руках держать? – смотрю на Харта, который тоже хмурится. Видимо, происходящее нравится ему ничуть не больше.

– Он просто ждал от Айны иного к себе отношения, – получаю объяснение и невесёлую усмешку. – Это я был морально готов к отказу, потому как слишком хорошо тебя знаю. Не беспокойся, я с ним поговорил. Всё нормально будет.

– Нормально? – переспрашиваю, потому как есть у меня в этом некоторые сомнения. Впрочем, почему некоторые? Вполне определённые! – Ты уверен, что к завтрашней охоте он успокоится?

– Абсолютно. Он будет защищать её так же, как и раньше. Можешь в этом не сомневаться. Отдыхай, моя хинари.

Чего? У меня от удивления глаза на лоб вылезти готовы! С какой это такой радости мы в подобную неформальность ударились?! Я же отказала, а не согласилась! Открываю рот, чтобы вопрос задать соответствующий, да только Харт уже уходит, а разговаривать с удаляющейся спиной как-то глупо.

Наверное, психологию мужчин мне никогда не понять. Что Монт, что Денаж, в этом смысле одинаковые. Вот на чистом же вайли им говорят «нет», а они словно не слышат!

Нехорошими словами поминаю одного альбиноса, злюсь на озабоченного ликвидатора, вернее, сразу на двух, переживаю за подружку, беспокоюсь о том, как пройдёт её заплыв... В общем, практически не глядя, что именно ем, закидываю в себя стандартный по калорийности ужин, который услужливо выпал из панели доставки, переодеваюсь и заваливаюсь в кровать. Пытаюсь заснуть, да только мысли о том, что Харт ошибся насчёт того, как дальше будет вести себя Эфос, не отпускают. С одной стороны, ему виднее, они теснее общались. А с другой... Вдруг он ошибся?! Тогда завтрашняя охота может стать для Айны последней!

Так, погоди-ка... Останавливаю сама себя, включаю свет и протягиваю руку, нашаривая на полке буклет. Где-то в нём это было...

Лихорадочно листаю странички, отыскивая нужный мне раздел. Вот! Нашла.

Пункт 2. Если ликвидатор не прав. См.п.1

В сердцах закидываю книгу обратно. Офигеть! Это уже не безобразие. Это банальная дискриминация по умственным способностям! А как ещё, кроме того, что приманки логично мыслить и рассуждать не в состоянии, эту сноску можно расценить?

Мне потом всю ночь снится форменный кошмар: я почему-то пытаюсь доказать Харту, что спуктума нельзя убивать, а тот только снисходительно улыбается и превращается в Монта. Стоит ли после этого удивляться тому, что просыпаюсь я в отвратительном настроении? А ведь сегодня ещё и разговор с управляющим предстоит!

Вспомнив о необходимости успеть на завтрак, смотрю на хронометр и вскакиваю, потому что времени остаётся совсем немного. В самом шустром темпе, на который способна, привожу себя в порядок и отправляюсь туда, где по собственной инициативе появляться бы лишней раз не стала. Зона контроля и управления. Бр-р-р... Мне папа всегда говорил, что от начальства нужно держаться на расстоянии. Так спокойнее. Однако игнорировать прямые приказы нереально. Эх!

Вот и иду в этот самый «первый сектор», куда приглашена. Мимо закрытых дверей в чужие отсеки, вдоль прозрачной стены, за которой лучи Фиссо уже освещают мирный пейзаж океанического дна, сквозь распахнутые створки внутренних тамбуров, которые в случае опасности должны закрыться, изолируя сектора друг от друга...

Первое время, когда я только-только сюда попала, масштабность постройки меня изумляла. Я понять не могла, как при такой высокой активности спуктумов цессяне-первопоселенцы смогли подобное сооружение возвести?! Это же не на день работа. И не на неделю!

Харт, понятное дело, лично при постройке не присутствовал, но, тем не менее, за тот год, что здесь отработал, узнал достаточно. Так что многое мне рассказал. Оказывается, первые залежи ултриза именно на месте нынешнего города были найдены. Причём совершенно случайно. Один из патрульных кораблей, ещё старого образца, которые летали в подпространстве на ужасно ненадёжных двигателях, снесло с эпистатической спирали и выбросило вблизи Зогга. Удержаться на орбите он не смог и потерпел крушение, со всей дури врезавшись в дно. Всплывший минерал и обнаружили, когда за пилотом, плавающим на поверхности в аварийной капсуле, прилетели спасатели.

Естественно, за возможность получать столь нужный компонент для производства стабилизаторов уцепились моментально. Только вот первая партия добытчиков-копателей, отправленная на Зогг, продержалась ровно сутки. О спуктумах тогда никто не знал, и появление этих жутких субстанций, уничтожающих на своём пути любой биологический объект, упакованный в искусственную оболочку и посягающий на местное сокровище, привело к ужасным последствиям. Погибли практически все.

Тогда тактика компании изменилась. С горем пополам, то есть с некоторым числом жертв, изучив специфику появления водяных драконов, цессяне приняли решение построить на мелководе город-убежище, который позволил бы добытчикам находиться в безопасности. Рабочих-строителей спускали вниз на маленьких шаттлах исключительно днём и поднимали на орбиту, едва Фиссо клонился к закату.

Самым сложным оказалось собрать купол, потому что любая техника, оказывающаяся на поверхности, медленно, но неизбежно разрушалась. Этому и штормовые явления способствовали, и те самые фонтанчики, только на первый взгляд безобидные, а на самом деле пронзающие любой металл насквозь. Потому и оставлять что-то на поверхности надолго было нельзя, особенно на закате-восходе. А когда основные элементы конструкции были подогнаны друг к другу, закреплены и покрыты защитным материалом, стало проще. В городе появились не только строители, но и все те, кого компания сочла необходимым персоналом для того, чтобы добыча ултриза превратилась в неиссякаемый доходный поток. Вот так-то. Стремление получать ултриз у компании просто ошеломительное...

- Вам назначено? - строгий голос и объёмное препятствие на пути останавливают моё продвижение, и я с удивлениемзираю на охранника в тёмно-синей униформе, в которого практически уткнулась носом. Вот ведь! Задумалась и не заметила, как пришла!

Протягиваю свою карточку, и безопасник, прочитав имя, принимается штудировать длинный список на экране стены. Похоже, не так уж и мало желающих поест на халяву. То бишь приглашённых.

Обнаружив искомое, охранник морщится и нехотя отступает, позволяя пройти дальше. Видимо, отсутствие повода мне отказать его очень огорчает. Меня, честно говоря, тоже. Лучше бы это приглашение оказалось ошибкой. Хотя-я-я... Увидев, что именно мне предлагается в качестве утренней трапезы, я меняю своё мнение кардинально.

Зелёные вирры в заливке из ягод атики! Это же такая нямка! Про «безумно дорогая» я вообще молчу. Причём дорогая на Цессе! На Зогге подобное блюдо вообще стоит заоблачно, потому что молодые вирры долго не хранятся и их желательно сразу готовить. А какой запах... У меня слюнки начинают капать раньше, чем я на стул опускаюсь, и от деликатеса в считанные минуты ничего не остаётся. Только с ним покончив, замечаю, что, кроме основного блюда, есть ещё... Морс из лерцы. Слоёный патат. Пуш, взбитый с литтой. Последнее я доедаю с сытым отвращением, только потому, что жаль оставлять.

Лениво ковыряя вилкой в вязкой, рыхлой массе ядовито-жёлтого цвета, рассматриваю интересный интерьер маленькой уютной столовой. Окно-иллюминатор, за которым виден небольшой кусочек океанического дна. Светло-синие стены, украшенные замысловатой вязью. Многоярусный потолок, придающий объём этому небольшому помещению. Красиво. И так похоже на трапезные Цесса! По крайней мере, у моих родителей в доме одна из столовых отделана практически аналогично, разве что окно ромбовидное и вид из него открывается на равнину. А вот вязь совершенно такая же! Я в ней никогда не ела, она - родительская, а вот моя детская столовая выглядела куда проще, в отличие от той, что принадлежала брату. Она у него была совсем шикарная, пару раз мне удалось заглянуть внутрь. Правда, потом, когда Лойд об этом узнал, мне ощутимо досталось. За неприличное поведение.

Вспомнив брата, вздыхаю. Когда я улетала, кулончик Риссы он принял. Интересно, ребёночка ей уже сделал или ещё нет? То, что жениться на девушке Лойд не собирался, это точно, да и в качестве фаворитки тоже её кандидатуру не рассматривал. Я полунамёками пыталась его планы выведать, потому что подружка попросила. Ничего обнадеживающего допрос мне не дал, только лишний раз убедил в том, что характер у брата меняется, и не в лучшую сторону. А ведь был почти нормальным цессянином!

Отодвигаю в сторону опустевшее блюдо, допиваю морс и расслабленно откидываюсь на спинку стула. Всё же замечательно, когда никуда особенно спешить не нужно и точно знаешь, что у тебя есть время и возможность побыть в одиночестве. Торопить обедающего – моветон, входить тоже. Может, мне тут вообще остаться до вечера? Шучу. Идти всё равно придётся. Однако любопытно, за что конкретно мне досталось такое поощрение? Если за хорошую работу, то почему только мне?

На выходе аж вздрагиваю от неожиданности, узрев ожидающего меня охранника. Поначалу даже решаю, что это тот самый, с вахты, но потом замечаю иные нашивки и понимаю – близнецы. Вот ведь! Послушно следую за широкой спиной по длинному коридору, стараясь не строить предположений о том, что именно мне скажут. Какой смысл? Всё равно не угадаю.

– Входите.

Реагируя на приказ, раздавшийся из динамика, сопровождающий распахивает дверь, и мне остаётся только шагнуть внутрь. В тот самый, уже знакомый кабинет, где так много для меня определилось. В финансовом смысле.

– Присаживайтесь, Ли́ла Ювита, – изысканно-учтивый тон управляющего остался неизменным. Как и белоснежный костюм. Да и глаза, бледные, сиреневые, смотрят с той же внимательной проницательностью.

Помедлив, выбираю в качестве посадочной площадки одно из высоких кресел напротив сидящего за столом мужчины, игнорируя мягкий диван, на который мне указали. Ну, а что такого? У нас деловой разговор, а не душевная беседа. Надеюсь.

Замечаю улыбку, скользнувшую по тонким губам. Похоже, мой намёк Зейраш понимает правильно. Подаётся чуть вперёд, укладывая руки на стол и сцепляя кисти в замок.

– Это не официальная встреча, Ли́ла, – разрушает на корню все мои усилия. – Так что в строгом соблюдении субординации нет необходимости. Мы с тобой просто поговорим, – усиливает эффект, переходя на неформальное обращение, и уже открыто, совершенно по-доброму улыбается, демонстрируя свою искренность. – Тебе же не трудно ответить мне на несколько вопросов?

– Не трудно, – подтверждаю, но тут же уточняю: – Только сначала я хотела бы узнать причину, по которой имею удовольствие с вами беседовать, – несмотря на его заверение, я стараюсь вести себя максимально корректно и тыкать начальству не рискую. Мало ли что.

– Причину?.. – заметно погрузнев, альбинос откидывается на спинку кресла, задумчиво меня рассматривая. – Причину, – повторяет тихо. – Хорошо! – неожиданно резко поднимается, одним быстрым движением активируя технику.

Изображение, появившееся на той стене, где изначально была карта города, повергает меня в шок, и я расширившимися от изумления глазами смотрю на элегантного молодого светловолосого мужчину, стоящего в расслабленной позе в классически обустроенном рабочем кабинете и опирающегося пятой точкой на стол за своей спиной. Попавшее в поле зрения камеры окно демонстрирует вид на равнину, и это доказывает, что запись сделана на Цессе.

– Привет, пап, – начав говорить, он коротко кивает. – У меня к тебе просьба. Личная. Я редко тебя о чём-то прошу, но сейчас просто нет иных возможностей, да и вопрос в твоей юрисдикции. Пару месяцев назад на Зо́гг прибыл новый персонал, – доказывает, что он в курсе родительских дел. – Так вот, среди них есть одна приманка, её зовут Ли́ла. Ли́ла Ювита, – повторяет, чтобы уж наверняка сомнений не оставить. – Слишком поздно я об этом узнал, не успел вмешаться. Её завербовали, и она контракт подписала как раз тогда, когда я сопровождал Овид Шу́ ли'Тона, он вёл сложные переговоры с иперианами. Кстати, имей в виду, свой ультиматум они не отозвали и договор о ненападении с нами заключать отказались. На том основании, что мы монополизировали добычу ултриза. Боюсь, очень скоро нас ждёт полномасштабная военная операция по нашему изгнанию с Зо́гга, – хмурится и возвращается к началу разговора: – В общем, меня долго не было на Цессе, и возможности контролировать происходящее тоже. Прилетел, а тут такой сюрприз. Так что, очень прошу, ты присмотри за девочкой. Я прилечу сразу, как только

с делами разберусь.

Картинка исчезает. Не то запись заканчивается, не то Зейраш её отключает, чтобы не афишировать остальное. Шагает ближе, отодвигая соседнее кресло и усаживаясь в него. Несколько секунд молчит, видимо, предоставляя мне время осмыслить услышанное.

– Я получил это сообщение вчера, – наконец, решает, что можно продолжить диалог. – И, признаюсь честно, был необычайно удивлён. Обычно мой сын не проявляет подобной заботы в отношении своих... – мужчина замолкает, подбирая слово, – партнёрш, – заканчивает, в общем-то, предсказуемо.

– Я ему не партнёрша, – мне удаётся сказать это более-менее спокойно, хотя в душе всё уже закипает от возмущения.

– Вот как? – сиреневые глаза мгновенно загораются интересом. – Но ведь твой кулон зарегистрирован на него, я проверил, – альбинос окончательно убивает мои мечты оставить наши взаимоотношения с Монтом в тайне. – Или... – прищуривается, покусывая губы, явно выстраивая какую-то логическую цепочку, – у Дэйля на тебя иные виды? – озвучивает итог своих умозаключений.

– Я не знаю, – коротко отрезаю. Но ведь не вру! Я реально не в курсе, что в голове у его сыночка!

– Не знаешь, – вроде как удивляется, но довольно спокойно реагирует управляющий. – Возможно. Мне в это легко поверить, мальчик всегда отличался умением держать свои планы при себе. Знаешь, Лиля, – тон становится необычайно доверительным. – Я им горжусь. Он – единственный из моих сыновей, кто всего добился сам, без какой-либо помощи с моей стороны. И я точно знаю, что Дэйль никогда и ничего не делает просто так. Если он попросил меня позаботиться о тебе, значит, для этого есть веские основания.

Мужской взгляд пробегает по моей персоне, наверняка эти самые основания отыскивая. Не знаю уж, находит или нет, однако рассуждения продолжает:

– Свой кулон ты отдала Дэйлю шесть лет назад. Слишком рано для осознанного решения, но... – тянет в раздумье, – объяснимо. Гормоны, симпатии. Да и не возбраняется, – проявляет невероятную понятливость. – Зарегистрировал сын его сразу, хотя мог с этим и не спешить, ты была несовершеннолетней. Что из этого следует? – смотрит внимательно, ну а поскольку я молчу, делает вывод сам: – На физический контакт вы были согласны оба. Тем не менее, уже год, как Дэйль может реализовать право на осеменение, а ребёночка у тебя до сих пор нет. При этом интерес мальчишки к тебе сохраняется, ведь идентификатор он тебе до сих пор не вернул. Тебе не кажется это странным? Нет? – снова озвучивает моё молчание. – Ладно, далее. Ты подписала контракт, зная, что работа не самая безопасная, и улетела с Цесса, его не предупредив. А теперь пришло это сообщение... Терзают меня смутные подозрения, Лиля, что вы просто поссорились, – смотрит так, что становится понятно – никаких сомнений у него нет, а есть только стопроцентная уверенность.

Отрицательно мотаю головой и сжимаю зубы, чтобы не высказать управляющему всё, что я думаю о его дедуктивных способностях, а ещё о любимом сыночке и применяемых им методах. Лучше уж помолчу, мне не нужны неприятности.

– Ну, хорошо, – загадочно улыбается мужчина. – Не буду на тебя давить, в конце концов, ваши отношения это не моё дело. Вы сами разберётесь. Теперь вот о чём подумаем, – меняется, становясь куда сосредоточеннее и серьезнее, наглядно показывая, что лирическое отступление закончено. – Брать на себя ответственность и оправдываться перед сыном, если с тобой что-то случится, я не собираюсь. Вне зависимости от того, какие причины заставили его обратиться ко мне. Так что заканчиваешь работу с последним месторождением, и я тебя отстраняю. Жаль, что оно оказалось таким большим. Если бы не необходимость повторного заплыва, я бы запретил тебе участвовать в охоте прямо сейчас, но, – разводит руками, – что есть, то есть. Завтра выходишь в океан последний раз, и ждём, пока прилетит Дэйль. Тогда решим этот вопрос окончательно.

– А если я не хочу бросать работу? Допустим, она мне нравится, – невольно его провоцирую, чтобы оценить, насколько управляющий искренен. Почему-то у меня

ощущение, что наигранности в его словах куда больше. Слишком уж он добрый, а для альбиносов это как-то ненормально. – К тому же у меня контракт без права расторжения, – зачем-то напоминаю, хотя он лучше меня это знает.

– Глупышка, – в сиреневых глазах появляется снисходительность. – А кто говорит о расторжении? Если Дэйль решит, что в этом есть необходимость, то для всех ты просто исчезнешь. Официально погибнешь на охоте, со всеми вытекающими последствиями. И никаких вопросов ни у кого не возникнет. Ну а насчёт «не хочу» и «нравится», – взгляд становится цепким и неприятным, а в голосе появляется недовольство, – ты вообще в курсе, чем в конечном итоге заканчивается для приманок эта работа?

– Наслышана, – спокойно отвечаю. – Но меня не пугает ни это, ни спуктумы, – хотела добавить «ни Монт», но вовремя одумалась. – Я хорошо контролирую свои действия и эмоции.

– Охотно верю, – Зейраш неожиданно возвращается к прежней, доброжелательной линии поведения, словно и не он минуту назад недвусмысленно намекал на то, что зубки у него длинные и острые. – Я просмотрел твои заплывы, ошибок ты действительно не допускаешь. Молодец. И ликвидатор у тебя не самый плохой. Кстати! – восклицает, словно только сейчас о нём вспомнил и решил прояснить всё до конца в этом вопросе. – Насколько я понял, твои отношения с Хартом начинают выходить за рамки деловых. Верно? – в который раз доказывает свою информационную осведомлённость. – Надеюсь, ты помнишь, что не имеешь права принимать предложений о смене социального статуса без одобрения Дэйля? До тех пор, пока у тебя есть взятые на себя и невыполненные обязательства, мой сын за тебя отвечает. Так что постарайся держаться от Денажа на некотором расстоянии, иначе я сам приму меры. Радикальные.

В словах мужчины нет ничего для меня нового. Всё правильно, закон о социальной опеке именно это и подразумевает. Вот если бы я уже родила от альбиноса ребёночка, то была бы совершенно свободна в выборе, а так, пока мой кулончик зарегистрирован на него, претендент на роль мужа или любовника должен, кроме моего согласия, получить одобрение альбиноса. И тем не менее уровень моего негодования начинает зашкаливать. Я же о его вмешательстве в мою жизнь даже думать не хотела! Надеюсь, что найду выход, сбегу, исчезну, и меня это не только не коснётся, но и больше никогда волновать не будет!

Так, Лила, спокойно! Вдох, выдох. До появления Монты ещё есть время. Так что думай, что можно сделать, а не злись! Потому что гнев, если ты его выплеснешь, ни к чему хорошему не приведёт, только усугубит ситуацию ещё больше.

– Я всё поняла, – взяв себя в руки, мило улыбаюсь альбиносу, который в ожидании ответа присматривается ко мне с подозрением. – Можно мне идти?

– Разумеется, – Зейраш немедленно поднимается и берёт меня под руку, помогая встать. Провожает до двери, открывая проём. – Да, ещё один момент, – останавливает, сжав локоть, который так и не отпустил. – Думаю, тебе будет приятнее ждать прилёта Дэйля в более комфортных условиях. Можешь выбрать себе любой свободный отсек в А-зоне и переселиться.

– Спасибо! – старательно изображаю радостное изумление. – Я обязательно это сделаю.

Успокоенный моей покладистостью, альбинос разжимает пальцы, позволяя мне выскользнуть в коридор. Скорость, с которой я покидаю сектор управления, наверное, можно назвать спринтерской. То есть поначалу-то я иду степенно, неспешно, и только потом, когда оказываюсь вне зоны видимости, практически срываюсь на бег, стремясь как можно скорее оказаться у себя. Зачем? Да чтобы банально сбросить напряжение!

В общем, то, что творится в моей комнате в течение нескольких минут после того, как я в ней оказалась, озвучить сложно. Хотя попытаться можно. Трямс! Хрясь! Бам! Ой! Прыгаю на одной ноге, схватившись обеими руками за ступню второй. Стул, который я пнула, очень «удачно» срикошетил и рухнул на пол. То есть на ту часть моего тела, которая на этом самом полу стояла. Пошипев и высказав предмету мебели всё, что я о нём думаю, успокаиваюсь, присаживаясь на разорённую постель. Ну ладно, хоть злость ушла. Теперь можно подумать, что я могу сделать, с учётом того, что меня фактически загнали в угол.

Итак. Оставаться на Зогге нельзя. Бежать, бежать и ещё раз бежать. А как это сделать, если корабля нет? И пилота. Я ведь за это время так ни с кем и не познакомилась, это, оказывается, не так просто. Эти субъекты вообще редко покидают ангар, в который приземляются шаттлы. У них даже комнаты для отдыха там находятся. Значит, корабль придётся красть, а пилота чем-нибудь шантажировать. Сохранностью его собственной жизни, например. Или вознаграждение пообещать, если, конечно, папочка Монта мою карту не заблокирует.

Как удачно, что я в разговоре с управляющим сдержалась и не вспыхнула! Слежка с его стороны могла бы всё испортить, а так, надеюсь, сочтёт меня за взбрыкнувшую после ссоры с его сыном дурачку, цепкую и меркантильную, которая не захочет выпускать своё счастье из рук, а потому ждать от меня подобных выкрутасов ему и в голову не придёт. В любом случае, захватить корабль в одиночку нереально. Нужен сообщник. Кто? Харт, разумеется. Сомневаюсь, что он мне откажет. Особенно, если намекнуть, что моё решение относительно наших с ним отношений может измениться. Лгать, понятное дело, нехорошо, но у меня нет иного выхода. А ещё нужно обязательно Айну забрать с собой. Уверена, она оставаться здесь не захочет! Да и я себе не прощу, если её брошу!

Итак, план ясен. Сначала разговор с Айной, потом с Хартом.

Забираюсь с ногами на кровать, подползая к экрану, который, к счастью, от моих разрушительных искрометаний не пострадал.

– Ну, давай, давай! – тороплю подружку, которая отвечать мне не спешит.

Сбрасываю текущий вызов и активирую связь снова, однако экран по-прежнему демонстрирует отсутствие абонента или его нежелание со мной общаться. В недоумении бросаю взгляд на хронометр. Может, ещё слишком рано и я слишком тороплюсь? Вижу, что уже далеко за полдень, и начинаю чувствовать беспокойство. По идее, и приманка, и её ликвидатор уже давно должны были вернуться. Охота же совсем короткая! Это потом рабочие долго ултриз откапывают.

На всякий случай пробую позвонить ещё раз, понимаю, что занятие бессмысленное, и выскакиваю в коридор. Дверь в комнату Айны практически напротив, далеко идти не нужно. Стучусь, а отклика нет. Теперь уже нервничаю основательно, даже о своих проблемах забываю. С той же поспешностью, с которой неслась сюда, бегу к переходному шлюзу, не обращая внимания на недоумевающие взгляды, которые бросают на меня встречные. У входа торможу, прилипаю ладонями к смотровому стеклу, позволяющему видеть происходящее в камере.

Спокойное переливчатое сияние панели допуска. Сухие доки, которые неизбежно заполняются водой, если шлюз открывали. Охранники в расслабленных позах сидят на ограждающих их бортах и о чём-то болтают. Смеются даже. Значит, никто ещё не возвращался.

Остаюсь ждать, нервно дёргаясь каждый раз, как только мне кажется, что идёт активация. Десять минут. Полчаса. Час. Я уже места себе не нахожу, боюсь даже думать о том, что творится там, за стенами города.

Едва лёгкая вибрация проходит по стене, к которой я прислонилась в ожидании, вновь бросаюсь к окну. С замиранием сердца всматриваюсь в громоздкую фигуру, ступившую на свет из темноты, ожидая появления следом маленькой и куда более изящной, но створки смыкаются, отрезая пространство камеры, из которой так больше никто и не вышел. А ликвидатор одним движением срывает маску, отшвыривая её в сторону, и рывками принимается снимать с себя защиту. Периодически коротко говорит что-то подступившим к нему безопасникам, видимо, отвечая на вопросы, которых я не слышу, потому как звукоизоляция тут хорошая. Впрочем, мне и слышать не нужно! Я уже знаю, что произошло.

– Сволочь! – бросаюсь к нему, едва ликвидатор шагает в раскрывшийся проём. – Ты должен был её защитить, а не позволить ей умереть! Её жизнь от тебя зависела! – злые слёзы наворачиваются на глаза, и я с досадой их смахиваю.

– Я не виноват, – ошалев от моего натиска, Эфос теряет. – Не успел просто...

– Не успел?! – меня понесло. Толкаю его в грудь, кидая обвинения: – А может, не захотел?! Ну, правильно, зачем?! Она же тебе не любовница и никогда ею не станет! Какой смысл в такой приманке?! Проще новую найти! Тем более что момент такой удачный!

Мужчина отступает, упираясь спиной в стену и перехватывая мои руки.

– Лила! – рычит, начиная раздражаться. – Не забывайся! Я сделал всё, что в этой ситуации было возможно!

Рефлексы, отточенные тренировками с Хартом, сработали на ура. Короткое, крутящее движение кистями, разворот, удар локтем назад. Приседаю и подныриваю под руку, чтобы не попасть под ответный удар. Вот только неожиданно оказываюсь в тесных объятиях сильных конечностей, обхвативших меня за талию и прижавших к накачанному корпусу.

– Тише, Лила, спокойнее, – мягко уговаривает меня низкий голос, оттаскивая от сложившегося пополам Эфоса. Хорошо я попала, прямо в солнечное сплетение. – Не надо, девочка. Ты уже ничего не изменишь.

– Он должен признаться в том, что сделал это специально! – снова дёргаюсь к Эфосу.

– Он не виноват, – отрезают, не позволяя мне завершить движения и стискивая сильнее.

Теперь моей ярости нет предела, и я моментально переключаюсь на того, кто столь неосторожно попал под раздачу, решив выступить в роли буфера.

– Ты его оправдываешь?! – возмущаюсь, выкручиваясь, чтобы посмотреть Денажу в лицо. – Впрочем, чему я удивляюсь?! Ты и сам ничем не лучше! Подвернётся удобный случай, поступишь аналогично! Все твои слова насчёт того, что ты и не ждал от меня согласия, ничего не стоят! Ты врёшь так же, как и он! – одариваю полным презрения взглядом оклемавшегося и замершего в неподвижности Эфоса, наблюдающего за нашим общением. – Вам только одно от приманок надо – в постель затащить! А то, что у них в душе, никого не интересует! Теперь я уже не удивляюсь тому, что девушки гибнут в таких количествах! Мы для вас расходный материал!..

Продолжить в том же духе мне не дают. На рот ложится широкая ладонь, а тело разворачивают, прижимая к стене и фиксируя так, что при всём желании избежать контакта я не могу.

– Это не так, Лила! – карие глаза оказываются совсем близко, потому что мужчина склоняется к моему лицу. – Я же люблю тебя, глупая! Ну не желаешь быть любовницей, не надо. Будешь женой. Я этого хочу даже больше. Слышишь?

Закрываю глаза, вжимаясь затылком в холодную стену. Всё. Приехали. Мне только Харта в качестве мужа не хватало для полного счастья.

Почувствовав, что я перестала сопротивляться, ликвидатор подхватывает меня на руки и утаскивает подальше от места разборок. Я, бросив взгляд назад, понимаю почему. Наше громкое выяснение отношений привлекло к себе внимание оказавшегося поблизости местного населения, так что вокруг нас собралась не самая маленькая компания. Охранники, выскочившие из шлюза, другие ловцы, готовившие в соседних отсеках обмундирование к заплывам, загонщицы, изучающие карты и результаты исследования дна, которое проводили ночью, чтобы определить новые места залегания ултриза.

Роняю голову Денажу на плечо и закусываю губу, не в силах сдержать горестного стога. Какая же я дура! Теперь глупо надеяться на то, что Зейрашу об этом инциденте не донесут. Как и о том, какое предложение я получила. А значит, и за мной будут следить куда внимательнее. Как и за Хартом. Получается, что сбежать с Зогга возможности не остаётся.

Мой телоносец реагирует на происходящее со мной своеобразно – прижимая к себе ещё теснее. Наверное, таким нехитрым способом желает показать, что он меня защищает. Похоже, ему и в голову не приходит то, что я вовсе не этого желаю.

У входа в комнату, поставив меня ногами на пол, но так и не выпустив из объятий, Харт

пытается что-то мне объяснить, но я его не слушаю, выдираюсь из цепких конечностей и прячусь у себя, попросив дать мне время побыть одной. Плотнo закрыв за собой дверь, перестаю сдерживаться и падаю на кровать, вжимаясь лицом в подушку, чтобы заглушить рыдания.

Айна, Айна, ну как же так?! Эфос гад, конечно, но от тебя тоже много зависело. Неужели ты не смогла сконцентрироваться и вовремя увернуться? Или же спуктум напал быстрее? Или с другого направления? Ты говорила, что он тебя запомнил. Может, это сыграло свою роль?

Приподнимаюсь, вытирая ладошками лицо. Что толку от моих эмоций? Подругу жалко, безумно жалко, но я не решу проблем слезами. Нужно найти в себе силы, перестать истерить и разобраться, что же на самом деле случилось. Меня завтра похожий заплыв ждёт. Что касается слов Харта и прилёта Дэйля, то лучше пока об этом не думать. Нечего мне расстраиваться ещё больше. Вот отработаю завтрашний день, тогда и решу, как действовать.

Подползаю к экрану и активирую свой рабочий профиль в системе базы. Отыскиваю среди записей сегодняшние, запуская просмотр той, что сделана во время охоты Аины и Эфоса. Это на Цессе нам показывали только те, где заплывы успешны, чтобы не пугать, а на Зогге можно смотреть всё и делать выводы. Если психика выдержит ужас происходящего, конечно.

Стараясь не разреветься, всматриваюсь в плавные движения девушки, хорошо различимой в толще воды на фоне тёмного провала. Такой маленькой, хрупкой, беззащитной. У меня в душе снова возникает щемящая волна боли. Ну как же так?! Эфос, что ж ты её не защитил? Как мог бросить, не попытаться спасти? Шмыгаю носом, заставляя себя сосредоточиться. Хватит! Нужно быть внимательнее!

Несколько минут Айна спокойно висит над песчаным дном, и вокруг неё ничего страшного не происходит, я даже признаков зарождения дракона не опознаю, а потом словно налетевший вихрь подхватывает песок со дна, взмётывая его вверх и закручивая вокруг приманки. Она, наконец заметив, что стоит в самом центре зоны формирования, отталкивается от дна, чтобы отплыть в сторону. Похоже, что для неё это становится неожиданностью, она совсем к другому месту присматривалась, значит, и ждала появления спуктума с другой стороны! То есть, по сути, оказалась не готова к тому, что у неё не будет пространства и времени для манёвров.

Особенно времени! Скорость, с которой струи воды скручиваются в стремительный поток, меня изумляет. Я впервые такое вижу! Айна и на метр не успевает отплыть, а её тело уже становится практически неразличимо, искажённое стремительным движением водяного дракона.

Я невольно подаюсь ближе к экрану, сжимая кулачки и впиваясь ногтями в ладони. Приказов Эфоса я не слышу, они не записываются, но разряд, пронзивший воду рядом с драконом, виден хорошо. И ещё один, направленный в хвост. Ликвидатор не промахивается, он просто пытается спуктума отогнать, заставив отвлечься. Тем более что от прямого попадания пострадала бы и сама приманка. Вот только толку от его действий немного. По-моему, дракон не обращает на выстрелы никакого внимания. Видимо, полностью сосредотачивается на добыче. Практически молниеносно смещается в сторону, дёрнув Аину так, что та летит следом как безвольная кукла, взмётывается вверх, вниз, играя со своей жертвой, а через мгновение скручивается сильнее и исчезает в тёмном провале, утаскивая безвольное тело за собой.

Вот и всё. Спасать больше некого. Нервным движением закрываю программу и несколько минут в раздумьях сижу, пытаюсь успокоиться, проанализировать увиденное, чтобы понять, как же мне действовать, когда окажусь в аналогичной ситуации. Я с той же лёгкостью, что и Айна, могу оказаться в эпицентре слияния потоков. Однозначно подружка бы не выбрала для себя то место, где спуктум уже формировался, значит, считала себя в безопасности, и то, что оказалась прямо над драконом, – случайность. Это знание мне точно не поможет. Что ещё? Вспоминая действия девушки, примеряя на себя и продумывая возможные действия. Пожалуй, можно договориться с Хартом, чтобы стрелял сразу на поражение, увернуться от заряда проще, чем от спуктума...

Сигнал внутренней связи раздаётся так резко, что я вздрагиваю от неожиданности.

Почему-то первое, что приходит в голову, – опять меня достаёт Денаж. Лёгко на помине! Просила же не беспокоить! Тянусь рукой, чтобы сбросить вызов, и замираю. Это не он. То есть физиономия абонента другая. Та, видеть которую я сейчас меньше всего желаю, несмотря на то, что уже почти уверена: возможности спасти Айну у Эфоса действительно не было.

– Слушаю, – принимаю вызов, потому как интересно, что именно заставило его мне позвонить? Желание попросить прощения за свои действия?

– Ты как, успокоилась? – он смотрит на меня без малейшего намёка на раскаяние. Ясно, извинений я не дождусь, скорее чего-нибудь нагло-заявительного. – У меня к тебе предложение, Лила, – тут же подтверждаются мои подозрения, – сменить ликвидатора и стать моей приманкой.

От его нахальства я дар речи теряю, как и понимание ситуации в целом. Как?! Да как он вообще посмел предложить мне подобное после всего, что вчера и сегодня было?! Это ж какой наглостью и циничностью нужно обладать! А потерявший остатки совести тип тем временем продолжает:

– Завтра можешь выйти со мной. Ты же запись смотрела и видела, что я Айну защищал до последнего...

– Я видела, что ты до последнего отсиживался в засаде! – перебиваю, не позволяя оправдаться. – Мог и сам навстречу спуктому выйти! – хоть и знаю, что это невозможно, всё равно мужчину провоцирую.

– Не мог, Лила, пойми же, банально не успел! – на этот раз меня настойчиво, но убеждают, а не заявляют категорично. – И Харт тоже ничего не сможет сделать, если ситуация будет похожей.

– Тогда какой смысл мне менять ликвидатора? – возвращаюсь к его предложению. – Ты или он, какая разница?

– Большая, Лила, – авторитетно заявляет брюнет. – Во мне, по крайней мере, ты можешь быть уверена, я тебя не подведу, потому как личной заинтересованности в твоей персоне у меня нет, и не будет. Я в курсе того, что у тебя есть обязательства по отношению к сыну управляющего, – окончательно шокирует меня своей осведомлённостью. Впрочем, уже через секунду до меня доходит, с чьей лёгкой подачи Эфос решился на подобное предложение. Ну и Зейраш! Ну и прохвост! Так ловко исполнять угрозы чужими руками, это надо уметь!

– Харт тоже в курсе, – парирую просто потому, что нужно как-то реагировать. – Я ему о себе всё рассказала.

– Ты, может, и рассказала, – в тёмных глазах появляется насмешка. – А он? Много ли ты о нём знаешь? Уверен, ты больше не захочешь с ним общаться и примешь моё предложение, когда увидишь вот это.

Эфос протягивает руку, словно включая что-то, и экран чуть темнеет, идёт полосами, а когда изображение стабилизируется, я вижу Денажу. Ликвидатор, подперев голову кулаком, в задумчивости рассматривает стену, сидя за столом в своей комнате. Она у него ощутимо больше моей, так что помещается там не только кровать. Не проходит и секунды, как мужчина поднимается и шагает к двери, реагируя на раздавшийся стук.

– Проходи... – начинает говорить и осекается, потому что влетевшая в помещение темноволосая женщина, в которой я моментально узнаю нашу загонщицу, захлопывает за собой дверь и со всей дури залепляет мужчине пощёчину.

– Дихол! – восклицает тот, перехватывая её руки и не позволяя повторить «подвиг». – Да что с вами всеми сегодня творится? Что с тобой?

– Что со мной?! – вспыхивает посетительница, стараясь вырваться из плена. – Это ты мне лучше скажи, что с тобой! Ты мне обещал! Клялся! Заверял, что я буду женой, а она любовницей! А сам? Делаешь этой девчонке предложение! У меня на глазах! При всех! – всхлипывает, вновь повторяя попытку освободить руки.

- Прекрати, Ожина! – морщится Харт. – Ну какая, собственно, разница, кто из вас и кем будет?

- Тебе, может, и никакой! – возмущается загонщица. – А я не для того согласилась на отношения без официального признания, чтобы в один прекрасный момент ты отказался от меня ради неё!

- Успокойся, – мужчина встряхивает истеряющую женщину за плечи и обнимает, притягивая к себе. – Я от тебя не отказываюсь! И никогда не откажусь. Просто будешь со мной в другом статусе. Зато перестанем таиться и бояться, что о наших отношениях станет известно.

- Ты!.. Ты!.. – задыхается от возмущения брюнетка и замолкает, потому что рот ей закрывают. Нет, не рукой. Губами.

Смотрю на целующуюся парочку, а в душе рождается горечь. Так вот что скрывал мой ликвидатор! Мгновенной вспышкой озарения проносится давнее воспоминание о том, как я однажды застала его не одетым и мокрым, словно он только вышел из душа. В комнате у него порядка не было, и в душевой что-то упало. Не Ожина ли среагировала на то, что Харт полез ко мне обниматься? И оставил он меня только потому, что вспомнил о её присутствии? А я-то, наивная, решила, что Денаж проявил деликатность и устыдился того, что сделал! Да и на шаттле, когда мы на Зогг летели, загонщица каюты не покидала, наверняка со своим любовничком кувыркалась...

- Ожина, – Харт увлекает притихшую женщину в сторону кровати и усаживает рядом. – Пойми, дорогая, у меня нет иного выхода. Я тебя люблю, и Лилу тоже. Вы обе дороги мне одинаково.

- Тогда пусть она фавориткой будет, – не сдаётся брюнеточка, надувая обиженно губки. – Как было просто с Мадой! Та на роль жены не претендовала! Почему ты Лилу сразу фавориткой не объявил? Ты же именно это планировал!

- Потому, что у Лилы есть обязательство по зачатию, и я не могу его игнорировать, – с нажимом проходит ладонями по лицу Денаж. – А её опекун о том, чтобы Лила стала моей фавориткой, даже слышать не захотел. Я вчера от него письмо получил. Он отказал категорично. Вернее, поставил условие: его согласие только в обмен на статус жены. А этого, по условиям контракта, мне ждать пять лет, и даже дольше, до тех пор, пока она от него не забеременеет.

- Повезло ей с опекуном, – с хорошо различимой завистью цедит загонщица. – То есть спать с ней ты не будешь, даже если Лила согласится на неофициальные отношения до присуждения статуса, – констатирует.

Вот теперь и облегчение в её голосе появляется. Причины мне понятны. Пять лет – долгий срок жизни для приманок. Навряд ли Харт дожждётся того момента, о котором мечтает.

- Ты же мне компенсируешь всё то, что я не могу получить от неё? – мужчина роняет женщину на мягкую поверхность, прижимая сверху своим телом.

- Конечно, – соглашается та. Ладони ласковым движением проходят по спине, забираясь под рубашку. – Только давай ты пока не будешь торопиться и демонстрировать всем наши отношения. Меня больше устраивает быть неофициальной любовницей.

- Как скажешь, – покладисто реагирует Харт.

Впрочем, он не только на слова реагирует, так что я поспешно отвожу взгляд от творящегося на экране безобразия и выключаю просмотр. Мне сейчас только любовных сцен не хватало!

Уступчивости Ожины я не удивляюсь, как и просьбе. Ясно, что теперь все её надежды связаны с тем, что со мной что-то произойдёт. Хорошо хоть она лично ничего для этого сделать не может. Хотя... если подумать... Она в состоянии мне такое месторождение подсунуть, в котором ултриза мало, а потенциал водных потоков очень высок. Это же функция загонщиц искать места, где всё с точностью до наоборот!

Кстати! Было ведь такое в инструкции!

Пункт 3. Не стой на пути загонщицы

Вспомнив об этом, принимаюсь хохотать, заваливаясь на кровать. Обалдеть! Составители буклета даже взаимодействие с другим персоналом учли. Хотя, разумеется, они имели в виду несколько иное. То, что приманке вмешиваться в выбор месторождения не следует.

Постепенно смех переходит в рыдания, и я, вовремя сообразив, что это как-то ненормально, с трудом умиряю вышедший из-под контроля организм. Надо же, какая я стала эмоционально нестабильная! Довели меня, однако! Так. Вдох, выдох. Слезы с лица долой. И вообще умыться, привести себя в порядок и спокойно всё обдумать! А ещё все звонки и сообщения игнорировать. По крайней мере, до тех пор, пока не успокоюсь окончательно. Хватит с меня «позитивной» информации!

Почти час трачу на то, чтобы реализовать составленный план. Сначала забираюсь в крошечный душ, потом обсыхаю, делая вид, что не замечаю экрана, испещрённого извещениями о том, что кто-то очень настойчивый желает, чтобы я ответила или хотя бы сообщения прочтала, потому как они там тоже появляются. Неторопливо ужинаю, стараясь не думать о том, насколько сильно он отличается от завтрака. И только поняв, что моральное равновесие восстановлено, позволяю себе ознакомиться с тем, чем меня одарили настойчивые абоненты. Итак.

Шесть вызовов от Эфоса. Оно и логично, я же так и не дала ему ответа. Два звонка от Харта. Неужели распрощался с Ожиной? Удивительно быстро он насытился, особенно если учесть, что запись с их любовными играми сделана сразу после того, как Денаж, доставив меня в мою комнату, вернулся к себе.

Так, что ещё? Сообщения.

«Лила, не глупи и не сделай ошибки, соглашайся!»

Эфос. Потерял приманку и судорожно уцепился за предоставленную возможность получить другую. Наивный! Не понимает того, что работать со мной ему всё равно не дадут. Прилетит Монт, и... А я не знаю, что тогда будет, потому что планы и мотивы Дэйля никому не известны.

«Обязательно выпишись и хорошо отдохни. Ни о чём не волнуйся, всё будет замечательно, моя хинари. До завтра».

Харт. Для цессянина он, конечно, неплох, и его поступки по отношению ко мне, как ни крути, но честны. Попытался решить мою проблему с альбиносом. Задвинул любовницу ради того, чтобы дать мне уверенность в завтрашнем дне. Вот только зря он всё это сделал. Фактически своим поступком создал мне врага в лице Ожины, да и Монту невольно выдал моё местонахождение. Денаж как лучше хотел, ясное дело. Наверняка думал, что альбинос, узнав о том, кем я работаю и где, откажется от права осеменения и разрешит стать фавориткой. Не прокатило.

«Лила, надеюсь, ты помнишь о нашем утреннем разговоре?»

Зейраш. Предсказуемо. Любопытно, он на что рассчитывал, когда подсовывал мне через Эфоса компромат на Харта? Вряд ли управляющий делал ставку на наличие любовницы, пусть и неофициальной. Это не поощряется, конечно, желательно статус признавать сразу, но и не запрещено. Скорее всего, альбинос решил таким способом мне доказать, что мужчина, который один раз с лёгкостью отказался от данного им слова, столь же легко делает это снова.

Ладно, всё это замечательно, а мне-то как поступить? Улететь с Зогга, забрав положенное мне вознаграждение, – шансы нулевые. Ждать прилёта Дэйля – значит, признать за ним право на ребёнка, которым он рано или поздно воспользуется. Отказаться сменить ликвидатора – подставить Харта под удар, потому что это будет выглядеть так, словно я согласилась принять от него статус жены. И совершенно неясно,

что предпримет в этом случае по отношению к нему Зейраш.

Остаётся Эфос. Вот кого-кого, а этого типа мне жаль меньше всего. Простить ему гибель Айны я не могу. Виноват. Всё равно виноват, вне зависимости от того, как вёл себя на охоте. Нечего было изводить девушку своими претензиями и запросами!

От этого и оттолкнусь. Одним ходом закрою всё. Отомщу Эфосу. Избавлю Харта от необходимости решать чужие, то есть мои проблемы. Верну Ожине надежду на статус жены. Оставлю ни с чем Дэйля и его папашу. Жизнь – это не «Ривус», я не смогу вернуть себе утраченное, но проигрывать красиво тоже надо уметь.

Решительно принимаюсь писать сообщения.

Зейрашу – *«Извините. Это больше не повторится»*.

Эфосу – *«Согласна. Заплыв в семь»*.

Харту – *«Прости, Денаж, но я меняю ликвидатора. Ожина будет тебе хорошей женой, не обижай её. Лила»*.

Отправляю письма, выставив последнему доставку на восемь часов. Меньше всего нужно, чтобы Харт получил его раньше времени и рванул к шлюзу, чтобы мне помешать. Тем более что обычно все выходят на охоту после девяти.

Ночь почти не сплю, просматривая фотки, сделанные на Цессе, и вспоминая прошлое. Утром даже не завтракаю, потому как совсем нет аппетита, сразу отправляюсь к шлюзу. Минут десять дожидаясь, когда из бокового хода появится помятая и не выпавшаяся, но довольная физиономия Эфоса.

– Почему так рано, Лила? – он отчаянно зевает. – Можно было бы и попозже.

– Мне нужно побыстрее с этим закончить и вернуться обратно в город, – отрезаю. – У меня встреча с управляющим, – для весомости аргумента решаюсь солгать.

– Ясно. Идём! – моментально пробуждается мой новый ликвидатор, открывая вход. Ложь имеет эффект позитивный и правильный. Оно и понятно, Зейраша Эфос уважает.

Сбросив с себя спортивный костюм, терпеливо жду, пока экипируется ликвидатор. На липкие, жадные взгляды охранников, рассматривающих моё обнажённое тело, уже привычно не обращаю внимания. Не до них.

Ступив в переходную камеру следом за внушительной в своих габаритах мужской фигурой, вставляю в ухо коммуникатор и продуваю фильтр. Убедившись, что он в порядке, киваю ликвидатору, который запускает программу выхода. Помещение медленно наполняется водой, и, наконец, створки разъезжаются, открывая нам доступ в океан.

Перепада температур почти не чувствуется, в городе, да и в атмосфере, лишь на два градуса теплее, чем в воде, а это совсем немного. Потому и никакого дискомфорта, оказавшись снаружи без одежды, я не ощущаю. Зогг вообще удивительно тёплая планета. Разве что при рождении спуктума становится холодно, но никто так и не знает почему.

Минут десять мы скользим в плотной океанической водной массе, увлекаемые включёнными ликвидатором ускорителями, а, когда останавливаемся, опознаю уже знакомый мне пейзаж. Скалистый хребет, водоросли, тёмный провал. Разве что дно, до недавнего времени ровное, песчаное, где так мило прятались скатки, сейчас изрыто глубокими ямами. Копатели постарались. Два дня, которые были в их распоряжении, работали основательно и с полной самоотдачей. Даже странно, что не весь ултриз откопали. Хотя если месторождение большое, такое бывает.

Цепко удерживая мою руку, Эфос даёт последние указания.

– Я останусь здесь. Когда отключу экран, будь внимательнее, не отвлекайся. Уходи только вверх, у моего оружия сильная отдача. Соответственно, радиус поражения больше, поэтому я всегда прицеливаюсь чуть ниже спуктума. Ясно?

Киваю, наблюдая, как он включает генератор и забирается в нагромождение камней. Медленно плыву к эпицентру разрушительной деятельности цессян и зависаю в неподвижности.

– Десять, девять, восемь... – слышу негромкий отсчёт, предупреждающий о том, сколько времени у меня осталось.

Защитные экраны хороши, от спуктума закрывают стопроцентно. Копатели, как и все остальные, кто выходит в открытый океан, с удовольствием бы их использовали, да только двигаться, когда ты окутан этим силовым полем, нельзя.

– Один!

Едва слышно потрескивающий экран коротко вспыхивает и гаснет. Становится тихо. Окружающий мир словно надвигается на меня, давит своей непривычностью, пугает тенями, порождёнными пробивающимися сквозь толщу воды световыми потоками. Впрочем, я за ними не слежу. Меня занимает другое – маленькие бурунчики, которые начинают приподнимать песок в углублениях на дне. И, между прочим, совсем рядом! Медленно начинаю смещаться в сторону, чтобы не оказаться в зоне формирования.

– Лила, стой на месте, ещё рано! – немедленно реагирует ликвидатор.

О как! А я не могла понять, почему Айна замешкалась и не попыталась уйти с опасного места. Получается, он ей приказал?

С трудом унимая внутреннее волнение, наблюдаю за тем, как течение становится всё стремительнее, чувствую, как оно начинает задевать мои ноги, обдавая прохладным потоком. Решив, что дольше ждать уж точно опасно, отталкиваюсь, поднимаясь выше.

– Лила, не торопись, – шипит злой голос. – Он же тебя ещё не почувствовал!

Бедняжка Айна, ну и ликвидатор ей достался! Как она, проведя с ним столько заплывов, ухитрилась остаться целой и невредимой? Наверное, природная вёрткость спасала.

Послушно останавливаюсь, зависая в толще воды, внимательно слежу за тем, как облик кружащего вокруг меня дракона становится всё более чётким. Протягиваю руку, дотрагиваясь до ледяной движущейся массы, скользящей совсем близко. В ответ холодный язык проходит по щиколотке, заставляя поджать ноги. Вот теперь меня запомнили точно.

– Вверх уходи! Немедленно! – наконец, командует Эфос.

Резкий взмах, гребок. Скольжу к светлой переливчатой поверхности, стараясь оставаться в тёплых слоях воды и не соприкасаться со спуктумом, который кружит рядом. Остроносая морда с лёгкостью разрезает водный простор.

– Лила, я стреляю! – предупреждает ликвидатор, и именно в этот момент спуктум резко меняет направление и бросается в его сторону, видимо, почувствовав присутствие чужака.

Для меня это становится неожиданностью. Для Эфоса тоже. Прицелиться точно он не успевает, два разряда проходят мимо дракона, и только один попадает в хвост, разозлив монстра сильнее. Я резко ныряю вниз, уходя в сторону итрасовых зарослей. По пути выдёргиваю коммуникатор, а оказавшись на дне, закрываю уши ладонями, чтобы не слышать ни леденящих кровь криков мужчины, ни яростного рёва спуктума. Только закрыть глаза не получается, и я с лёгким ужасом наблюдаю, как высоко взлетает над камнями громоздкое тело, как отлетает в сторону вырванное из его рук оружие, как мужчина ударяется о гряду, когда дракон с силой его отшвыривает.

Я не это планировала. Просто рассчитывала уйти из зоны видимости ликвидатора, занятого своей работой. То, что спуктум на него среагировал, несколько странно, но у Эфоса был шанс выжить – он с оружием и в засаде.

Пользуясь тем, что дракон занят расправой, медленно, стараясь не привлечь его внимания, отплываю подальше от месторождения и опускаюсь в сплетения водорослей. Теперь нужно подождать: успокоенный тем, что опасности для ултриза нет, спуктум, в

конце концов, должен самоликвидироваться. Раствориться в воде, из которой образовался. А для Зейраша, Харта, Дэйля вместе с ним пропаду бесследно и я. Потому что, раз уж погиб ликвидатор, значит, и приманка однозначно не выжила.

И это отличный шанс. Меня никто не станет искать. За день доплыву до города и дождусь, когда выйдут на разведку загонщицы. Думаю, что Ожина согласится мне помочь, потому что ей моё возвращение невыгодно. Поможет спрятаться среди техники, попасть в сам город, найдёт одежду и еду. А там уже останется только пробраться в полётный ангар и, изобразив из себя контейнер с ултризом, улететь. Не самый простой план, но реальный. Главное, чтобы спуктум ушёл.

Осторожно раздвинув руками колеблющиеся длинные водоросли, отыскиваю глазами парящего над своими владениями водяного дракона. Сильный, сокрушительный, могучий. Огромный, набравший мощь. Безумно красивый. Но почему-то не желающий исчезать! Прошло уже минут десять, а спуктум по-прежнему опускается вниз, поднимается, расширяет круги... Ведёт себя так, словно что-то разыскивает.

Мне становится не по себе. Я не боюсь, нет, но подобное поведение выглядит подозрительно. Не меня ли он ищет?! А если так, то зачем? Пробираюсь чуть дальше, в самую гущу сплетающихся нитей, и опускаюсь на песок. Найдёт или не найдёт? С одной стороны, я сейчас ничем не отличаюсь от местных обитателей и сохранности ултриза не угрожаю. С другой, спуктум знает мой запах. Он ведь дважды меня облизывал!

Время идёт, а ничего не происходит. Выглядывать из своего укрытия я не рискую, потому и сижу неподвижно. Водоросли мерно колышутся, сверху пробивается неяркий свет, тихо, мирно, спокойно... Закрываю глаза, погружаясь в лёгкую дрему. Бессонная ночь даёт о себе знать, вот и начинаю засыпать. Потому не сразу замечаю, как вода становится прохладнее. Соображаю, что это ненормально, только тогда, когда моё тело обдаёт сильным холодным потоком.

Распахиваю глаза, оказываясь нос к носу с тем, от кого пряталась, – совсем рядом, прижав водоросли ко дну, зависла полупрозрачная туша спуктума. Затаив дыхание, слежу за раскачивающимися из стороны в сторону, переплетающимися водными потоками, составляющими его тело. За тем, как медленно приближается ко мне остроносая голова, уходит за спину и появляется из-за другого плеча. Ощущаю, как холодеет вода сзади, словно его шея прижимается ко мне. Как потоки оплетают талию и руки, приподнимая над поверхностью...

Страха я не чувствую, только разочарование. А ещё горечь, потому что не успела сделать в этой жизни всего того, что хотела. Нет, я не жалею о том, что умру. Смерть – это ещё не конец. Вернее, конец этой жизни и начало другой. Мир душ тоже неплох, скорее необычен и отличен от физического мира. Да и ангелы-проводники совсем не так ужасны, как о них рассказывают учителя, которые больше пугают, чем говорят правду. Наверное, кому-то выгодно, чтобы мы оставались в физическом мире как можно дольше.

Помню, одна из моих подруг, однажды побывав в коме, рассказывала потом, что видела того, кто должен был провести её сквозь грань. Симпатичный молодой мужчина, пусть призрачный и эфемерный, он показался ей не страшным, наоборот, приятным и обходительным. В некотором смысле она даже пожалела, что вернулась обратно, так и не переступив черты. Той, которую только что преодолел Эфос. Той, которую сейчас предстоит перешагнуть мне.

Поворачиваюсь в окутывающих меня ледяных струях, отыскивая взглядом морду дракона. На ней нет глаз, но должен же он как-то видеть?! «Ну, давай! Не тяни! Тебе же нетрудно сделать это быстро?» – мысленно прощу, улыбаясь одними уголками губ.

Словно услышав мою мольбу, спуктум совсем сильно сжимает оплетающие меня тугие, удушающие кольца. Задыхаюсь, теряя сознание, почти счастливая от того, что всё для меня, наконец-то, заканчивается.

Часть 3

Правила поведения приманки в экстремальных ситуациях

Правило 1. Хочешь жить - не дай себя поймать

Заученная фраза всплывает в сознании. Это правило я помню. Нам его тренеры повторяли каждый раз, когда мы погружались в трубу обучающего комплекса на Цессе. И похоже, мне впрок их наука не пошла, потому что я поступила необычайно глупо и позволила себя отловить. Нужно было уплыть, а не прятаться... Ой!

Осознав, что думать о подобных вещах и вспоминать своё прошлое для того, кто покинул физический мир, – как-то ненормально, дёргаюсь, стараясь вернуть себе ощущения тела, которых почему-то нет!

Наверное, именно поэтому моя попытка хоть что-то сделать терпит крах. Я даже глаз открыть не могу, что уж говорить о пошевелиться! И вроде я себя именно как себя воспринимаю, а определить, в каком положении находится моё тело, не могу. Словно весь мир исчез! Сжался до размеров моего мозга!

Спокойно, Лиля, спокойно, не паниковать! И не из таких передрыг выпутывалась. Восприятие вернулось, значит, и связь с телом восстановится. Ничего страшного. И вообще! Ещё неизвестно, что меня сейчас окружает! Может, там так страшно, что лучше этого не видеть. И не слышать. И не чувствовать. И... и все остальные «и». К тому же, в такой замкнутости на самой себе есть свои плюсы. Например, я ничего не хочу. В смысле потребностей тела не имею. Хотя... Если подумать... Если хорошенько подумать, то я хочу есть. Очень.

Характерное бурчание доказывает, что мой желудок недвусмысленно со мной соглашается. А потом и рот наполняется слюной, когда я начинаю ощущать невероятный вкусный запах, который становится всё сильнее.

Судорожно сглатываю и облизываю губы, ощутив на них приятный вкус, похожий на сок лиата. Тем временем мою голову кто-то приподнимает, помогая отпить сладковатый напиток.

– Молодец, девочка. А теперь отдохни, – успокаивающе мягко просит тенор.

Какое там отдохни, когда моя томящаяся от неизвестности персона получила, наконец, возможность выяснить то, где она находится и что вокруг происходит!

Невероятным усилием заставляю себя поднять веки и тут же зажмуриваюсь, потому что в глаза ударяет яркий свет, а это, скажем так, малоприятно.

– Подожди, я его уберу, – даже не думает возмущаться моему непослушанию неизвестный. – Если чего-то хочешь, лучше сначала попроси, я помогу. Всё, можешь смотреть.

Сказать, что меня подобное отношение шокирует, значит, ничего не сказать. Интерес взлетает до небес. Это кто же у нас такой заботливый? А главное, почему?! То есть с какой такой целью меня так опекают?

Теперь, хоть и уверена в том, что ничего неприятного меня не ждёт, осторожно приоткрываю один глаз. Второй. Чувствую, как они округляются, и тихо изумлённо ахаю, не сумев сдержать эмоций.

Надо мной, плавно спускаясь вниз, волнообразно колышется куполообразная переливчато-мерцающая поверхность, будто плёнка, ограничивающая пространство воздушного пузыря, на дне которого я лежу. А за ней просматриваются искажённые этими самыми колебаниями и потому трудно различимые движущиеся фигуры. Вот только и они сами, и их окружение теряется. Всё смазывается, ускользает, не позволяя себя рассмотреть.

– Что-то не так? – ко мне склоняется бледное лицо, обрамлённое короткими тёмными волосами, а в голосе незнакомца слышны взволнованные интонации. – Боли быть не должно, – он смотрит обеспокоенно, ожидая от меня ответа.

– Мне не больно.

Приложив основательное усилие, отвечаю. Прислушиваюсь к себе и с удивлением отмечаю, что на самом деле чувствую себя вполне сносно, разве что слабость непонятная. А ведь после того как спуктум со мной «поиграл», должно быть с точностью до наоборот!

– Вы кто? И где я? – пытаюсь приподняться, чтобы заглянуть назад, но управлять телом получается плохо. Мышцы совершенно не слушаются.

– Меня зовут Трой, – мне помогают сесть, задвинув за спину что-то плотное. Закончив с обустройством, брюнет выпрямляется, позволяя мне себя рассмотреть.

Не слишком высокий, пропорциональный, совсем молодой юноша с открытым взглядом очень тёмных глаз. Свободные брюки, широкий тканевый пояс, обмотанный вокруг талии, и голый торс. Любопытное обмундирование!

– Я твой хранитель, – он продолжает говорить, убедившись, что я в состоянии воспринимать его слова. – Временный, – добавляет поспешно, потому что я открываю рот. Правда, я это делаю потому, что челюсть отказывается сохранять привычное ей положение, а парень, наверное, принимает это движение за попытку возмутиться. – До тех пор, пока ты не захочешь выбрать другого, – широко улыбается.

А улыбка у него, я вам прямо скажу, сногшибательная. Зубки белые, ровные, губы красные, пухленькие, кожа гладкая, чистая, ямочки на щеках, брови аккуратные, глаза просто лучатся искренней заботой о моей пострадавшей сущности. В общем симпатичный мальчик. Симпатичный?! Чего это я его обижаю? Невероятно красивый! Хорошо, что я сижу прочно, а не то однозначно сменила бы положение в пространстве!

– Ты сейчас в лазарете, – на мои вопросы отвечают именно в той последовательности, в которой я их задаю. – Нужно время, чтобы организм восстановился полностью и привык к новым для него условиям.

– Каким условиям? – пытаюсь сориентироваться, снова оглядываюсь. Правда, ничего нового осмотр мне не даёт, разве что понимание – мы действительно находимся в воздушном пузыре, ограниченном эластичной мембраной! Даже пол выглядит так, словно плёнка, из которой это необычное сооружение сделано, прижата к невидимой, но ровной поверхности.

– Высокое давление, низкое содержание кислорода, – немедленно начинается перечисление. – А ещё другой способ газообмена, практически постоянный контакт с водной средой и большая её плотность, но ты с этим чуть позже столкнёшься, там, – юноша взмахивает рукой, указывая на пространство за мутной стеной.

Смутное подозрение, уже давным-давно зреющее в моём ошалевшем от получаемой информации мозге, превращается практически в уверенность. Уверенность в том, что кто-то очень сильно ошибся, посчитав, что на этой водной планетке нет разумных форм жизни!

– Вы зоггиане?! – ахаю потрясённо.

– Ну да! – радостно соглашается мой визави. – А ты в Ожевероне, это один из наших глубинных городов. Здесь все девушки реабилитацию проходят.

После его слов робкий огонёк надежды загорается в душе.

– Ты сказал, девушки? Кто именно? – подаю корпусом к нему, даже руку протягиваю, чтобы коснуться. Вот только сил на это действие уходит много, а результат аховый. Конечность, как плеть, падает обратно на кровать, а я совсем без сил откидываюсь на подушку. Ощущение, словно тело раза в три больше весить стало!

– Тебе нежелательно сейчас так сильно напрягаться, – вновь начинает беспокоиться

юноша, в очередной раз помогая мне принять удобное положение и осторожно присаживаясь на край лежака, чтобы наши глаза были на одном уровне и мне не приходилось запрокидывать голову. – А девушки такие же, как ты... Э-м-м... – он в затруднении растирает пальцами лоб, подыскивая нужное слово: – Приманки.

Неужели, Айна жива?! Жива! Жива! Я бы сейчас вскочила и запрыгала от радости, но остаюсь лежать, потому как понимаю – сил на это эмоциональное действие у меня нет.

– Трой, скажи, – решаю немедленно прояснить всё до конца. – Незадолго до моего появления сюда не попадала ещё одна такая девушка? Её Айна зовут.

– У хранителей ограниченный доступ в лазарет, – он смотрит так, словно извиняется. – Я не имею возможности общаться ни с кем, кроме тебя. И имён не знаю. Даже твоего. Хотя...

Он, по всей видимости, хочет ещё что-то добавить, но я, запоздало вспомнив о том, что не представилась, его перебиваю:

– Лила.

– Спасибо, – с хорошо заметным удивлением благодарит парень. Не ждал, что я ему его скажу? Может, это у местных обитателей фишка такая? Показывающая степень к ним доверия? – Но тебе не следует говорить его всем мужчинам, – тут же подтверждаются мои умозаключения, – потому что это в первую очередь будет расцениваться, как проявление личной симпатии и заинтересованности. Вот выберешь хранителя, ему себя назови, а другим ложных надежд не давай. Тебе же не трудно для повседневного общения придумать себе псевдоним?

– Конечно, – кивнуть-то я кивнула, да только до конца расклада не поняла. Кто мешает, например, тому же Трою объявить всем, как меня зовут? – А если кто-то узнает моё настоящее имя не от меня?

– Это ничего не будет значить. Мужчина имеет право рассчитывать на какие-либо отношения с девушкой, только если она представится ему сама.

Местные традиции, хоть и необычные, безумно меня радуют. Не думаю, что мой временный хранитель заинтересован в близких отношениях, его намерения совсем иные, а что касается остальных, если я желаю оставаться свободной, то всё элементарно! Нет ничего проще, чем скрывать своё истинное имя! Вот только...

– Как же тогда с именами мужчин? Это правило и на них действует?

– Нет, – улыбается юноша. – Только на женщин. Так что можешь совершенно спокойно интересоваться, как и кого зовут. А вот если мужчина тебя об этом спрашивает, значит, он предлагает тебе перейти на иной уровень общения. И на будущее учти, что желающих услышать настоящее имя из твоих уст будет много, потому что ты очень красивая, – продолжает мой осведомитель, поправляя сползающее вниз покрывало, которым я укрыта.

А это что сейчас было? Дань уважения? Или констатация факта?

Проследив за его действиями, я опускаю взгляд вниз, отыскивая причины подобного заявления и рассматривая себя. Вернее, ту часть тела, которая остаётся на виду. Не знаю уж, как там обстоят дела ниже талии, но то, что выше, выглядит своеобразно. В том смысле, что одежды на мне как не было, так и нет. Разве что на груди необычные накладочки, без которых она смотрелась бы вызывающе. Хм... Наверное, в его глазах это действительно выглядит красиво, если уж мода такая – верхнюю часть тела ничем не прикрывать.

– Мы стараемся надевать минимум одежды, – совершенно правильно поняв причины проявляемого мной интереса, объясняет парнишка. – Особенно на торс. Она мешает дышать.

– То есть? – логики я не понимаю. – Сжимает?

– Нет, – отрицательно встряхивает головой брюнет. – Плохо пропускает кислород.

- Вы дышите кожей? - с подозрением смотрю на его грудь, которая, в общем-то, весьма ритмично поднимается и опускается.

- Когда находимся в воде, - теперь уже согласно кивает хранитель. - А на воздухе лёгкие нормально работают. Ты к этому привыкнешь, не переживай. Я тебя научу.

От подобного заявления я теряю дар речи, только ресницами изумлённо хлопаю. Наверняка мой внешний облик говорит сам за себя, так что мне без лишних вопросов поясняют:

- Пока ты была без сознания, в твоём организме простимулировали рост капиллярной сети в коже, и когда процесс закончится, в ней сможет идти газообмен. Не такой эффективный, как у нас, но достаточный для кратковременного пребывания в водной среде.

- Так вот почему нужна реабилитация, - морально успокоившись, делаю логичный вывод. - А я думала это из-за травм, полученных от спуктума.

На последних словах губы Троя вновь растягиваются в улыбке.

- Спуктум тебя спас, - корректирует информацию парень.

- Спас?... - скептически на него смотрю. - Стиснул так, что все рёбра переломал.

- Не сделай он этого, - во взгляде появляется укор, - в лёгкие могла попасть вода, и их пришлось бы удалять. На большой глубине используемые вами для дыхания загубники перестают функционировать, - поясняется мне наставительно мягко. - А задерживать дыхание, то есть набрать воздух в лёгкие и ждать, нельзя. Перепад давления очень большой, оплетающие лёгочную ткань сосуды не выдерживают и лопаются. Отсюда и такие радикальные меры. Лучше уж получить пару переломов, чем лишиться возможности дышать привычным способом. Верно?

Ой... Как-то мне нехорошо. И дело вовсе не в озвученной перспективе погибнуть, совсем в другом! Получается, что дракончики и зоггиане тесно взаимодействуют? Сотрудничают? Друг другу помогают? Ну и дела-а-а...

- А я смогу со спуктумами общаться? - загораюсь новыми перспективами. Вот не зря у меня было чувство, что с этими монстрами не всё так просто, как было принято считать! И никакие это не природные явления, а очень даже живые существа!

- Если захочешь, познакомишься и с ними, но... - Трой смотрит так, словно ему непонятно, с чего это у меня возникло такое желание, хотя заканчивает фразу в совершенно ином контексте: - Только после того, как адаптируешься полностью.

- И долго я здесь буду адаптироваться? - выразительно обвожу взглядом помещение.

- Несколько дней, - меня услужливо ставят в известность. - Так что у тебя есть время, которое можно использовать, - тёмные глаза устремляются в сторону внешнего мира, от которого мы отрезаны мерцающей мембраной. - Тебе же интересно узнать о нашем мире? - взгляд возвращается ко мне.

- Очень, - уверенно подтверждаю. - Расскажешь?

- Обязательно... - парнишка неожиданно замолкает, прислушиваясь к едва слышному перезвону. - Но позже! Сейчас тебе отдохнуть нужно, а мне уйти. Я скоро вернусь, - вскакивает, бросаясь к стене, и со всего размаху в неё впечатывается. А та растягивается, пропуская его тело сквозь себя, и вновь становится целой и невредимой.

Упс... В недоумении хлопаю глазами, потому что первый раз вижу такой экстремальный способ выйти из помещения. Даже то, что мой новоявленный хранитель столь стремительно исчез, удивляет меня куда меньше. Может, позвали, а может, нужно ему чего. У каждого есть свои потребности.

Прислушиваюсь к своим и понимаю - спать я не хочу. А просто валяться в кровати, созерцая радужные переливы и мутные силуэты, скучно. Ну и чем мне заняться?

Сдерживая свою непоседливую сущность, некоторое время лежу спокойно, терпеливо дожидаясь возвращения Троя, а потом решительно стягиваю с себя покрывало, с облегчением убеждаясь, что правила приличия в этом самом Ожевероне всё же соблюдаются. Нет, брючек мне не досталось, но шортики и лёгкая полупрозрачная ткань, пришитая к ним и имитирующая юбку, мне понравились. А что? Симпатично.

Прикинув, что расстояние до пола не слишком велико, перекатываюсь на бок и сползаю вниз. То есть практически падаю, потому что удержать тело на весу не получается. И никак не могу понять, это сила тяжести такая большая или у меня мышцы атрофировались?

В любом случае, восстанавливаться и привыкать нужно. А раз так, Лила, значит, собралась, соскреблась и поползла! Туда, где интересно. Нужно ли упоминать о том, на чём именно сосредотачивается интерес? Разумеется, на объекте, который меня поразил несколько минут назад.

Доползаю до нижнего края мембраны и погружаю в неё руку по локоть, ощущая эластичность и мягкость. Материал словно обволакивает, растягивается, а потом «рвётся», плотно прижимаясь к коже. Вау...

Вынимаю конечность, изумляясь тому, как быстро стена срастается, вновь погружаю, на этот раз пытаюсь понять, что же за ней находится. Хм... судя по всему, вода. То есть вываливаться туда полностью не стоит. Жаль. Вот только вместо того, чтобы предусмотрительно отползти подальше, снова высовываю руку наружу, ощупывая поверхность, на которой стоит пузырь.

Гладко, ровно, прохладно, мокро... Ой!

Нечто тёплое, живое неожиданно касается моих пальцев ласковым поглаживанием, и я спешно отдёргиваю конечность. Напрягая зрение, всматриваюсь в размытый силуэт, больше похожий на тень, который замер напротив, но, увы, при всём желании рассмотреть его толком не получается. Проходит немного времени, и рядом с этой тенью появляется вторая. Несколько секунд они дрожат и колеблются интенсивнее, а потом неведомый некто исчезает. Другой же силуэт приближается, и через мгновение мембрана пропускает внутрь Троя.

– Лила! – он, что называется, с порога бросается ко мне, роняя на пол принесённый с собой свёрток. – Ты зачем встала?! – подхватывает на руки, поднимая и возвращая на кровать.

Его силе остаётся только удивляться. Вроде не самый накачанный мальчик, а так легко меня таскает! При том, что я сама себя поднять не могу!

– А если бы ты вывалилась наружу? Ты же ещё дышать не умеешь! Хочешь, чтобы меня наказали? Обвинили в том, что я плохой хранитель? Просил же, не торопись! Отдохни! А ты? Неужели так трудно было меня послушаться и подождать? Чуть позже ты и так всё узнаешь! Что-то я расскажу, что-то сама увидишь, – брюнетик продолжает читать моей сконфуженной персоне нотацию, ухитряясь при этом выполнять свои обязанности. Меня удобно усадить, укрыть, аккуратно собрать мои растрепавшиеся волосы в хвост и скрутить на затылке в узел, чтобы не мешали, освещение ещё больше приглушить, распаковать свёрток, извлечь из него еду и водрузить на маленький столик, который, оказывается, всё это время стоял сбоку.

– Так, – парень деловито устраивается рядом и решительно берётся за ложку, набирая в неё розовую пюреобразную массу. – Давай, Лила, ротик открывай, будем кушать. Твоему организму энергия для восстановления нужна.

– Э-м-м... – растерянно смотрю на него, отодвигаясь подальше. – Это же неприлично. Может, ты выйдешь? Я сама справлюсь, – обещаю и на всякий случай напоминаю: – Я ведь не маленький ребёнок...

– Сейчас ты беспомощна так же, как ребёнок, – непререкаемо отрезает Трой. Похоже, необходимость наблюдать за тем, как кто-то ест, его несколько не смущает. – А я именно для этого с тобой – чтобы во всём помогать. Так что перестань стесняться. Если уж на то пошло, я теперь вообще от тебя ни на шаг не отойду. И мыть буду, и в туалет относить.

Окончательно вогнав меня в краску, парень лукаво подмигивает:

– Ну, не упрямься, это вкусно! – уговаривает, буквально впихивая мне в рот ложку с мягкой кремообразной массой.

– Трой, а кто был там, за стеной, когда ты пришёл? – послушно проглатываю то, что мне скармливают.

– Это Кит, – имя юноша озвучивает не слишком доброжелательно. – Спуктум, который тебя принёс. Он уже несколько дней ошивается рядом и всё время спрашивает, как ты себя чувствуешь. Ты долго не приходила в себя, поэтому он переживает, что не рассчитал усилий. Хочешь совет, Лила? Не связывайся с ним, – совершенно серьёзно предупреждает. – И вообще держись от драконов подальше. Среди зоггиан есть те, кто намного больше достоин твоего внимания.

Впадаю в лёгкий ступор, потому как в моём сознании сказанное не стыкуется с известным.

– Подожди, – останавливаю его рассуждения. – Но ведь спуктум холодный, вымораживающе ледяной, а то, что до меня дотронулось, было тёплым!

– Он что, тебя касался? Сюда входил? Каков наглец! – возмущённо восклицает Трой, не прерывая процесса кормления. – Я скажу охране, его больше к лазарету не подпустят, не переживай.

– Кит не виноват, – вступаюсь за того, кого в принципе ещё совсем не знаю. Не хочу, чтобы из-за меня у дракона были неприятности. – И сюда он не заходил. Это я высунула руку наружу.

– Всё равно, ти'Стор не должен был этого делать, – уже спокойнее, но с явным неодобрением качает головой брюнэт, меняя блюдо. На этот раз мне достаются маленькие кусочки, похожие по вкусу на мясо дорад. Хотя я очень сомневаюсь, что они здесь обитают.

– Так почему он тёплый? – возвращаюсь к интересующему меня вопросу.

– Ну а каким же ему быть? – пожимает плечами Трой. – Ты ведь тело почувствовала, а не боевую сущность.

– Какую сущность? – теряюсь настолько, что даже жевать перестаю.

– Ту самую, которую видела, – хранитель морщится, недовольный тем, что я задаю вопросы в ущерб поглощению пищи. – Лила, не отвлекайся, пожалуйста, – протягивает очередную порцию.

– Я не хочу, – останавливаю его руку, понимая, что наелась. – Вернее, в меня больше не влезет.

– Тогда отдыхать, – немедленно принимается за уборку несносный субъект.

– А как же рассказ о вашем мире? – напоминаю о данном им обещании.

– Одно другому не мешает, – Трой принимается натягивать рядом с моим спальным местом некое подобие гамака, чтобы удобно в нём устроиться и приступить к повествованию.

Нужно ли говорить о том, что я слушаю его очень внимательно, стараясь не перебивать и даже вопросов не задавать, чтобы не путать рассказчика. Для начала нужно узнать общее, а потом уже вникать в детали.

Мир зоггиан оказывается столь же необычным, как и они сами. В первую очередь из-за возможности местных жителей дышать двумя способами. Соответственно, и их дома, стоящие на дне океана, заполнены изнутри воздухом, а необходимость выходить в воду, если нужно перейти из здания в здание или погулять, их совершенно не беспокоит. На поверхность они поднимаются, но крайне редко, потому что не видят в этом большого смысла – вся жизнь кипит внизу. Строятся дома, накачивается воздух, изготавливается

техника, добывается пища... Казалось бы, нет у зоггиан проблем. Но это не так.

– У нас очень редко рождаются девочки, – брюнет вздыхает, наглядно демонстрируя, насколько этот факт всех угнетает. – Соотношение составляет один к пяти, а в некоторых городах даже к семи. Большинство мужчин до конца жизни остаются одиночками, потому что их некому выбирать, а полигамных браков мы не приемлем. Никто не будет делить свою женщину с другим.

Меня, привыкшую к тому, что на Цессе ситуация в корне противоположная, а мужчины совершенно спокойно относятся к необходимости иметь и жену, и любовницу, мало того, ещё и мирятся с появлением детей от альбиносов, подобный расклад шокирует основательно. Насколько же мы, оказывается, разные!

– Когда к нам попала первая девушка-приманка, – тем временем продолжает Трой, – её вылечили, предложили вернуться, но она отказалась и осталась жить в доме одного из свободных мужчин, которого выбрала в качестве хранителя. Никто не ждал, что наши расы окажутся генетически совместимыми, а первый же родившийся у них ребёнок окажется девочкой!

Подобный факт изумляет меня ничуть не меньше. Внешнее сходство, в смысле наличия рук-ног-горса-головы, ещё можно понять, даже при том, что среды обитания у нас разные. Вполне вероятно, что когда-то на Зогге была суша, и именно на ней жили зоггиане до того, как ушли под воду. Но как объяснить близкую генетику? Не такие уж мы, оказывается, разные!

– Именно тогда и появилась идея адаптировать тех, кого спасают спуктумы, к жизни в водной среде, дав шанс для полноценного существования. Тем более что ещё ни одна девушка не попросила отвезти её обратно, в тот город-убежище, который построили прилетевшие цессяне, – в тёмных глазах, как и в интонации, появляется хорошо различимое сочувствие. – И их можно понять. Я бы тоже не стал возвращаться к тем, кто столь цинично использует других только ради того, чтобы обогатиться и получить прибыль, – доказывает, что в курсе причин появления пришельцев на Зогге. – А ты, Лила? – парень даже приподнимается, чтобы лучше меня видеть. – Ты останешься?

– Останусь, – подтверждаю без малейших колебаний. Я столько времени старалась вырваться из западни, в которую попала, а теперь по собственной воле в неё вернуться? Ну уж нет! К тому же я мечтала изучать другие цивилизации, и именно эта возможность у меня теперь есть! Пусть и на примере одной отдельно взятой планеты. Но ведь не факт, что я застряну здесь навсегда и не смогу найти способ слетать куда-нибудь ещё!

И вновь меня одаривают лучезарной улыбкой, которая делает юношу невероятно привлекательным. Вот только я почему-то не могу смотреть на него, как на объект, к которому можно чувствовать физическое влечение.

– Трой, а сколько тебе лет? – спрашиваю, начиная догадываться, в чём дело.

– Двадцать четыре, – легко озвучивает он и продолжает, не дожидаясь вопроса, совершенно правильно поняв, что лежит в основе моего интереса: – Мне остался год до совершеннолетия. Все временные хранители так молоды. Это для того, чтобы у вас оставалось право свободного выбора того, с кем связать свою жизнь.

– А как же ты? – мне становится его жалко.

– Я буду учиться, работать, строить свой дом и ждать ту, которая выберет меня, когда для этого придёт время. Надеюсь, что она всё же появится, – в голосе ни намёка на то, что его это расстраивает, только оптимизм. – У меня на это вся жизнь! А пока я буду опекать тебя. И не надейся, Лила, что я позволю первому встречному вскружить тебе голову! – наигранно строго предупреждает. – Не вздумай торопиться и прислушивайся к моим советам, если не хочешь проблем.

– Хорошо-хорошо! – подыгрывая ему, в защитном жесте поднимаю ладони. – Обещаю. Тем более что спешить мне некуда, а я ещё плохо разбираюсь в устройстве вашего мира. Мне бы узнать его получше. Увидеть. Когда можно будет выходить?

– Какая же ты нетерпеливая! – смеётся Трой. – Сначала научись ходить заново.

– Я умею! – решительно приподнимаюсь, чтобы ему это доказать.

– Э нет! – парень немедленно вскакивает, чтобы уложить меня обратно. – Лежи!

– Если ты меня всё время будешь держать в постели, то как же мне тренироваться? – резонно возражаю, послушно принимая горизонтальное положение.

– Давай ты сегодня отдохнёшь, а завтра будешь нагружать себя физически, – заботливо укрывает меня хранитель и возвращается в свой гамак. – Ты ещё очень слабенькая.

Наверное, он прав, потому что даже незначительные усилия выматывают основательно. Я на несколько секунд закрываю глаза, а когда открываю, понимаю, что не заметила, как уснула. И, по всей видимости, спала довольно долго, потому что мой хранитель тоже мирно посапывает, в помещении совсем темно, да и за полупрозрачной стеной свет отсутствует, как и тени.

Полежав ещё немного, понимаю, что было бы неплохо прогуляться и найти то самое место, которое называется «туалет», вот только вопрос, куда именно топать. Мне ничего такого Трой не показывал, а его обещание помочь, как ни крути, но неприлично.

Впрочем, я не успеваю опустить ноги на пол, как все мои морально-этические соображения разбиваются о стену упёртости мгновенно проснувшегося субъекта. Зато хоть становится понятно, что одна из стен пузыря ведёт в некое подобие гигиенической комнаты.

А потом я снова засыпаю под бдительным оком своего хранителя, и просыпаюсь, кстати, тоже, – тёмные глаза сидящего напротив Троя внимательно за мной наблюдают.

Приподнимаюсь, чтобы сесть, и с радостью отмечаю, что делать это сегодня мне намного легче, нежели вчера. Даже с помощью своей «няньки» некоторое время могу постоять в вертикальном положении.

– Ну вот, – удовлетворённо констатирует Трой, когда я вновь возвращаюсь на кровать. – Видишь? Не нужно никуда спешить. Ещё несколько дней, и ты адаптируешься к давлению полностью. Тогда можно будет заняться дыханием. А пока, – привычно достаёт из-под стола свёрток, – будем кушать.

Потрясённо закатываю глаза к переливчатому потолку, но делать нечего, приходится уступить. Зато после еды получаю новую порцию информации, на этот раз о социальной структуре общества, которая интересует меня ничуть не меньше всего остального.

Впрочем, тут всё оказывается не так сложно, хотя и удивительно. В первую очередь потому, что правящей династии, привычной для Цесса, на Зогге нет. Есть общий для планеты Сенат, в который входит по одному представителю из малых советов, управляющих городами и принимающих решения относительно того, что именно необходимо для полноценного существования жителей. Что касается социальной иерархии, то она в принципе отсутствует. То бишь в тот же совет может войти любой зоггианин, вне зависимости от возраста, пола и профессии, если его кандидатура в настоящий момент востребована и необходима. Соответственно, и состав местных органов власти постоянно меняется.

Нет ограничений и в том, кому и какую профессию выбрать. Каждый имеет право пробовать себя в любой сфере деятельности, если у него есть ней способности, она ему нравится и он в состоянии её выполнять с максимальной отдачей. Опять-таки, половая принадлежность не играет принципиальной роли, хотя большая часть женского населения предпочитает оставаться в стороне от политики и работы, перекладывая всё самое трудное на плечи мужчин.

Подобную позицию понять можно – зачем нагружать себя лишними заботами, когда можно жить в своё удовольствие, сосредоточившись на муже и детях, зная, что тебя обеспечат всем необходимым?

Однако само существование свободы выбора радует меня безумно. Насколько же предусмотрительно поступают мужчины Зогга, ни в чём не ущемляя своих женщин и оставляя им право распорядиться своей судьбой!

И настолько я воодушевляюсь возникшими перспективами, что немедленно принимаюсь выяснять, каков же диапазон возможных профессий, потому что безумно хочется примерить на себя имеющиеся варианты. Ведь я, как нормальная, здравомыслящая личность, понимаю, что не всё мне подойдёт. Что-то в силу психологических особенностей, что-то по причине физического развития, ну а что-то просто не понравится. Не стоит сбрасывать со счетов и ту специализацию, которую я уже имею. Мне будет куда проще заниматься чем-то знакомым, нежели начинать всё с нуля.

– Совершенно верно, ты права, – поддерживает меня Трой, с которым я этот вопрос принимаюсь обсуждать. – Так что если ты решишь остаться историком, станешь специалистом по внезоггианским расам и будешь заниматься именно этим аспектом наших знаний, то, уверен, это будет весомым вкладом в науку и политику, который, безусловно, высоко оценят все зоггиане. Нам не слишком много известно о цивилизации цессян, как, впрочем, и об остальных. Мы вообще узнали о существовании других обитаемых планет, только когда первая приманка о них упомянула.

Вау... После его слов я себя такой важной почувствовала! И невероятно окрылённой! Мечта, моя мечта становится всё ближе!

Разумеется, на озвученное предложение я отвечаю согласием, мало того, на радостях ещё и выдаю все свои далеко идущие планы, потому что хранителя теперь воспринимаю как друга, которому можно всецело доверять.

– Я сообщу о твоём решении в совет Ожеверона. Тебе найдут работу.

Трой, который в этот момент занимается моей причёской, неожиданно прекращает манипулировать распущенными волосами и, шагнув из-за спины в зону видимости, заглядывает мне в лицо.

– Знаешь, Лила, – смотрит с каким-то подозрительным восхищением в глаза, – ты невероятная. Внешне такая хрупкая, уязвимая, незащищённая, а на самом деле – активная, целеустремлённая, бесстрашная. Я безумно завидую тому, кому удастся завоевать твоё сердце.

– Боюсь, что тот, кто на это решится, будет разочарован, – смеюсь в ответ. – У меня ужасно непримиримый, упрямый характер и нет никакого желания связывать себя с кем-то узами и обязательствами. Так что ты, дорогой мой, имеешь реальную перспективу остаться на всю жизнь временным хранителем! Надеюсь, это не мешает тебе ухаживать за девушками, когда станешь совершеннолетним?

– Не мешает, – брюнет возвращается мне за спину, вновь принимаясь сплетать мои прядки между собой. – И я буду только рад защищать и оберегать тебя, но... Эх, Лила, – после нескольких секунд молчания в голосе слышен лёгкий укор, – ты ведь могла бы быть с кем-то счастлива.

– Я и так буду счастлива, – не соглашаюсь с его позицией.

Закрываю глаза, наслаждаясь приятными прикосновениями. Ни к чему не обязывающими, ни на что не намекающими. Вот уж в чём, а в деликатности и тактичности Трою нет равных. В некотором смысле мне даже жаль, что у нас с ним такая разница в возрасте. Вот его я бы спокойно восприняла как потенциального партнёра, но, увы, для полноценного физического контакта мужчина должен быть старше. Боюсь, что у зоггиан ситуация аналогичная, иначе почти достигшим совершеннолетия мальчикам вряд ли доверили бы выполнять функции хранителей. Тем более временных.

Своё обещание Трой выполняет, как говорится, безотлагательно. Добившись от меня клятвенного заверения в том, что я ничего самостоятельно предпринимать не буду и до его возвращения останусь в кровати, парень исчезает, а когда появляется вновь, с порога извещает, что Сенат не просто согласился принять мою кандидатуру в научный совет, но и предложил занять должность советника по контактам с другими расами.

Я приятно удивляюсь местной власти. Одно дело – оказать помощь и разрешить чужому, незнакомому субъекту жить в своём обществе, и совсем иное – позволить ему выполнять такую ответственную работу. Зоггиане, похоже, не только открыты, но и необычайно

доверчивы. Впрочем, мне это только на руку, ведь теперь я буду настоящим стратегическим консультантом! Возможно, единственным на весь Зогг! Обалдеть...

Подумав, что не имеет смысла терять время напрасно, принимаюсь выяснять у Троя всё то, что мне в моей новой должности знать необходимо. В первую очередь, как же получилось, что зоггиане позволили пришельцам так свободно хозяйничать на своей планете. Строить город. Добывать минерал. Уничтожать спуктумов.

– Насколько мне известно, появление цессян Сенат необычайно заинтересовало, – отвечая мне, юноша привычно принимается за хозяйственные дела: одеяло поднять, стол удобнее расположить, еду достать. – Мы же впервые столкнулись с иной цивилизацией. Первое время за чужаками просто наблюдали, потом начались попытки наладить контакт, а через некоторое время они прекратились. Я не знаю почему, – качает головой, увидев, как я встрепелась, желая задать вопрос. – Это произошло почти сразу после того, как к нам попала первая приманка. Возможно, причиной послужило то, что она рассказала, возможно, что-то иное. Как только ты адаптируешься и начнёшь работать, уверен, тебя посвятят во все подробности. Ниродин Ри то'Трон сказал, что будет с нетерпением ждать окончания периода адаптации и встречи с тобой.

– А Ниродин, он кто? – несмотря на то, что уже могу есть самостоятельно, без пререканий открываю рот, лишь бы Трой в отместку за моё упрямство не пригрозил лишить меня информации. Был у нас такой прецедент.

– В настоящее время то'Трон – глава совета Ожеверона и член Сената. Он занимается вопросами безопасности, а с этим сейчас дела обстоят очень непросто. Особенно после того, как цессяне начали расширять зону освоения мелководья и вероятность встреч с ними возрастает. Думаю, Ниродину именно поэтому так не терпится с тобой познакомиться.

А уж как мне не терпится! Не в смысле познакомиться, а в том, чтобы сменить, наконец, интерьер пузыря на что-то более интересное! А ведь приходится послушно выполнять поступающие распоряжения. Отдыхать. Есть. Мыться. Спать. Снова есть.

Гулять? Не веря своим ушам, округляю глаза, когда мой хранитель, словно невзначай, интересуется, не желаю ли я прогуляться за пределы стен моего временного убежища или мне ещё нужно время набраться сил?

– Лила-Лида, – смеётся Трой, когда я всерьёз принимаюсь возмущаться подобной постановкой вопроса. – Я же шучу! А ты так мило выглядишь, когда сердишься!

Поняв, что надо мной просто подтрунивают, прекращаю обижаться, замолкаю и внимательно слушаю инструктаж, который брюнет озвучивает уже без малейшего намёка на весёлость:

– Первое. Выходить нужно быстро. Мембрана лучше срабатывает, если скорость проникновения сквозь неё выше, да и организм быстрее переключается на альтернативный способ дыхания. Второе. На этой глубине воздух в лёгких – смертельный приговор. Так что перед тем как выйти, его нужно выдохнуть. Полностью. Третье. Окажешься в воде – не паникуй. Первые несколько секунд будет казаться, что кислорода не хватает, появится желание сделать вдох. Это нормальная реакция, которую нужно погасить. Постепенно ты привыкнешь к тому, что делать дыхательные движения нет необходимости, и перестанешь обращать внимание, но первый раз всегда самый сложный. Нужно расслабиться, успокоиться, ни в коем случае не напрягаться! Ясно?

– А если у меня не получится? – морально готовлюсь к худшему.

– Я буду тебя страховать, не волнуйся. Просто доверься мне. И ещё. Несмотря на то что в твоей коже теперь может идти газообмен, эффективность его на несколько порядков ниже, чем в нашей, поскольку изначально твой организм к этому процессу не приспособлен. Так что если ты будешь двигаться активно, то появятся симптомы кислородной недостаточности, сходные с теми, когда ты задыхаешься. Это для тебя опасно, ты можешь невольно спровоцировать вдох, и в лёгкие попадёт вода. Поэтому помни, что значительные физические нагрузки тебе недоступны. Максимум – это переплыть из одного здания в другое или просто дрейфовать.

Я расстроилась? Есть немного. Мне казалось, что я буду такой же, как настоящие зоггиане, ан нет. Полноценности мне не видать. Эх...

А что сразу «эх»? Какая-то я стала чувствительная и с повышенными запросами. Жду всего готового. Это всё Трой со своей заботой и опекой! С ним я быстро к хорошему привыкла. Забыла и прагматичную жёсткость альбиносов, и необходимость бороться за своё счастье, и ещё одну рекомендацию в инструкции:

Правило 2. Используй любой имеющийся шанс

Ну вот! Мне этот шанс, считай, даром предоставили, а я недовольна! Неблагодарная.

– Если тебе страшно, можем отложить выход, – по-своему трактует мою нерешительность зоггианин. – Нам некуда торопиться, сделаем это чуть позже...

– Нет уж! – категорично отвергаю его предложение. – Лучше сейчас. Ты же знаешь, как я этого ждала! – поднимаюсь с кровати, на которой сижу, и решительно шагаю к стене. Притормаживаю, делая несколько быстрых вдохов и выдохов, тем самым увеличивая содержание кислорода в крови. Для того чтобы до этого додуматься, мне даже советы Троя не нужны, сама несколько раз пользовалась подобной методикой, когда приходилось опускаться в воду без загубника. Правда, тогда я могла ещё и задержать воздух в лёгких...

Фактически перебарывая себя, полностью выдыхаю и одним движением проталкиваю тело сквозь эластичный материал, а оказавшись за пределами пузыря, вместо того чтобы осмотреться, невольно сосредотачиваюсь на своих ощущениях. Малоприятных, скажем прямо. Невозможность быстро двигаться, разговаривать и... дышать! С ужасом понимаю, что эта потребность становится непреодолимой! Реально начинаю задыхаться, и в этот момент появившаяся из-за затылка рука ложится мне на лицо, закрывая рот и нос. Другая обвивает корпус, прижимая к телу за моей спиной. Вовремя. Потому что, не в силах подавить рефлекторную реакцию, я дёргаюсь в попытке освободиться. Рывок, второй, но отпускать меня никто не собирается, как и возвращать обратно в спасительный воздушный пузырь.

В глазах темнеет, шум в ушах нарастает, превращаясь в тонкий свист, который постепенно сходит на нет. Теперь я слышу гулкие удары моего сердца, созвучные с ритмичным усилением и ослаблением давления воды на мою кожу. Какое интересное явление! А может, просто субъективное восприятие? Должно же это самое кожное дыхание хоть как-то ощущаться?

Наверное, поняв, что моё состояние изменилось, Трой расслабляет руки и аккуратно разворачивает меня к себе, заглядывая в глаза. В лёгком сумраке, разгоняемом слабым, непонятно откуда льющимся светом, его кожа отливает голубым, а радужки становятся совсем чёрными. Даже губы, изогнутые в лёгкой полуулыбке, сейчас имеют тёмно-фиолетовый оттенок. Интересно, я тоже так экзотично выгляжу?

Приоткрываю рот, чтобы спросить, и снова мужская рука пресекает моё движение, не позволяя совершить необдуманный поступок. Ну да, как-то я совсем упустила из виду, что воздуха в лёгких нет, значит, и говорить я тоже не могу. То есть никто не может. Ой! А как же тогда общаться? Жестами?

Убедившись, что всё в порядке, хранитель вновь предоставляет мне свободу действий и, коснувшись плеча, поводит рукой, указывая куда-то вдаль. Наверное, желая привлечь моё внимание к... Вау... От неожиданности открывшегося передо мной зрелища едва снова не забываю о том, что свои восторги нельзя выражать словами. Разве что руками всплеснуть, заставив тем самым моего спутника широко улыбнуться.

Огромный глубинный разлом, ограниченный практически отвесными скалами, ощутимо удалёнными, но, тем не менее, хорошо просматривающимися, будучи освещёнными всё тем же призрачным светом. На самом дне – сложное сочетание самых невероятных конструкций, расцвеченных голубовато-синей иллюминацией, в некоторых местах

принимающей фиолетовые оттенки, и чем-то похожих на плотную городскую застройку: низкие толстенные сооружения, высокие шпильеобразные башни, маленькие светящиеся полусферы, словно приклеенные к стенам зданий, а ещё причудливо изогнутые трубы, по которым с ошеломляющей скоростью проносятся световые вспышки, озаряющие яркими всполохами окружающее пространство.

Похоже, что это и есть Ожеверон – город зоггиан, в котором нашли приют приманки-цессянки, «погибшие» на глазах своих недалёковидных соотечественников.

Оглядываюсь, чтобы посмотреть на своё временное пристанище, и понимаю – у меня за спиной целая гроздь небольших полусфер, цепочкой прикрепленных к уступу, находящемуся на ощутимой высоте над городом. Светящихся из них всего три: моя и ещё две на некотором отдалении, остальные едва-едва заметные, совсем тёмные. Может, в одной из этих, освещённых, живёт Айна?

Отталкиваюсь от каменистой поверхности, чтобы проплыть чуть дальше и рассмотреть силуэты, отчётливо заметные сквозь мембраны, но меня оперативно тормозят, придерживая за руку, ещё и пальчиком грозят. Ясно. Гулять мне можно только рядом со своим домом. Жаль.

И опять безумно хочется вдохнуть, чтобы сокрушённо вздохнуть. И снова я спохватываюсь, теперь уже сама себе зажимая рот. Р-р-р! К этому вообще можно привыкнуть?!

Стараясь отвлечься и перестать концентрироваться на ощущениях, принимаюсь вновь рассматривать живописный пейзаж. А скалы-то, оказывается, отнюдь не голые! На них висят какие-то пятнистые образования, визуальнo мягкие, похожие на мясистые наросты. В трещинах между камнями пробиваются уже знакомые мне итрасовые водоросли, правда, они несколько толще, чем те, что растут на мелководье. Под ними копошатся крошечные плоские организмы, а их с аппетитом поедают столь же маленькие юркие рыбки. Ещё какие-то странные, почти прозрачные существа вальяжно раздувают свои куполообразные тела и неспешно перемещаются в толще воды, паря над городом. Получается, в глубине океана жизнь не так уж и бедна разнообразием форм!

На всякий случай, попросив жестом разрешения у своего хранителя, приближаюсь к краю уступа. Заглядываю вниз, и тут же мне становится понятно, что вертикальность скал, окружающих город, мною сильно преувеличена. Скорее всего, из-за глобальности разлома и больших расстояний! Потому что вижу я не отвесную стену, а пусть и крутой, но всё же склон. Не совсем ровный, покрытый выступающими вверх каменными глыбами в мой рост, а то и побольше. Очень любопытными, кстати! У меня галлюцинации? Или они светятся?

Один из таких выступов находится совсем рядом, так что я, недолго думая, направляюсь к нему, дабы изучить получше. Присматриваюсь к тёмной шероховатой поверхности, которая отнюдь не монолитная, а словно изрытая маленькими трещинами, открывающими голубоватый камень, то тускнеющий, то разгорающийся вновь. Вау! Так вот откуда весь этот свет!

Делаю шаг, чтобы обойти глыбу кругом, и замираю, заметив прислонившуюся к соседнему выступу фигуру. Брюнет. Стандартно раздетый до пояса. Хорошо сложенный. Пропорциональный. Короткие волосы. Тёмные глаза. Правильные черты лица. Красивый! Я внешне Троя восхищалась, а тут всё ещё круче, потому как взрослее, мужественнее, суровее. Зрелая такая красота, качественная.

Неужели все местные обитатели настолько привлекательны? Сомнительно, что это случайность и первые же встреченные мной зоггиане оказались самыми прекрасными представителями своей расы. Занятно. Потому что если так, то цессяне, в смысле внешности, проигрывают однозначно. Альбиносы слишком слащавые и утончённые, а черты меланистов более грубые, крупные, будто их забыли отшлифовать.

Пока я занимаюсь активной мыслительной деятельностью, мужчина тоже не бездействует. Оглядывается, словно желая убедиться, что его никто кроме меня не видит, отлепляется от скалы и перемещается ближе, стараясь, чтобы камень закрывал его от бдительного взгляда моего хранителя. И именно подобное поведение, вкупе с тем, что мужчина тут стоял и ждал однозначно не просто так, наталкивает меня на безумную

мысль: это Кит?! То есть спуктум? То бишь водяной дракон? Ух ты ж! А чего это он такой... материальный?! Потому как не в боевой форме?

У меня мозг встаёт в основательный ступор, ибо интегрировать друг в друга ту самую прозрачную водную массу, которая меня сжимала, и оказавшегося сейчас передо мной мужчину, хоть убейте, но я не могу. И вообще в то, что состоящий из органики субъект может превращаться в потоки воды, я, как настоящий учёный, не верю. Такого не может быть. Точка. А раз точка, значит, в чём-то подвох. Что же ты собой представляешь на самом деле, спуктум?

Относительно водной массы догадок у меня пока нет, а вот что касается материальной сущности, которая останавливается совсем рядом и уже тянется ко мне своими загребущими лапками, очень даже есть. Наглый и самоуверенный тип!

Отшатываюсь, чтобы не позволить себя коснуться, и замираю, с недоверием взирая на раскрытые ладони, сложенные лодочкой, в которых уютно устроилось очень милое местное растение. Синенькое, такое же светящееся, как и камни, а в центре нежно-розовое. Мне даже стыдно становится за не слишком хорошие мысли, посетившие мою дурную голову. Нежданный визави, оказывается, вовсе не для обнимашек руки протягивал!

Отрываю взгляд от подарка, не решаясь его принять, и смотрю на ожидающего моих дальнейших действий зоггианина. Лицо серьёзное, на губах ни намёка на улыбку, в глазах напряжение, мышцы тоже отнюдь не расслаблены...

Так, Лила. Что-то ты не то творишь! Ну, немного перестарался спуктумчик, когда тебя спасал. Ну, не рассчитал усилий, сжал слишком сильно. Так ведь это от усердия и для твоей же пользы, чтоб вода в лёгкие не попала! Потому теперь вину и заглаживает. Ты ему спасибо должна сказать, а не устраивать демонстрацию оскорблённой невинности!

Уже без колебаний забираю цветок и, поскольку говорить возможности не имею, просто улыбаюсь мужчине. В ответ получаю короткий кивок и... И тут между нами вклинивается Трой, решительно задвигая меня себе за спину. Быстро сообразил, что не без причины моя неугомонная личность так надолго зависла на одном месте!

Приходится шагнуть назад и немного вбок, чтобы хоть как-то увеличить площадь обзора, которого меня совсем лишили! Вот только хранитель и в этом ухитряется меня ограничить, преградив путь рукой и удержав от возможности приблизиться. Другая его рука предупреждающе вытянута к нахмурившемуся мужчине, сначала неподвижно, потом ладонь дёргается в резком отрицательном жесте – даже я заложенный в него смысл понимаю!

Кит (теперь я уверена, что это именно он) складывает руки перед собой, сложным образом переплетая пальцы. В ответ мой защитник сжимает кисть, потом отгибает большой палец и резко распрямляет ладонь. Спуктум в свою очередь меняет положение пальцев, складывая их другим способом, но Трой остаётся непреклонен, повторяя своё предыдущее движение.

Я не вмешиваюсь, только наблюдаю. Во-первых, я всё равно говорить не могу, а языка жестов, который они используют, не знаю. Во-вторых, я же не в курсе, какие мотивы лежат в основе поведения моего хранителя. Возможно, есть объективные причины, по которым посетители на территорию лазарета не допускаются.

Упёртость Троя, в конце концов, приносит свои плоды. Мужчина прекращает диалог, чуть склоняет голову в едва заметном поклоне, адресованном несговорчивому хранителю, переводит взгляд на меня, прикладывая сложенные вместе ладони к своей груди, и шагает в тень, исчезая за камнем. Парень немедленно разворачивается, цепляет меня за руку и утаскивает к нашему пузырю. Прогулка окончена, надо полагать.

Оказавшись внутри, я недоверчиво ощупываю свою совершенно сухую одежду и волосы. Как-то раньше мне не приходило в голову удивиться тому факту, что Трой появляется отнюдь не мокрый. Наверное, потому, что я привычно воспринимала внешний мир как воздушную среду, хоть и знала, что там вода. А на самом деле это технологии зоггиан такие прогрессивные. То есть свойства мембран необычайные. Отжимают досуха. Даже на цветочке, который я держу в руках, ни капельки влаги. Ой! Его, наверное, в воду

поставить нужно! Или вообще целиком опустить.

Открываю рот, набирая воздух, чтобы спросить, и осекаюсь, потому как вставить хоть слово в гневный монолог моего хранителя нет никакой возможности.

– Наглец! – кипит от возмущения Трой. – Никакого доверия! – нервным движением сдёргивает с кровати смятое покрывало. – Я пожалуйю на него в совет! – встряхивает и укладывает ровно. – Что он вообще себе позволяет! – аккуратно берёт меня за плечи, усаживая на кровать. – Просил же сюда не приходить! – наклоняется, извлекая из недр стола небольшую прозрачную ёмкость. – Я на чистом вайли ему сказал... – резким движением погружает руку с вазой в мембрану. – С тобой всё в порядке! – выдёргивает обратно, прикрыв ладонью другой руки отверстие, чтобы сохранить попавшую внутрь воду. – Так ведь нет! – забирает из моих рук растение. – Дракону надо лично в этом убедиться! – погружает цветочек внутрь. – Разве это нормальное поведение?! – демонстративно ставит на стол.

– Стоп, стоп, стоп! – всё же останавливаю разбушевавшегося хранителя. Даже за руку хватаю, заставляя сесть рядом. – Успокойся, – сжимаю пальцы сильнее, потому как он порывается вскочить. – Объясни спокойно, что именно тебя возмущает? Появление здесь посетителей запрещено?

– Нет, – хмуро сообщает.

– Ясно, – радуюсь хоть какому-то прогрессу. – Тебе не нравится, что он – спуктум? Если бы интерес ко мне проявил кто-то другой, ты бы вёл себя иначе?

– При чём тут его личность? – ошалеваает от моих вопросов Трой, округляя глаза.

– Но ведь ты сам говорил, что драконы тебе не нравятся.

– Лила! – теперь возмущение хранителя выливается на меня, и я получаю строгое: – Не передёргивай! Я всего лишь сказал, что кроме них есть другие, кто может тебе понравиться куда больше.

– Ага, – понимаю, что с выводами я поторопилась, и перехожу ко второй фазе урегулирования конфликта. Меньше всего мне хочется скандалов и проблем. – Трой, я поняла, тебе неприятно, что Кит не доверяет тебе как хранителю. Но ведь это не повод, чтобы на него жаловаться. Он просто за меня переживает.

– Он делает это слишком... навязчиво, – недовольно бурчит парень.

– Ты цветок имеешь в виду?

– А что с ним не так? – брюнет непонимающе хлопает ресницами.

– Не с ним, а то, что Кит мне его подарил, – уточняю. – Мне не нужно было его принимать?

– Это совершенно ни при чём, – отмахивается Трой. – А разве мео-реллин тебе не понравился? – оборачивается, придирчиво рассматривая растение. – Могла отказаться.

– Наоборот, очень понравился, – улыбаюсь, чтобы у него в моей искренности сомнений не возникало. – А зачем Кит мне его отдал?

– Ты же девушка! – выдаётся мне как само собой разумеющееся. – Тебе все мужчины цветы будут дарить. У вас что, они так не поступают? Или что-то другое дарят?

Вопрос застаёт врасплох. Я даже не сразу отвечаю, размышляя над тем, что именно сказать.

– Нет. Обычно это девушки делают.

Ага. И подарок, который мужчины желают принять, отнюдь не цветочки, а право на зачатие ребёночка. Кулончик то бишь.

– Интересно, – хранитель задумывается и делает, в общем-то, логичный вывод: – Наверное, это потому, что у вас женщин больше.

– А ты почему мне ни разу цветы не принёс? – спешно его отвлекаю, пока не принялся меня расспрашивать, и напускаю на себя строгий вид, упирая руки в бока.

– Мне нельзя, я несовершеннолетний, – легко парирует зоггианин.

Ну да. Этот нюанс я из виду упустила. Зато многое поняла. А именно то, что мой хранитель очень ранимый и чувствительный. И вся его уверенность в себе и строгость – лишь маска, которую он надевает, потому как всеми силами старается оправдать возложенную на него ответственность. Возможно, даже боится, что не справится, именно поэтому обижается на Кита. Трою кажется, что своими сомнениями в его способностях и умениях спуктум подрывает авторитет хранителя в моих глазах. Да и в глазах остальных, скорее всего. Наверняка же за нами наблюдают.

Правда, остаётся непонятным, зачем дракон так настойчиво добивался встречи?

– Трой, – тормошу притихшего парня, который, устав буянить, теперь сидит спокойно и о чём-то сосредоточенно размышляет. – А что означает?.. – складываю ладони крестиком и прижимаю к себе, как это сделал мужчина перед тем, как уйти.

– Извинение, – покосившись на мою грудь, озвучивает брюнет.

– Понятно, – киваю. – Нет, непонятно! – всё же не удерживаюсь. – Если он не доверяет тебе, то какой ему смысл передо мной извиняться? Разве я могу предъявить спуктуму претензии? Обвинить в причинении вреда? Ему это может стоить карьеры? Он лишится вознаграждения за работу? Потеряет свои способности? Чувство вины не даст ему спокойно жить? – Ф-ф-фух! Сама не верю, что моя фантазия иссякает.

– Ну, Лила... – потрясённо смотрят на меня карие глаза. – Я бы до такого не додумался.

– Так в чём проблема-то?! – добиваюсь ответа.

– Если дело не во мне, – неторопливо тянет Трой, наконец-то избавляясь от своих подозрений и начиная рассматривать ситуацию под другим углом, – значит, оно в тебе. То есть в том, как именно дракон действовал, когда был на охоте. То, что он тебя помял, это, конечно, повод попросить прощения, но... Ты подумай, вспомни, может, произошло что-то ещё, когда вы с ним столкнулись? Непредвиденное? Неожиданное? Потому что я очень сомневаюсь, что в основе извинений Кита лежат личные симпатии и ты просто понравилась ему больше остальных.

Если начало рассуждений меня интригует, то окончание...

– Остальных? – невольно повторяю.

– Ну да, – Трой вновь активизируется, принимаясь накрывать на стол. – Он же не одну тебя принёс. У ти'Стора на счету больше двух десятков приманок.

Ой...

Моё замешательство хранитель ухитряется использовать для того, чтобы меня накормить, а я, задумавшись, ем механически, даже не замечая, что именно сегодня в меню.

Нет, меня не количество девушек шокирует, а то, что Трой прав. Последняя охота была... ненормальной. Спуктум действительно изменил привычной тактике и напал на ликвидатора раньше, чем тот начал стрелять. Возможно, тем самым он нарушил какие-то правила? В этом проблема? Или в том, что, упустив меня, дракон продолжил поиски?

Теперь мне ещё сильнее хочется во всём разобраться!

Хочется? Разберёмся! Значит, так. Окончательно всё прояснить можно, только допросив Кита лично, потому что никто другой мне ответа не даст. Говорить с ним в воде я не могу, а удастся ли вытащить дракона на сушу – неясно. И каков план? Правильно. Учимся разговаривать пальчиками.

Бедный Трой. Ему и до этого было нелегко с подопечной, а теперь...

– Не так, Лила, – он стонет, впечатывая лицо в ладони, увидев мой очередной словесный «шедевр». – Неужели непонятно! Вот это... – отрывает конечности от лица и сплетает пальцы на одной руке, заводя указательный палец под средний, – означает, что ты говоришь о себе. А это... – теперь впереди оказывается указательный, – о своём собеседнике. Сначала нужно указать объект, а потом уже строить фразу. Знаешь, что ты сейчас сказала? – смотрит укоризненно. – Не спать, пока кормиться.

Теперь уже я готова биться головой о мембрану. Жаль, что она мягкая. Что ж этот язык сложный-то такой?!

Я дня три с перерывами исключительно на сон, обед и краткие прогулки усердно заучиваю положения пальцев. Трой поначалу думает, что я ограничусь простенькими выражениями, чтобы говорить об элементарных бытовых вещах, но когда я начинаю требовать более сложных семантических конструкций, он к моему упорству проникается уважением.

Мне обучение тоже идёт на пользу, потому как словесные примеры многое мне рассказывают о жизни обитателей океана. То, например, что полупрозрачные существа, плавающие над городом, безопасны и зовутся медузы; что для передвижения в воде зоггиане используют ускорители, на которых можно сидеть, и называют их «гиклы»; что у них есть более совершенная система связи, нежели общение на пальцах, правда, она тоже односторонняя и похожа на ту, что используют ликвидаторы, когда отдают приказы приманкам; что девушки-зоггианки временных хранителей не имеют, потому что хранитель – это тот, кто оберегает женщину. Свою женщину. Муж, короче!

Н-да-а-а... Смотрю я на привычно занимающегося хозяйственными делами юношу и думаю, как вообще зоггиане додумались до «несовершеннолетних мужей». Понятно, что это в целях психофизиологической безопасности, ибо при таком возрастном несоответствии сексуальные контакты невозможны, а максимум, чем ограничится личностная привязка, – симпатия. И всё равно...

– Но ведь мы должны помочь вам приспособиться к жизни в нашем мире! – неожиданно слышу недоумевающий голос и только после этого понимаю, что начала рассуждать вслух. – Как иначе ты себе это представляешь? Знаешь, сколько проблем было с первой девушкой? Хорошо, что Сенат сразу понял, что нужно брать ситуацию под контроль. Теперь существует целая организация, которая занимается тем, что разрабатывает и реализует механизм вашей адаптации. Медики, психологи, охранники... Мы, например, даже специальный отбор проходим на право стать временными хранителями. Всё же вы попадаете к нам намного реже, чем нам бы хотелось.

Чудо, что вообще попадаем. Может... Может, зоггианам давно стоило наладить контакт с цессянами и просто договориться, а не воровать приманок? Уверена, узнав о том, какие тут условия, множество девушек с огромным удовольствием сменит место жительства и прилетит на Зогг.

– Об этом тебе нужно говорить не со мной, а с членами совета, – выслушав мои умозаключения, советует Трой, хотя я прекрасно вижу, как загораются интересом его глаза. Ну да, перспективы-то приятные! – Или вообще в Сенат вопрос вынести. Попробуй обсудить это с Ниродином. Вне всяких сомнений, он будет рад твоим предложениям.

Ладно. Ниродин, так Ниродин. А когда к нему можно?

– Тебя уже никто здесь не держит, – хитро улыбается скрытная зараза, которая все эти дни ни разу даже не заикнулась о том, что мне можно что-то ещё, кроме прогулок вокруг пузыря. – Твой организм адаптировался в достаточной степени, чтобы выдержать более длительные перемещения. Так что завтра...

– А сегодня нельзя?! – вскакиваю. Мне уже до безумия хочется новых впечатлений.

– ... завтра, – словно я его и не прерывала, продолжает мой мучитель, – мы поедем в Ожеверон.

Вот ведь!.. Падаю обратно на кровать животом вниз, подкладываю ладошки под подбородок и лежу, стараясь не замечать снисходительной улыбки брюнетистого типа. Это он мне в очередной раз доказывает, что неплохо было бы моей неугомонной

сущности чаще прислушиваться к его мнению, потому как он больше знает. Типа на то мне и дан хранитель.

Чтобы успокоиться и отвлечься, протягиваю руку, опускаю пальцы в стоящую рядом вазу и глажу побледневшие лепесточки. Уже не синие, просто голубые. И свечение, которое раньше было сильным, совсем исчезло. Завял цветочек, а новый мне взять неоткуда. Около лазарета такие не растут, а Кит больше ни разу не появился.

Мне становится грустно.

– Давай я его уберу, – предлагает Трой, присаживаясь рядом.

Отрицательно мотаю головой и отворачиваюсь. Буду спать. Может, хоть так время пройдёт быстрее и, наконец, наступит завтрашний день! День, когда меня ждёт столько нового! Открытый океан... город... зоггиане... спуктумы... В сознании медленно всплывает полупрозрачный образ, струи воды неторопливо сплетаются, рождая в душе странное чувство томления и предвкушения. Тёмные, настороженно-внимательные глаза испытующе смотрят, словно чего-то от меня ждут. А за ними распускается цветок меореллина, огромный, яркий, притягивающий.

– Лила... – доносится до меня ласковый шёпот. – Лила... – холодные струи оплетают тело, заставляя вздрогнуть и застонать. – Лила! – что-то встряхивает меня за плечи.

– А! – распахиваю глаза и дёргаюсь, оказываясь в сильных руках моего хранителя.

– Тише, ну что ты? – тот гладит меня по голове, укладывая обратно. – Плохой сон?

Киваю, медленно приходя в себя и удивляясь своему воображению. Ну у моего мозга и фантазии! А утром уже и сама не верю в то, что мне что-то снилось, потому что мгновенно забываю обо всём, кроме одного – я еду в Ожеверон!

– Никуда ты не поедешь, пока не поешь! – безапелляционно заявляет, останавливая меня, строгий голос. – А ещё тебе переодеться нужно! – парень добывает из-под кровати и протягивает мне очередной свёрток. Откуда они появляются вообще?! Я туда заглядывала, там ничего подозрительного нет. Пустое пространство. Ночью Трой их притаскивает, что ли?!

Верчу в руках сложное переплетение верёвочек, расшитых маленькими камушками плотных кусочков ткани, воздушных, более длинных, путающихся между собой, и не понимаю – это вообще как надевать? И, главное, на что?! В смысле, куда?!

Полюбовавшись моим замешательством, хранитель берёт дело, то есть моё тело, в свои руки. Через пять минут видок у меня...

Грудь теперь прикрыта чуть больше, правда, верхняя часть торса всё равно остаётся совершенно голой. Небольшое белое ожерелье на шее и цепочки на плечах не в счёт. На мочках ушей тоже появляются камушки, и каким способом они там удерживаются, мне приходится только гадать. Простенькие шортики, которые, по всей видимости, считаются домашней одеждой, сменяются столь же коротенькой, плотной, украшенной изящной вышивкой юбочкой, поверх которой надевается длинная, полупрозрачная, из невесомой голубой ткани. А на ступнях, вместо мягких тапочек, уже красуются плотные, но, к счастью, удобные туфельки на маленьком каблучке.

Трой даже мои волосы ухитряется за это время в порядок привести. Поднять вверх, заколкой закрепить, украшение какое-то нацепить... Я себя в таком обмундировании просто выставочным образцом чувствую!

– А как-нибудь попроще нельзя? – тереблю яркие камни, которые пришиты к одежде везде, где только можно.

– Зачем? – изумлённо отстраняет меня, осматривая с ног до головы, брюнет. – Ты же девушка. Должна быть красивой. Нечего стесняться, ты отлично выглядишь! – придвигает обратно, продолжая свою украшательскую деятельность.

А кто сказал, что я стесняюсь? Мне просто неудобно! Я же все руки себе об эти камни расцарапаю, а в цепочках запутаюсь! И вообще, это неудобно и непрактично! И дорого,

наверное!

– Зато функционально и эстетично! – отрезает, выслушав мои жалобы, парень. – А что такое «дорого»? – заинтересовывается необычайно.

– Э-м-м... – тут уже я начинаю подвисать. – Вещи имеют свою цену. Одни меньшую, другие большую. Ты мою одежду откуда взял?

– Со склада. Это же стандартный повседневный вариант. Вот праздничный пришлось бы заказывать индивидуально.

– Так. Хорошо, – постепенно приближаюсь к сути. – А что отдал взамен?

– Ничего, – настороженно смотрит на меня Трой. – А надо было? У цессян принято что-то давать взамен? Ух! Я понял! – его осеняет. – «Дорого» – это когда отданное и принятое не равноценны?

Падаю попой на кровать. Он-то, может, и понял, зато я теперь ничего не понимаю.

– Типа того, – подтверждаю, зная что он ждёт ответа. – А как же вы... – замолкаю, потому что не могу сформулировать вопрос. – Тебе за то, что ты работаешь моим хранителем, платят? В смысле, чем-то материальным поощряют? – наконец, мой мозг выдаёт хоть что-то разумное.

– Лила, – Трой присаживается рядом, прихватывая мою руку. Карие глаза смотрят с крайней степенью умиления. – Работа – это удовольствие. Какое ещё вознаграждение нужно?

– Совсем не нужно? – выдавливаю, начиная проникаться жутким несоответствием экономики Зогга и Цесса.

– Совсем, – меня явно жалеют. Ещё и по головке гладят, чтобы не переживала так сильно. – Ты привыкнешь, тебе понравится, – уговаривает как маленькую. – Ты же очень хочешь заниматься любимым делом, верно? И всё, что тебе для этого нужно, у тебя будет. Так же, как оно есть у других.

Больше вопросов я уже не задаю. Глядя на сидящего рядом со мной совершенно невероятного парня, я, конечно, готова поверить во что угодно, но хочется убедиться! Посмотреть своими глазами, как живут те, кто совсем иначе относится и друг к другу, и к тому, чем занимаются. Неужели среди них совсем нет тех, кто готов жить за счёт других? Лукавить. Обманывать. Манипулировать.

Теперь мне ещё сильнее не терпится оказаться в городе, и я с готовностью ныряю сквозь мембрану, едва получаю на это разрешение.

Сегодня мы проплываем чуть дальше, оставляя за спиной привычно тёмные пузыри лазарета. Заворачиваем за выступ и попадаем в небольшую пещеру, стены которой отшлифованы до идеального состояния, а вдоль них вереницей стоят совершенно непривычные моему взгляду технические устройства. Невысокие, с узкой, длинной горизонтальной плоскостью для сидения, вертикальными ручками впереди, за которые полагается держаться водителю. Одним словом – гиклы!

Самое удивительное, что сиденье оказывается удобным, а Трой – замечательным водителем! Он с лёгкостью запускает устройство, которое немедленно приподнимается над поверхностью, внимательно следит за тем, чтобы я пристегнула страховочные ремни, усаживается сам и без проблем выводит гикл из пещеры. Видимо, для него управлять подобной техникой привычное дело.

Скорость, с которой мы слетаем с горы, просто ошеломительная, но мой хранитель так легко маневрирует, огибая каменистые выступы и перелетая через небольшие расселины, что я даже не задумываюсь о том, насколько это может быть опасным, всецело доверяя его умению. Обхватив руками сидящего впереди парня, я с радостным возбуждением озираюсь, стараясь, чтобы память навсегда запомнила мои первые впечатления. Они всегда самые сильные! И, в данном случае, очень приятные! Захватывающие!

Тёмная сине-фиолетовая даль океана. Теряющиеся в вышине, пронизанные голубым призрачным светом скалы. Проносящиеся мимо рыбы и медузы...

Я с трудом сдерживаю смех, когда гикл, распугав стайку рыбок, врывается в гущу водорослей, и те щекотно скользят по моим лодыжкам; едва не ахаю изумлённо, но вовремя спохватываюсь, закрывая себе рот ладонью, когда совсем рядом с нами из-за очередного камня неожиданно появляется тёмный силуэт чего-то весьма внушительного, пока мне неизвестного, и тут же исчезает; разворачиваюсь, оглядываясь назад, чтобы полюбоваться на далёкую цепочку пузырей лазарета, за что получаю строгое предупреждение: «Рук не отпускать!» – двусмысленной трактовке жест моего водителя не подлежит.

Постепенно город становится всё ближе, теперь мы едем вдоль одной из тех самых труб, которые меня так поразили необычными световыми явлениями, рождающимися внутри них. В один прекрасный момент, когда мимо меня с огромной скоростью пролетает такое «явление», я, наконец, понимаю, что это! Туннели! А в них, окружённые световой иллюминацией, движутся вытянутые капсулы, чем-то похожие на транспортники Цесса. Да это же ещё одно средство перемещения! Куда более скоростное, чем гиклы! Наверняка подобные туннели связь между городами обеспечивают.

Ещё немного, и скорость мой водитель снижает. Мы неторопливо начинаем углубляться в городскую застройку. Здания тут разные. Я даже не могу общий принцип обрисовать, видимо, воображение зоггиан подсказывает им самые невероятные формы для своих жилищ. Узкие, широкие, низкие, высокие, округлые, квадратные, пирамидообразные... Это больше похоже на какую-то нереальную фантазию, чем на привычный мне город. К тому же материал, из которого они выстроены, – всё тот же светящийся камень, и от этого эффект загадочности только усиливается.

Трой постепенно поднимает гикл выше, и тот вливается в поток аналогичных ему транспортных средств, оставляя место внизу для тех, кто плывёт самостоятельно, но, несмотря на невысокую скорость, рассмотреть зоггиан мне почти не удаётся. Разве что пару раз заметить, как они «ныряют» в мембраны домов, да поймать на себе заинтересованные взгляды водителей, ведущих свои гиклы параллельно нашему.

Вскоре мы сворачиваем и поднимаемся ещё выше, огибая высокое шпалеобразное сооружение. За ним моему взору открывается площадка, ограниченная низким бортом, где наш гикл и тормозит. Трой немедленно его покидает, помогает мне расстегнуть ремни и тянет за собой в светлое пятно мембраны, манящее своими радужными переливами.

Кажется, приехали.

– Трой! Мой мальчик! – нам навстречу шагает совсем седой зоггианин, едва мы оказываемся внутри. – Наконец-то ты выбрался в город!

С интересом наблюдая, как они обнимаются, ухитряюсь при этом ещё и бросать взгляды по сторонам.

Совсем пустое, но хорошо освещённое помещение, не слишком большое, с совершенно гладкими, отливающими голубым цветом стенами и вертикальными столбами, между которыми виднеются коридоры. В центре – ещё один столб, правда, восьмигранный, и по его тёмной поверхности сверху вниз медленно стекают какие-то символы.

– Рад, что твоя подопечная в добром здравии, – возвращает мой взгляд к мужчинам приятный голос, и, обернувшись, я неожиданно для себя вижу в руках зоггианина маленький жёлтый цветок. – Позволишь? – тот смотрит на меня с ласковой полуулыбкой.

Заметив, как Трой активно мне подмигивает, я киваю, и уже через секунду на моей голове, где-то в волосах, красуется ещё одно украшение. На этот раз живое.

– А почему вы так поздно? – теперь в интонациях незнакомца слышен лёгкий укор. – Ниродин уже несколько раз интересовался, где вас носит?

Вот! Я так и знала, что незапланированные разговоры по утрам до добра не доведут! С возмущением смотрю на своего неторопливого хранителя, который, прихватив меня за

руку, невозмутимо шагает к столбу и принимается ловить пальцами поднимающиеся символы и выстраивать из них цепочку.

– Мы прибыли вовремя, наставник, – не отрываясь от своего занятия, он кивает на горящие на самой вершине столба символы. – А советнику просто не терпится нас увидеть. – Приглушает голос, чтобы только я могла его слышать: – Лила, тебя под каким именем регистрировать?

Смотрю на световую строку, которая замерла в ожидании, как и остановившиеся пальцы Троя. Ой, я же второе имя себе так и не придумала! А ведь хранитель меня предупреждал!

Лихорадочно соображаю, как же себя назвать, а рот уже сам открывается и с губ срывается:

– Мео.

– Хочешь быть цветочком? – улыбается брюнет. – Красиво. И тебе очень подойдёт, – продолжает свою созидательную деятельность, формируя на экране новую светящуюся последовательность.

Присматриваюсь к символам, неожиданно понимая, что значки-то совсем знакомые, ну может, лишь слегка видоизменённые, приближенные по написанию к древним письмам цессян. Ух ты! А я думала у нас только речь одинаковая. Впрочем, удивительного тут немного, все обитатели окрестных звёздных систем говорят на вайли. На том самом конгрессе, где я пыталась доказать общность происхождения наших цивилизаций, мне именно этот факт в качестве контраргумента и представили. Мол, если бы одна исходная раса разделилась, язык бы тоже изменился до неузнаваемости, тем более что времени прошло очень и очень много, а раз речь идентична, значит, её просто-напросто завезла некая цивилизация, активно изучавшая космос. Тем более что согласны некоторым данным вайли в ходу не только в ближайших звёздных системах, но и в других, более далёких. Это же не означает, что все обитатели нашей Галактики находятся в генетическом родстве!

Я спорить не стала, доказательств было слишком мало, да и вообще тут такой глобальный лингвистический анализ проводить нужно! А я в большей степени историк, чем языковед.

– О чём задумалась? – вырывает меня из воспоминаний заботливый голос хранителя. – Что-то не так?

Отрицательно мотаю головой и, следуя за тянущим движением руки Троя, иду в один из боковых проёмов.

Это только со стороны входа кажется, что в них коридоры. Отнюдь. Несколько шагов, и перед нами глубокий колодец, в который брюнет бесстрашно шагает. Ну а поскольку моей руки он не опускает, то и я падаю туда же. Удерживаюсь от непроизвольного желания во что-нибудь (вернее, в кого-нибудь) вцепиться и заверещать только потому, что ощущаю под ногами вещественную опору, которая вместе с нами стремительно падает вниз. Это, оказывается, пол такой прозрачный!

Те несколько секунд, которые мы падаем, я созерцаю чёрные блестящие стены, а когда платформа останавливается, моему взору предстаёт огромный зал, заполненный занятыми своими делами зоггианами. И вот тут уже окончательно понимаю, как же были скупы мои попытки представить то, насколько красивы местные жители! Девушек я не вижу, но вот мужчины... Я глазам своим не верю. Они не просто прекрасны. Они идеальны! Нет ни одного, кого я могла бы отнести к разряду «неплох». Не слишком высокие, но и не низкие, темноволосые, светлокожие, с обнажёнными до пояса торсами, с отличными рельефными фигурами и правильными чертами лиц... С другой стороны, чему я удивляюсь? Если мужчин больше и многообразие отсутствует даже теоретически, то и половой отбор работает в полную силу, позволяя оставлять потомство только лучшим представителям своего вида. Ну а, судя по результату, предпочитают женщины Зогга самых красивых. Насчёт характера пока сказать трудно, но если судить по тому, как ведёт себя Трой, да и остальные, личностные качества у них тоже на высоте.

Неспешно проходим мимо невысоких панелей, вокруг которых собираются целые группы зоггиан, оживлённо обсуждающих висащие в воздухе виртуальные модели непонятных мне технических устройств; мимо низеньких диванчиков, где столь же неторопливо беседуют отдельно взятые личности; мимо прозрачных стеновых панелей, за которыми идёт размеренная городская жизнь. Поднимаемся по широкой лестнице, ведущей в следующий зал, где народа несколько меньше, сворачиваем в открытый проём, задрапированный цветными тканями, и попадаем в невероятно эффектный, уютный кабинет.

Светлые бежевые стены, тёмный коричневый декор, изящные каменные основания, переходящие в прозрачные вазы, заполненные водой и живыми цветами. Стеллажи с яркими предметами внутри, удобные кресла, стоящие вокруг большого стола каплевидной формы, на котором лежат развёрнутые свитки. Мужчина, работающий с ними, поднимается нам навстречу.

– Приветствую, – он радушно улыбается, преодолевая те несколько шагов, которые нас разделяют.

Ну что сказать? Уже привычно красивый, я даже перестаю на этот факт обращать столь пристальное внимание, пожалуй, чуть старше Кита, хотя я могу и ошибаться, в широких белых брюках, стянутых на бёдрах чёрным широким поясом, украшенным белой вышивкой, и перекинутой через плечо узкой полоской ткани, перевитой тонкой цепью. На ногах такая же обувь, как у Троя, – плотная, крепкая, а в руках... В протянутых ко мне ладонях очередное растительное великолепие. Кипенно-белое, с мелкими красными точками, сгущающимися к сердцевине, и длинными тонкими выростами, спускающимися вниз.

– Это тер-рин, – услужливо сообщает хозяин кабинета. – Он единственный способен больше суток оставаться вне воды.

– Спасибо, – осторожно забираю из его рук подношение и опускаюсь в кресло, которое мой хранитель услужливо ко мне разворачивает. Проглаживаю пальцами плотные лепестки, больше похожие на твёрдую кожу. У мео-реллина они куда более нежные и приятные, зато он и находиться вне водной среды может лишь несколько минут.

– Ну что ж, – убедившись, что я устроилась удобно, зоггианин возвращается на своё место, приступая к разговору. – Я – Ниродин Ри то'Трон, – наконец, представляется, хотя я уже и так знаю, к кому именно мы попали. – Совет поручил мне провести эту беседу, потому что, скажу честно, ситуация очень необычная. Лично мне ещё ни разу не доводилось видеть у девушки столь сильную заинтересованность в том, чтобы что-то узнать, понять, изучить. К тому же, все приманки, которые к нам попадали ранее, предпочитали забыть о своём малоприятном прошлом и полностью сосредотачивались на новой жизни, в которой главной для них становилась семья, а не работа. Судя по тому, что я слышал, – мужчина смотрит на сидящего рядом со мной парня, доказывая, откуда именно у него такая информация, и вновь возвращается взглядом ко мне, – ты другая. У тебя иные интересы, запросы и необычайно пытливый ум... Мео, – заключает, сделав паузу перед именем. Словно знает, что меня зовут иначе и ему стоит основательных усилий, чтобы не проговориться.

Я любопытна, да. А кто сказал, что это плохо? У нас даже в инструкции было написано:

Правило 3. Любознательность не порок, а способ получения информации

Причём имелось в виду именно то, что стремление приманки быстрее обучиться нужным навыкам компанией поощряется в полной мере. Ага, ещё бы оно не поощрялось! Ведь чем скорее освоишь профессию, тем раньше тебя отправят на Зогг. Я теперь прекрасно понимаю, почему в обучающем центре меня, да и других тоже, подгоняли и постоянно спрашивали, чувствуем ли мы себя готовыми приступить к работе. Получается, мы были просто расходным материалом! Компания прекрасно знала, что при любой программе обучения результат будет один – приманка погибнет. Но это мало кого беспокоило! А может... Нехорошее предчувствие проходит по нервам. Может, не беспокоило именно

потому, что кто-то знал – спуктумы не убивают, а только видимость создают?

– Я с удовольствием буду работать, если мне позволят это делать, – сдерживая рвущиеся вопросы, которые мне так хочется задать, я с улыбкой смотрю на прислушивающегося к моей речи мужчину. – У меня огромное желание разобраться в сложившейся ситуации, помочь и быть полезной в дальнейшем, тем более что, как я поняла, наладить взаимоотношения с цессянами у вас не получается. Как вы с ними общались? Что именно было сделано? Какой результат вы хотите получить? Вам нужно, чтобы пришельцы покинули Зогг? Или желательно полноценное сотрудничество?

– Сразу к делу? – удивлённо ползут вверх тёмные брови, взгляд вновь перемещается на моего хранителя, а пальцы складываются в речевую конструкцию: «Иди к наставнику. Придёшь за своей подопечной через три часа».

Кто-то не в курсе, что я знаю язык жестов? Здорово! Это можно будет использовать.

Принимаю удивлённый вид, когда Трой покидает помещение, а Ниродин поднимается и пересаживается ко мне ближе. Сильный, уверенный в себе, от него идёт почти осязаемый поток спокойствия и рассудительности.

– Он вернётся позже, – мягко успокаивает меня зоггианин, – а наш разговор в некоторой степени конфиденциален, надеюсь, ты это понимаешь? – тёмные глаза внимательно смотрят на моё лицо, ожидая кивка. – Совет, выслушав твоего хранителя, принял решение, что должность советника по контактам подойдёт тебе как нельзя лучше... Мео, – и снова заминка перед именем, – я рад, что мы не ошиблись. В настоящий момент ситуация такова: присутствие цессян на нашей планете становится нежелательным фактором, и нам необходимо кардинально изменить сложившуюся ситуацию, но принять решение о том, как именно это сделать, необычайно трудно. По одной-единственной причине. Уверен, Трой тебе о ней уже говорил, – он на несколько секунд замолкает, рассматривая меня, и заканчивает: – Мы не хотим терять вас.

– Да, я в курсе демографических проблем, – пытаюсь не обращать внимания на завораживающую притягательность глаз собеседника, не реагировать на близость его тела, не прислушиваться к хриплым, волнующим ноткам в голосе, а сосредоточиться только на деле. – Но прежде чем делать выводы и что-то советовать, мне нужно знать реальное положение вещей. Нужна информация.

– Разумеется, – соглашается то'Трон. Коротким движением поправляет соскользнувшую с плеча ленту и приступает к рассказу, который я слушаю, стараясь не упустить ни одного нюанса.

Действительно, в тесное взаимодействие наши цивилизации вступили не сразу. Первый шаттл, разбившийся на Зогге, зоггиане даже не заметили. Систематических наблюдений за космосом они не вели, а произошла авария в том районе, где очень мало глубинных разломов и совсем нет городов. Сообразили, что у них гости, только когда высадились первая группа добытчиков, чтобы собрать плавающий по поверхности океана минерал, а потом попытаться добраться до того, что залегал на дне.

Подобная бесцеремонность зоггианам не понравилась, но вмешательство не потребовалось – океан сам дал понять чужакам, что их присутствие на Зогге нежелательно. Потоки, которые формируются над месторождениями, одни из самых смертоносных. Однако пришельцев это не напугало, и они вернулись. Прилетели снова, начав возводить подводный город, причём строить так, чтобы не подставляться под страшные удары стихии.

Зоггианам стало любопытно. Соперник, претендующий на местные богатства, оказался ловким и изобретательным. Цессяне научились защищаться, провоцировать формирование потоков и разрушать их структуру, оставляя для себя возможность получать нужный минерал.

– Поначалу, когда в качестве приманок использовались вооружённые, защищённые цессяне, мы не вмешивались, просто наблюдали, но когда вместо них стали появляться вы, совершенно беззащитные...

Если до этого Ниродин говорил совершенно бесстрастно, равнодушно пожимая плечами,

то теперь и его поведение, и интонации меняются. Он с такой нежностью на меня смотрит, а в голосе слышится растерянность и недоумение, что мне прямо не по себе становится.

– Мы пришли в замешательство, потому что у нас в головах не укладывалось как можно отправлять вас на верную гибель? Это же дико! Ненормально! Менталитет ваших мужчин стал самым неприятным открытием за всё время контакта. Как у них вообще могла появиться мысль вас использовать?!

Зоггианин на несколько секунд замолкает, чтобы погасить нарастающее возмущение и перестать демонстрировать мне своё негативное отношение к мужчинам-цессянам. А я в очередной раз убеждаюсь в том, насколько мне повезло. Ох, какие же разные у наших цивилизаций приоритеты!

– Именно тогда мы начали действовать, забрав одну из приманок к нам, – наконец продолжается рассказ. – И окончательно убедились, что вас самым гнусным образом используют, отправляя фактически на смерть. Да, девушка нам пояснила, что у цессян отношения между полами несколько иные, но это ничего не изменило, и мы приняли решение вас спасать. Однако с каждым разом делать это становилось всё труднее. Те, кого вы называете ликвидаторами, научились блокировать как сами потоки, так и спуктумов, причём научились делать это быстро, а ведь дракону нужно время, чтобы взять потоки под контроль, правильно их сориентировать и забрать девушку, причинив ей как можно меньше вреда.

Искренняя забота никуда не исчезла, пожалуй, даже ещё заметнее стала. Ниродин откидывается на спинку кресла, складывая руки на груди и продолжая рассуждать:

– Теперь мы в растерянности. С одной стороны, отдавать цессянам ултриз не в наших интересах. Раньше мы этот минерал не использовали. Теперь же, когда выяснилось, для каких целей он необходим, ведутся работы по его изучению. И мы уверены, ултриз нам понадобится. Но мы понимаем, что добыча будет продолжаться всё то время, пока мы будем спасать приманок от той участи, на которую их обрекают соотечественники. Ведь они не знают, что вы остаётесь живы.

Вот так. Значит, альбиносы ещё более циничные и подлые, чем я думала. Одно дело – просто сталкивать нас со спуктумами, и совсем другое – на самом деле отправлять на смерть.

– А как же общение с цессянами? – вспоминаю о том, что он ни слова не сказал об этом аспекте взаимодействия. – В какой момент они узнали о вашем присутствии на Зогге?

– Общение? – повторяет то. Трон и хмурится. – Да, мы дважды пытались решить возникшую проблему. Я лично при этом присутствовал. Первая встреча прошла ещё во время строительства города, мы тогда подумали, что раз пришельцы намёков не понимают, нужно сказать им об угрозе со стороны океана напрямую. Цессянин, с которым велись переговоры, был дружелюбен, удивлён, но, как мне тогда показалось, исключительно тем, что планета обитаема. О том, что основной целью пребывания будет добыча минерала, вообще ничего не сказал, заявив, что их миссия исследовательская. А когда строительство завершилось и началась добыча, состоялась вторая встреча. По всей видимости, почувствовав свою безнаказанность, цессянин заявил, что они не уйдут. Мы спорить не стали, зная, что океан всё равно вынудит пришельцев это сделать, но тут они начали использовать вас...

Рассказчик разводит руками, наглядно показывая, что на этом моменте вся воинственность зоггиан сошла на нет.

Теперь у меня уже больше нет сомнений в том, почему цессяне брали в приманки молоденьких женщин. Они знали, что спуктумы – мужчины. Рассчитывали на их чисто мужскую реакцию на красивое обнажённое женское тело. Никого в компании не интересовало, что с нами будет дальше. Даже если и рождались подозрения о том, что мы не погибаем, что с того? Нашими телами, так или иначе, платили за ултриз.

– То есть никакого договора о сотрудничестве с управляющим у вас не было? – уточняю уже только для того, чтобы расставить все точки над «и».

– Не было и не будет, – категорично отрезает советник и мягко поясняет, видя, как я напряглась: – Мы с лёгкостью расстанемся с тем, в чём не испытываем нужды, и отдадим тому, кто в нём в настоящий момент нуждается. Нам также нетрудно понять чужие потребности и поделиться тем, что необходимо нам самим, чтобы оказать кому-то помощь. Но поощрять любые действия, направленные на получение выгоды и использование в этих целях других, не станем. Это неприемлемо. Надеюсь, ты понимаешь?

Последняя фраза – отнюдь не простой вопрос. Скорее, просьба принять их менталитет и одновременно попытка узнать мою точку зрения. Почему? Да потому, что Ниродин уверен – у меня она иная. Как-никак, но я же цессянка. Хотя и пострадавшая от действий своих соотечественников, но привыкшая к другим жизненным ценностям.

Ой, ой... Вот теперь я осознаю, насколько будет трудной та миссия, которую я на себя взяла. Нет ничего проще сказать: «Обмен!» Намного сложнее убедить в его необходимости и реальности обе стороны! Зоггиане упрутся в своё мировоззрение, а цессяне, то есть альбиносы, в свои же амбиции. Первым претит сама мысль о приобретении чего-то (я уже молчу про «кого-то»), а ломать сложившуюся систему и стереотипы – это, я вам скажу, удовольствие сомнительное. Вторым вряд ли понравится тот факт, что они кому-то что-то должны, потому как обычно все обязаны им. К тому же надо учесть, что объектом торга станут девушки, которые ведь тоже не частная собственность. Это в нашем случае, нанимая на работу приманок, компания изобрела идеальный способ получать желаемое. И, как правильно выразился Ниродин, за чужой счёт! А в случае официального обмена всё будет куда проблематичнее. Захотят ли цессяне афишировать наличие мира с более высоким статусом женщин? Это же потенциальная информационная бомба в социуме!

Я размышляю, а мужчина тем временем поднимается с кресла и уходит к окну. Видимо, решив не отвлекать и дать мне возможность спокойно всё обдумать. Только вот решение в голову не приходит. Нет, не потому, что я плохо думаю, а потому, что у кого-то слишком хорошая фигура! Гордая посадка головы, сильные крепкие руки, сглаженные бугры мышц на плечах и предплечьях, узкие бёдра... На фоне призрачного голубого света, льющегося из прозрачной панели, выходящей в океан, всё это смотрится вообще умопомрачительно. Неужели даже Ниродин, при таких-то внешних данных, с высокой должностью и замечательным характером, не имеет жены? Трой, когда меня языку жестов учил, говорил, что хранители особые ленточки носят на запястьях. У то'Трона таких нет. Даже жалко его становится. И почему-то очень неудобно.

Приподнимаюсь в кресле и чуть поворачиваюсь, меняя положение тела. Нет, вопрос с девушками на Зогге надо решать радикально. И если для этого придётся шокировать мужское население и внедрить в их головы иные убеждения, я это сделаю! Ну а альбиносы... Найду способ и на них надавить. Возможностей для этого теперь много.

– Прости, я совсем забыл, что у тебя ещё идёт адаптация, – кажется, моё копошение кое-кого встревожило. – Ты устала? Я позову Троя, пусть отвезёт тебя в лазарет, – беспокойство не только в голосе, но и в глазах, и в том, как быстро зоггианин приближается, склоняясь над столом и вылавливая световые значки, плавающие на его поверхности. – Тебе не стоит переутомляться, – теперь он разворачивается ко мне, протягивая руку, чтобы помочь подняться. – А мы обсудим всё остальное завтра, если ты будешь в состоянии это сделать. Ты придёшь... Мео? – уже привычная пауза, и пальцы, чуть сильнее сжавшие ладонь, которую я советнику подала.

Конечно, приду. И не только завтра. Я теперь из здания совета вообще не вылезу, пока не наступит гендерное равенство в численном соотношении. Или что-то к нему близкое. Вот только сначала успокою своего хранителя, необычайно взбудораженного вызовом раньше обозначенного срока. Верить мне он упорно не желает. Ниродин сказал: «устала». Всё. Никаких вопросов. Какой такой осмотр местных достопримечательностей?! Какие ещё знакомства?! Отдыхать!

Счастье, что лазарет не в городе и до него ехать нужно, а то, чувствую, я бы взвыла от подобного режима жизни. Ведь всё хорошо в меру, а зоггианские мужчины в своей заботе о женщинах её не знают. Как и в категоричном отрицании сделок. Кстати, мне, прежде чем глобально бороться с подобными перегибами сложившегося стереотипа поведения у всего населения, полезно будет попрактиковаться на мелком масштабе отдельных личностей. На ком?

Смотрю на голую спину моего хранителя, который уверенно разворачивает гикл, направляя в проём пещеры-стоянки. А у меня есть варианты? Вот на нём и...

Мысль исчезает раньше, чем я её додумываю, а я слетаю с ускорителя, едва не забыв расстегнуть ремни безопасности. Со всей поспешностью, которую мне позволяет развить сопротивление воды, бросаюсь к фигурам, усаживающимся на гикл, стоящий чуть дальше в глубине пещеры. Успеваю вспомнить о том, как наш организм реагирует на неожиданности, и первое, что делаю, когда оказываюсь рядом, – закрываю сидящей позади своего спутника девушке рот и нос ладошкой и только после этого обнимаю.

Изящное тело под моими руками вздрагивает, разворачиваясь. Карие глаза испуганно округляются, но уже через секунду женские ручки стискивают меня настолько крепко, что ни её хранитель, ни мой разделить нас уже не в состоянии. Хоть и стараются. Когда же им становится понятно, что занятие бессмысленное, нас просто буксируют до ближайшего пузыря, пропихивая внутрь сквозь мембрану.

– Айна!

– Лила!

Мы, падая на пол, синхронно восклицаем, ничуть не заботясь о том, что нас кто-то услышит. Впрочем, беспокоиться всё равно не о чем – проявив неожиданную солидарность и деликатность, наши хранители остались снаружи, мы только неясные контуры их тел видим.

Пузырь оказывается ничейным, пустым, нас никто не отвлекает, и мы забываем обо всём. Подружка, захлёбываясь эмоциями, меня спрашивает, я столь же темпераментно пересказываю события, произошедшие после её «гибели». К тому моменту, когда настает черёд впечатлений от общения с зоггианами, Айна почти успокаивается. Её рука уже не так сильно стискивает мою, а голова всё реже склоняется на плечо. Мы даже с пола перебираемся на кровать, чтобы удобнее было.

– Значит, ты решила работать, – сидящая напротив девушка неторопливо наматывает на палец край одной из невесомых юбок своего наряда. – Ясно. А о спутнике, настоящем хранителе, не думала?

– Пока нет, – осторожно отвечаю. – А ты?

– Я... – Айна вздыхает, по всей видимости, старательно себя контролируя, но вздох получается томным, в глазах появляется нежность, и надолго её сдержанности не хватает. Уже через секунду на меня обрушивается: – Ой, Лила, я его так люблю, – от избытка эмоций голос срывается и дрожит, доказывая, что она не притворяется. – И он без меня жить не может. Через два дня, когда закончится адаптация, Латон меня заберёт. Он такой замечательный! Самый лучший! Такой нежный, заботливый, безумно-безумно красивый!

Кто бы сомневался. У меня даже образ в голове сразу вырисовывается: классически-идеальный зоггианин брюнетистой наружности.

– Ты к нему сейчас ехать собиралась? – начинаю чувствовать угрызения совести.

– Нет, – беспечно отмахивается маленькая ладошка, опускаясь на юбку и разглаживая смятую ткань. – На склад. Мой хранитель сказал, что я могу сама выбрать себе одежду.

– И тебя в этом ничего не смущает? – радуюсь, что мы перешли к теме, которую мне безумно хочется обсудить. – То, что за неё не нужно платить, – поясняю, потому что подружка хмурится, пытаюсь понять суть вопроса. – И то, что ты будешь всё получать просто так. А если станешь работать, то фактически бесплатно.

– Нет, не смущает, – пожимает голыми плечами подружка. – Во-первых, выйди я замуж на Цессе, муж всё равно не позволил бы мне зарабатывать и обеспечивал бы сам. Так какая разница: он или общество? А останься я одиночкой, сама понимаешь, какие бы у меня были условия жизни! Моя мама – классический тому пример. Во-вторых, воспитание детей – это тоже работа. А я очень хочу от Латона девочку и мальчика. И он об этом мечтает, – красивые губы растягиваются в улыбке. – Ну и в-третьих, это их мир и

их правила. Зоггиане нас спасают. Позволяют с ними жить, причём жить комфортно. Оставляют право выбора и ничего не навязывают. Окружают заботой, любовью! Зачем же я буду вмешиваться и насаждать то, что для них неприемлемо?

Позиция по-женски правильная, социально грамотная и психологически верная. Может, это только у меня какое-то патологическое стремление сунуть свой нос в чужие дела?

– И как же ты с ним познакомилась? – предпочитаю перейти на нейтральную тему. – Ты ведь всё это время в лазарете жила под надзором своего хранителя?

– Ну что ты! – искренне удивляется девушка. – Мы же не пленницы! Если есть желание, можно попросить, и тебя куда угодно отвезут. Между прочим, раз ты не в курсе, помощь в поиске постоянного хранителя как раз и есть одна из функций временного! Мне, когда я решила, что местных профессий не знаю, а работать по своей специализации не смогу... кому тут нужны цессяньские обрядовые танцы? – смеётся. – Так вот, хранитель мне предложил погулять по городу. Без какой либо определённой цели. Просто посмотреть, как живут зоггиане, где работают. Я забрела на ферму, где выращивают рыб, и именно тогда Латона первый раз увидела. Сразу поняла, что хочу быть именно с ним, хотя и других мужчин до этого встретила немало, – прикрывает глаза, вспоминая. – Знаешь, это совершенно непонятно. Он ведь не навязывался, даже не говорил со мной, просто стоял в стороне и смотрел, а меня всё равно к нему потянуло. А когда подошла и имя назвала... – улыбка становится ещё шире. – Он мне руку поцеловал, представляешь?! Я думала, такого вообще не бывает!

Да уж... Мне тоже казалось, мужчины только в губы целуют. Так, делаем вывод: имя никому не говорить и руки держать от зоггиан подальше. Дабы себя не провоцировать. А то, вон, одна уже для объективной действительности потеряна. Впрочем, почему одна? Похоже, все девушки, кто сюда попадает, рано или поздно (но, по всей видимости, чаще всё же рано) теряют голову из-за любви. Дихол! Я точно в этом смысле какая-то неправильная!

– Не расстраивайся, Лила, – по-своему расценив наступившее молчание, Айна меня обнимает, поглаживая по спине. – Ты обязательно встретишь здесь своего любимого! Поверь, это так прекрасно, когда рядом с тобой тот, кому ты можешь всецело доверять и ни о чём другом не думать.

Доверие... Наверное, именно в нём дело. Я, пожалуй, за всю свою жизнь только искренности Троя и начала верить, но он совсем ещё мальчишка! А остальные мужчины сделали всё для того, чтобы моя персона всеми силами стремилась держаться от них подальше. Я Монта имею в виду. Да и Харт в этом смысле тоже постарался. Зоггиане же пока для меня загадка.

А вот «ни о чём не думать» теперь уже вряд ли получится. Айне простительно, она всех масштабов бедствия себе не представляет, я ведь свой разговор с Нироудином ей не пересказывала. Зато отступить и начать заниматься исключительно собственной личной жизнью я уже права не имею, ни морального, ни социального. Да и не хочу. Мне самой безумно интересно решить возникшую проблему! Нужно только понять, насколько глубоко в зоггианах укоренилось столь экзотическое отрицание собственной выгоды, стремление обеспечить существование своей расы в принципе, а не себя любимого в отдельности, и желание в первую очередь быть полезным другим.

– Трой, скажи, – начинаю незамедлительно, как только, попрощавшись с Айной и узнав адрес её будущего места проживания, возвращаюсь в свой дом. – А если тебе очень-очень сильно требуется что-то, чего у тебя нет, сделать сам ты это, естественно, не можешь, а в свободном доступе оно отсутствует. Закончилось, например. Ты как тогда поступишь?

– Поищу альтернативную замену, – парень неторопливо достаёт из свёртка и расставляет на столе еду.

– Предположим, таковой не существует, и оно нужно тебе срочно, ждать нельзя, – сразу усложняю ему задачу, чтобы не тянуть время.

– Попрошу у того, у кого оно есть, если буду уверен, что у него самого в нём нет острой необходимости, – на меня бросают недовольный взгляд. Ну да, вопросыки у меня те ещё.

– Допустим, он откажет, – не сдаю позиций.

– То есть как «откажет»? – хранитель теряет, даже прекращает свою созидательную деятельность, выпрямляясь и недоверчиво меня рассматривая. – Почему?

– Просто не захочет отдавать, – расшифровываю. – Или потребует что-то взамен.

– Чушь, – зажмуриваясь, встряхивает головой Трой. – Так никто из зоггиан не поступит.

– А если всё же поступит? – решаю расспросов не прекращать.

С минуту брюнет, приоткрыв рот, задумчиво смотрит на переливы мембраны, пытаюсь представить себе картинку.

– Тогда обращусь к спуктуму, – наконец выдаёт решение. – Они – единственные, кто способен оказывать давление. У них несколько иной склад характера. Именно поэтому я тебе говорил держаться от драконов подальше. Они не столь лояльны, как остальные, с ними во все времена было трудно, – юноша возвращается к процессу приготовления.

Ух ты! У этих таинственных субъектов не только морфофизиологические отклонения, но и психические? Может, эти особенности удастся использовать? Неплохо было бы понять, какие конкретно, чтобы с правильной стороны подступиться, да и причины возникновения отличий выяснить.

Тем не менее, расспросы приходится отложить. Ибо поздно. Несмотря на то, что в городе я провела не так уж много времени, с подружкой мы проболтали долго. Даже обед пропустили. Впрочем, мы-то этого почти не заметили, на Цессе принято только завтракать и ужинать, а вот на Зогге питание трёхразовое. Так что наши спутники нарушенным режимом остались крайне недовольны.

В итоге не знаю, как Айнин, а мой хранитель скармливает мне двойную порцию всего того, что я должна была съесть за вечер. Естественно, мой организм бросает все ресурсы на переваривание питательных веществ, и на разговоры у меня сил не остаётся. Я даже не замечаю, как засыпаю, а когда открываю глаза, первое, что вижу, – цветок тер-рина в той самой вазе, где раньше стоял мео-реллин.

В голове немедленно всплывает всё то, что происходило вчера, тут же вспоминаю, что мне нужно выяснить сегодня, понимаю, что дел у меня выше головы, и принимаюсь тормозить своего хранителя на предмет более быстрых сборов и перемещения в здание совета. Ниродин однозначно осведомлён лучше Троя, и его рассказ даст мне более полную картину социума зоггиан.

Может, потому, что я приехала рано, а может, есть иные причины, но в приёмном зале с тем самым информационным столбом народа намного больше, чем вчера. Ожидая, пока освободится место у одной из панелей, чтобы уведомить советника о своём прибытии, я во все глаза рассматриваю посетителей, ибо впервые вижу не только мужчин. Пара совсем молоденьких девушек, стоящих чуть в стороне от сопровождающих их хранителей, весело и довольно громко щебечет о каких-то завтрашних гонках; ещё две женщины не столь юного возраста спокойно движутся к выходу, по всей видимости, уже завершив свои дела; одна, совсем пожилая, набирает текст на идеально гладкой поверхности столба.

Увиденное слегка меняет моё видение ситуации, почему-то мне казалось, что женское население, ввиду стремления создать семью и нежелания работать, сидит исключительно по домам, а не нет. Они весьма охотно и активно участвуют в общественной жизни! А внешний вид дам лишь подтверждает слова Троя о том, что «девушка должна быть красивой». Они такие и есть. Милые, яркие, привлекательные, даже в солидном возрасте сохраняющие прекрасные и изящные черты. И это точно не цессянки, всё же немного иной тип лиц. Между прочим, у мужчин это как-то не так сильно заметно.

– Мео! – Ниродин стремительно шагает ко мне, едва переступаю порог кабинета. В руках – очередной цветок, в глазах – нескрываемое удивление, в голосе – радостное изумление. – Ты так рано! Тебе это не повредит? Врачи что сказали? – теперь взгляд устремляется на хранителя, который остановился за моей спиной.

– Всё в порядке. Показатели в норме, – слышу уверенный ответ и оглядываюсь в недоумении. Вот уж не предполагала, что нахожусь под таким бдительным контролем! Ведь ни разу никого из этих самых врачей не увидела и ни на одном обследовании не была! И когда, интересно, они замерять показатели успевают?

Ну, судя по скромно опущенным глазкам и необычайно хитрому выражению лица, они не только это успевают, но и многое другое. Небось по ночам, пока я сплю, чтобы лишнего стресса не добавлять, колдуют над моим несчастным организмом, дабы завершить адаптацию.

– Я себя прекрасно чувствую, – возвращаюсь взглядом к Ниродину, принимая на этот раз фиолетовое, меньше ладошки, но необычайно милое растение, похожее на шарик. После чего моего спутника привычно выпроваживают за дверь, меня усаживают в кресло, приземляются в аналогичное, стоящее рядом, и мило интересуются, какой именно информационный модуль мне необходим для составления прогноза развития ситуации, при условии реализации разрабатываемых мер.

Вот это, я понимаю, настоящий советник!

Озвучиваю вопросы, стараясь оставаться максимально спокойной и не выдавать своего зашкаливающего за все разумные пределы любопытства.

– Спуктумы? – то'Трон вроде как даже не сильно удивляется, в глазах рождается уважение, а когда он поясняет, становится ясно почему: – Ты совершенно правильно выбираешь направление. Я тоже считаю, что без них ничего не получится. Правда, мне трудно представить, как именно поведут себя цессяне, если мы изменим тактику силовых действий. Ну а специфика самих драконов... – брюнет касается пальцами подбородка, словно задумываясь.

А дальше он рассказывает, а я, открыв рот, заворожённо слушаю, медленно погружаясь в новый для меня мир, который яркими образами рождается в моём сознании...

Зогг всегда был покрыт водой. И зоггиане никогда не питали иллюзий насчёт своего происхождения и не пытались доказать свою причастность к эволюции живого на этой планете. Да, их предки давно, очень давно покинули родной мир, совершили межзвёздный космический перелёт, высадились и заселили новый. О бывшей родине не осталось даже упоминаний, ни одна летопись не содержала указаний на то, где именно она находилась. По всей видимости, слишком неприятными были причины, по которым изгнанники отправились искать новое пристанище, и возвращаться они намерений не имели.

Жизнь на Зогге оказалась трудна, а зоггиан слишком мало, чтобы быстро и легко развить новую цивилизацию. Другая, непривычная пища, давление, необходимость иначе дышать... Но больше всего поселенцы страдали от необычайно опасных, неуправляемых, сжатых в очень плотные струи потоков воды, которые порождались внезапными изменениями электромагнитного поля планеты. Особенно сильными, когда та оказывалась в определённом положении относительно своей звезды. Однако поделаться с этим зоггиане ничего не могли. Им оставалось только приспособливаться и строить укрытия.

Прошло несколько десятков поколений, и ситуация изменилась. Однажды молодой зоггианин, отправившись на охоту, потерял сознание, не смог вовремя вернуться в убежище и оказался в эпицентре стихийного зарождения струй потока. Поначалу он сам не понял, как именно ему удалось выжить, лишь потом осознал, что в отчаянии всеми силами желал, чтобы смертельная опасность его не тронула, ушла в сторону, исчезла... Именно это и произошло. Зоггиане поняли, что структуру потоков можно контролировать: гасить, перенаправлять, изменять.

Это стало самым радостным и значимым событием за всю историю, даже переход кожного дыхания на уровень врождённого признака отошёл на второй план. Теперь зоггиане пытались развить в себе нужные качества, вот только получалось не у всех. Тех, кто с лёгкостью, практически мгновенно умирал стихию, оказалось немного, и это были исключительно мужчины. Именно их и стали называть спуктумы. Драконы.

А потом зоггиане попытались закрепить признак, ждали, что дети унаследуют

способности своих отцов, но, увы, выяснилось, что к генетике подобные умения никакого отношения не имеют. Они возникали вдруг, неожиданно, спонтанно, случайным образом, и спрогнозировать, у какого ребёнка их ждать, было совершенно нереально.

И всё бы хорошо, да только заметили зоггиане ещё одну особенность, неизменно сопровождающую новую, такую нужную способность, – иной характер. Вернее, появление у драконов тех черт, которые исконным зоггианам не были присущи: личностные амбиции, некоторая враждебность, вспыльчивость, своеволие, снижение лояльности... Спуктумы оказались опасны. Их поведение зачастую рушило на корню столетиями создаваемые устои и принципы жизни, те, которые помогали выживать и сохранять потомство.

Зоггиане пришли в отчаяние. Если бы драконы были самодостаточной расой, они могли бы создать своё поселение и жить так, как считали нужным, но ведь подобные им появлялись везде, а в их семьях чаще всего рождались обычные зоггиане! Да и девушек со способностями контролировать потоки так и не обнаружилось.

Дошло до того, что между городами, коих к тому времени стало куда больше, едва не разразилась война, а зачинщиками явились всё те же спуктумы. Конфликт едва сумели погасить.

– Сейчас нам уже куда проще, – переместившийся за время рассказа к окну Ниродин смотрит на меня с улыбкой. – Мы научились со спуктумами сосуществовать и снимать социальное напряжение, порождаемое присутствием драконов. Мы поняли, что они становятся куда более спокойными и безопасными для общества, если активно используют свои способности. Так что в этом смысле появление цессян сыграло и свою положительную роль – драконам есть где себя реализовать в полной мере, не сдерживая своих способностей и потребностей, а сбросив накопившийся потенциал, они становятся совершенно нормальными и адекватными. – Советник на пару мгновений замолкает, всматриваясь в тёмную даль и просит: – Подойди, пожалуйста.

Покидаю кресло и, оказавшись с ним рядом, принимаюсь заинтересованно рассматривать пейзаж. С этой высоты город лежит как на ладони, а чуть в стороне, ограничивая его, возвышается массивный горный хребет.

– Смотри, – рука вытягивается, указывая направление. – Видишь вот то ущелье? В нём очень высокий электромагнитный потенциал, и потоки формируются необычайно мощные. Наши предки и близко бы не подошли к этому месту, а мы построили здесь целый город. Укрощение стихии приносит спуктумам такое же удовольствие, как и другая работа всем остальным. Они соревнуются и дают выход своей агрессивности. Гонки на потоках необычайно захватывающее зрелище.

– А я могу на них посмотреть? – мгновенно загораюсь. Как-никак гонки, а я всегда скорость любила. Да и возможность увидеть спуктумов упускать не хочу, хоть теперь и приходится моему сознанию перестраиваться, каждый раз себе напоминая, что дракон – это зоггианин с необычными способностями, а то, что мы принимали за опасное существо, – всего лишь взятый под контроль водный поток.

– Можешь, конечно, – легко соглашается советник. – Гонки начнутся завтра, я с удовольствием буду тебя сопровождать, если ты не против... Мео, – и снова пауза.

У меня ощущение, что Ниродин упорно меня провоцирует назвать ему настоящее имя. Хотя удивляться, в общем-то, нечему. Он же свободный мужчина. Вот только я не вижу в нём того, кто всё время будет рядом. Согласно, он красивый, умный, обходительный, но... Но нет у меня к нему вот того самого «жить без него не могу», которое описывала Айна. Так что с авансами на будущее подождём.

– Спасибо, буду благодарна, – улыбаюсь, пряча, на всякий случай, руки за спину. – Где мы встретимся?

– Трой тебя привезёт, – на лице зоггианина всё то же спокойное выражение, и, тем не менее, нотки разочарования в голосе я чувствую. – Кстати, – спохватывается, шагая к столу и принимаясь быстро ловить символы. – Время обеда, – коротко объясняет свои действия. – Я сделаю на твоё имя заказ в столовой, она на нижнем уровне, твой хранитель знает. Ты немного отдохнёшь, а потом продолжим. Я познакомлю тебя с теми

членами совета, которым требуется твоя помощь. Заседаний в ближайшие дни не планируется, так что пока ограничимся личными знакомствами, – закончив, он разворачивается и добавляет: – Официальное представление и торжественное вступление в должность у нас не принято. Ты ничем не ограничена в своих действиях. В любой момент можешь уйти, если тебя что-то не устраивает или решишь сменить сферу деятельности. Свобода личности – это главный принцип нашей политики, – окончательно выбивает у меня почву из-под ног.

– Но ведь подобная позиция может иметь и неприятные последствия, – ища опору, я вцепляюсь пальцами в спинку кресла. – Вдруг получится так, что кто-то оставит недоделанную работу в самый ответственный момент, решив, что хочет иную? Это же однозначно приведёт к катастрофе! Или, предположим, в какой-либо сфере вашей жизни, ну, например, производстве пищи, некому будет работать, если она не будет никого привлекать. Как быть в этом случае?

– Ответственность.

Всего лишь одно слово и строгий, серьёзный взгляд, а я уже понимаю, насколько глупой выгляжу в его глазах. Зоггиане необычайно правильные и социализированные. У них даже мыслей нет о том, чтобы поставить своё «я» на первое место. Мне становится безумно стыдно за свои необдуманные вопросы.

Хорошо, что Трой появляется вовремя, отвлекая Ниродина, и мне не приходится прибегать к ухищрениям, чтобы скрыть краску на лице. Зато после отдыха, когда возвращаюсь к своей работе и знакомлюсь с советниками, в разговорах высказываюсь более осторожно, обдумывая каждую фразу. В итоге, когда прощаюсь до завтра, вновь удостаиваюсь восхищённого взгляда то Трона и уношу с собой ещё три цветочка, подаренных собеседниками. Если пополнение будет продолжаться такими темпами, мне одной вазы не хватит! А если ваз станет больше, то куда их ставить? Столик точно не вариант. И вообще не пора ли мне перебраться в более просторное помещение поближе к месту работы?

– Не пора, – по-хозяйски распределяя цветы в ёмкостях, отрезает Трой, предварительно уложив меня отдыхать, потому как я, по его мнению, сегодня слишком рано проснулась. – Ты хорошо себя чувствуешь только потому, что в лазарете специальные условия: чуть иное содержание кислорода и особое питание. Понемногу привыкать к привычной для нас обстановке тебе можно, но окончательный переход пока нежелателен.

– Ну хорошо, – предпочитаю с ним не спорить, – а потом, когда получу разрешение покинуть лазарет, я смогу выбрать себе жильё?

– Сможешь, только...

– Что «только»? – моментально просекаю, что вот тут я нарвусь на ещё какую-нибудь зоггианскую фишку. – Трой?! – возмущённо окликаю, потому как вместо того чтобы нормально ответить, хранитель, делая вид, что безумно занят, принимается рассматривать содержимое очередного свёртка, извлечённого из-под кровати.

– Видишь ли, Лила, – тот морщится, но прекращает пускать пыль в глаза и садится напротив. – Дом строит мужчина, после того, как становится совершеннолетним. Когда у него появляется семья, соответственно, он его расширяет и достраивает. Просто свободных домов нет. Ты можешь переехать только в тот, в котором живёт твой хранитель.

Упс... Вот теперь фраза Айны: «Латон меня заберёт» приобретает для меня новый смысл. Не самый оптимистичный.

– То есть жить в одиночестве я не могу? – делаю логический вывод, нервно скручивая край покрывала.

– В городе да, – мягко поясняет парень, отбирая у меня одеяло, разравнивая и вновь меня укрывая. – Но можешь остаться в лазарете, тебя отсюда никто не выгоняет. А когда я построю свой дом, ты будешь жить в нём. Если до этого времени не найдёшь своего хранителя.

Ну, зоггиане! Всё продумали! Даже то, как подтолкнуть девушек к своим мужчинам! И ведь настолько ненавязчиво это делают, что придраться не к чему! Это, конечно, не то фактическое отсутствие выбора, которое у меня было на Цессе или во время работы в компании, но всё равно становится неприятно. С другой стороны, не хочу же я всю жизнь провести в одиночестве? То есть с временным хранителем?

Прислушиваюсь к себе и понимаю, что нет, не хочу. Мне тоже нужна нормальная семья, дети. Я очень хочу быть счастливой и любимой. Тем более что исчезла навязанная необходимость рожать ребёнка от Монта. Так чего же тогда возмущаться? Тут радоваться нужно!

На этой позитивной ноте и засыпаю, а утром моё настроение становится ещё лучше. Потому как меня ждут гонки! Впрочем, даже не это меня воодушевляет так сильно, а то, что там будут спуктумы! Ведь идея допросить одного из них так и сидит в моей голове, дожидаясь своей реализации.

На этот раз до города мы не доезжаем, почти на половине пути сворачиваем в сторону, огибая каменистое плато, на котором расположено какое-то производство, и направляясь к хребту. Перевал ещё только приближается, а уже становится ясно, что не мы одни такие заинтересованные. Количество гиклов, стремительно перемещающихся в том же направлении, просто огромное! Некоторые едут совсем рядом, и я, рассматривая водителей, вдруг замечаю среди них девушек. Вот нас обгоняет совсем молоденькая шатеночка. Вот, чуть выше, хорошо заметна пара: женщина солидного возраста и юноша за её спиной. Вау! То есть, получается, я тоже могу управлять ускорителем?! Теперь жду не дожусь момента, когда можно будет этому научиться!

В один прекрасный момент замечаю ещё одного водителя, который вот уже несколько минут держится чуть позади, но не отстаёт и не обгоняет. Оборачиваюсь, всматриваясь в знакомые черты, и получаю приветственный жест и улыбку. Любопытно, как то'Трон ухитрился нас разыскать в такой массе движущейся техники?

Когда перед нами вырастает склон подводного хребта, на нём уже прекрасно различимы посадочные площадки, до отказа заполненные гиклами, оказавшимися здесь раньше. Я уже начинаю сомневаться, что нам удастся найти места для парковки, потом вижу чуть дальше совсем свободные и понимаю – ответственность зоггиан даже в этом проявляется! Они паркуются там, где это сделал предыдущий водитель. И только если эта стоянка заполняется полностью, перемещаются к следующей.

Оставив средство передвижения, мы, так же как и другие оказавшиеся на этой площадке зрители, неспешно подплываем к тёмному проёму в скале. Когда приходит наша очередь, Ниродин кивает, чтобы мы шли первыми, и Трой, не раздумывая, утягивает меня внутрь. Чувствую, как нас подхватывает сильное течение и словно по трубе несёт куда-то вперёд и вверх. Через минуту мы уже стоим на козырьке одного из склонов, обрамляющих перевал.

Мест для зрителей здесь ровно столько, сколько на нашей парковке гиклов, с учётом того, что на каждом может быть два седока. К тому же сиденья, по сути представляющие собой длинные ступени, вырубленные прямо в скальной породе, располагаются ощутимо высоко друг над другом, поэтому сидящий впереди нисколько не закрывает обзор тому, кто находится сзади. Вижу, как заполняется соседняя смотровая площадка, и в который за сегодня раз удивляюсь, насколько у зоггиан всё продумано.

Мы занимаем самый верхний ряд, и я оказываюсь между мужчинами. Справа сидит Трой, слева – Ниродин, а прямо передо мной разворачивается ошеломительная в своей глобальности панорама глубинного разлома. Вернее, и по сути, – его дна. Несмотря на расстояние и привычный уже глазу сумрак, видно, что пространство совершенно пустое. Там, между покрытыми голубыми переливами трещинами, ничего и никого нет. А где же тогда драконы? И за кем спуктумы будут гоняться? Даже приподнимаюсь, стараясь рассмотреть дно получше. Вдруг чего не заметила!

Ощущаю лёгкое прикосновение ладони к плечу и опускаюсь обратно, оборачиваясь к советнику.

«Не спеши, – его пальцы складываются в простенький знак. – Придёт время, и ты всё увидишь», – теперь конструкция становится сложнее, но меня не это смущает, а то, что

то Трон знает о моём умении понимать жесты. Значит, я ошиблась, и он тогда Трою машинально пальцами приказ отдал?

Терпеливо жду хоть каких-нибудь событий, рассматривая зоггиан на соседних площадках. Вижу, в основном, затылки, потому как другие платформы выдаются вперёд чуть сильнее нашей, но когда один из мужчин поворачивает голову, я, рассмотрев его профиль, не верю своим глазам. Кит! Это Кит, точно! Но он же дракон! Почему среди зрителей? Или сегодня решил в гонках не участвовать?

Мужчина меня не видит, снова отворачивается, и я остаюсь в лёгком разочаровании. Хотя... чего я хотела? Глупо было надеяться, что среди такого большого скопления народа появится шанс с ним поговорить.

Ещё в большем нетерпении и возбуждении жду начала и неожиданно осознаю, что всё вокруг замирает. Если до этого зрители активно двигались, да и течение чувствовалось, то теперь наступает полное затишье. Секунда. Две. Тонкий, едва заметный поток, похожий на маленький смерч, вдруг взвивается вверх. И тут же рядом с ним рождается второй. Третий. Ещё немного, и сотни набирающих мощь потоков устремляются ввысь, к поверхности океана. У меня возникает ощущение, что это и есть те самые фонтанчики, которыми я любовалась, защищённая куполом базы цессян.

Проходит ещё немного времени, и становится понятно, что прямолинейные траектории потоков начинают сбиваться. Их сносит в сторону, перекручивает между собой, ломает. Водные вихри складываются, слипаются, набирают силу, трансформируются и... И из них рождаются спуктумы. Тьфу! Контролируемые потоки! Долго же я теперь буду привыкать к иному видению происходящего!

Но как бы я ни старалась, в этих прозрачных, текучих, переливающихся зеркальным блеском, до жути знакомых и пугающих явлениях я всё равно вижу нечто живое. Может, это из-за формы, в которую они облакаются? А может...

Теряю мысль, наблюдая как «существа», которых становится всё больше, суматошно мечутся по импровизированной арене, всё чаще оказываясь совсем близко от зрителей. Кошусь на своих спутников, но, кроме интереса в глазах, ничего особенно не вижу и успокаиваюсь. Значит, не опасно. Ой!

Обдав нас прохладным шлейфом тянущейся за ним воды, один из призрачных драконов стремительно проносится мимо, направляясь к соседней площадке, где сидит Кит. И вот тут понимание происходящего утрачивается окончательно, потому что вижу, как мужчину, который за несколько секунд до этого поднялся со скамьи, подхватывает потоком, и он оказывается на спине этого весьма своеобразного средства передвижения. Ошарашенная увиденным, даже не сразу замечаю, что не он один такой счастливчик. Уже около десяти зрителей, сидящих на разных площадках, исчезли со своих мест, превратившись в наездников, и теперь с видимым удовольствием, которое прекрасно читается на их лицах, когда спуктумы проносятся мимо, обкатывают своих водяных драконов.

Замираю, не отрывая глаз от завораживающего зрелища. Хорошо, что дышать не нужно, потому как у меня дыхание точно бы остановилось. Сердце, и то стучит с какими-то переборами. А в голове только одна мысль: «Я тоже так хочу!»

Драконы же, не теряя времени, сбиваются в плотную группу, ощутимо выхолаживая окружающую их воду, и вдруг, словно по команде, срываются с места, уносясь в тёмное пространство океана.

Гонки спуктумов на потоках. Невероятно.

Как и другие зрители, смотрю вдаль, ожидая возвращения драконов. Краем глаза замечаю, как широко улыбается Ниродин, которому, похоже, наблюдать за моей реакцией куда интереснее, чем за знакомым зрелищем, но даже не заостряю на этом внимания. Азарт и предвкушение! Вот то, на чём сосредоточивается моё сознание.

Проходит несколько минут, прежде чем мы понимаем, что укрощённые потоки возвращаются. Мощные, прекрасные, они практически все одновременно влетают в ущелье, я даже не сразу понимаю, кто же из наездников привёл своего дракона первым.

Лишь потом замечаю, что поток, на котором сидит Кит, триумфально поднимается выше остальных.

Вау! Здорово! Я в нём нисколько не сомневалась! В душе рождается такая эйфория, которую трудно удержать в себе. Следуя заразительному примеру остальных зрителей, я вскакиваю, размахивая руками, присоединяя их к молчаливой массе рук, раскачивающихся в тишине морского мира, больше похожей на колеблющуюся водную поверхность.

Кстати, звуки! Слышится мерный гул, похожий на шум в ушах, да ещё тонкий, близкий к ультразвуку свист, усиливающийся по мере приближения драконов. А ещё громкий и такой знакомый визг, разрывающий барабанные перепонки, когда наездники, оказавшись в ущелье, спрыгивают на свои посадочные площадки, с которых стартовали, а их потоки взмывают ввысь и распадаются, превращаясь в спокойную воду. Когда ликвидатор «убивал спуктума», слышался такой же неприятный вой. Значит, всё же это не яростный вопль, а просто звук теряющих структуру водных течений.

С улыбкой смотрю, как прямо над нами, задевая протянутые к нему ладони своим холодным «языком», проносится поток, несущий на себе Кита. Вот только вместо того чтобы соскочить на свою площадку, спуктум вдруг поворачивает и возвращается. Вижу, как мужчина хмурится, присматриваясь к зрителям, словно кого-то ищет. Встречаюсь с ним глазами, и на лице дракона мгновенно отражается целая буря эмоций. Изумление, радость, торжество. Он даже спрыгивает совсем рядом со мной, отправляя поток распадаться в светлеющую высь.

Всего лишь мгновение ему требуется, чтобы приобрести равновесие, шагнуть и оказаться ещё ближе. Сильный, красивый, уверенный в себе. В тёмных глазах столько видимого удовольствия, что мне безумно завидно становится, а желание получить аналогичную порцию адреналина возрастает до заоблачных высот. Его пальцы складываются в приветственный жест, тут же сменяющийся вопросом: «Тебе понравилось?»

Активно киваю и соединяю ладошки, сплетая пальцы: «Это было великолепно! Прекрасно! Поздравляю! Я знала, что ты самый-самый лучший спуктум! А мне можно на потоках покататься?»

Наверное, вопрос я строю не совсем верно, потому что выражение лица Кита мгновенно меняется. Рот приоткрывается, глаза округляются, и он так изумлённо на меня смотрит, словно я откровенную чушь сказала. У хранителя такая же физиономия была, когда я ошибалась в составлении фраз. Так. Где же я напортачила?

Внимательно смотрю на свои руки, лихорадочно вспоминая всё, чему научилась, и складываю ещё раз.

Ну, теперь-то понятно? Что, снова не так?

В отчаянии оборачиваюсь к Трою и вижу аналогичную моську. Уже совсем растерявшись, отыскиваю взглядом Ниродина, который, к счастью, на немой вопрос в моих глазах реагирует адекватно:

«На потоках никто не катается», – вижу лаконичное пояснение.

«Почему?» – пальцы соединяются раньше, чем я задумываюсь о том, что спрашиваю.

«Потому что это опасно для тех, кто не имеет способностей спуктума», – отвечают мне резкими движениями, то есть весьма строго.

Расстроено смотрю в ущелье, где уже нет того буйства стихии, которое сводило с ума зрителей несколько минут назад.

«Ты на самом деле хочешь снова оказаться внутри потока? Не боишься?» – оживает Кит, словно только сейчас поверив в то, что я действительно попросила именно об этом.

«Не думаю, что это хорошая идея», – хмурится то'Трон.

«Хочу! Один разочек! Пожалуйста!» – умоляюще складываю ладошки.

«Я тебя покатаю, – по всей видимости, не выдерживает моего напора ти’Стор, соглашаясь на явную авантюру. – Завтра вечером, когда сила потоков будет не так высока».

Едва ли не подпрыгиваю от счастья. Я бы и дракона обняла на радостях, но приходится сдерживаться, потому как останавливает меня беспокойный взгляд Троя. Да, помню, активно двигаться мне нежелательно. Или это хранитель заранее переживает за исход катания? Пожалуй, на второе больше похоже, ведь на спуктума он смотрит не слишком дружелюбно.

Ниродин, кажется, тоже не в восторге от назревающих перспектив. Его пальцы переплетаются, несколько раз меняют положение, втолковывая что-то Киту, но стоит советник ко мне вполоборота, и мне не слишком удобно воспринимать то, что он адресует другому лицу. Различаю разве что отдельные рваные фразы: «... исключительно на мелководье... не допустить снижения контроля... безопасность в таких условиях... получишь инструктаж...».

С нетерпением жду, как же отреагирует на подобное нравоучение спуктум, но тот только внимательно следит за мельтешением пальцев, а когда те останавливаются, складывает свои в один очень простой и понятный знак: «Согласен», а потом улыбается. И улыбка эта не для советника. Это мне обещание и короткое прощание, потому что мою чрезвычайно озабоченную приключениями персону уже утаскивают в тёмный проём скалы. Успеваю лишь взмахнуть ладошкой в ответ.

Я думала, мы в лазарет вернёмся, но нет. Трой следом за скользящим чуть впереди гиклом то’Трона поворачивает к городу. Оу! У нас дела?

– Совет собирает экстренное совещание, – отрывисто извещает меня Ниродин, едва мы оказываемся в воздушном пространстве приёмной. – Через час все советники будут в зале заседаний. Тебе тоже следует там присутствовать.

– Что-то случилось? – начинаю чувствовать беспокойство. Не из-за моей же выходки такая суматоха?!

– Я пока не в курсе, – шагая впереди меня, то’Трон оглядывается. – Мне только передали информацию. Посиди здесь. Я ненадолго, – останавливает моё передвижение в одной из комнат анфилады, заканчивающейся его кабинетом, и исчезает за дверью.

Присаживаюсь на диванчик и, поскольку разговаривать мне не с кем – Трой благополучно исчез где-то по пути, принимаюсь рассматривать цветы, которыми украшено помещение. Красивые. А мне сегодня ещё никто ничего не подарил. Кит, наверное, не знал, что я буду на гонках, а Ниродин...

– Мео! – раздаётся громкий голос советника, и он сам появляется в раскрывшемся проёме. Ну вот, стоило только о нём подумать! – Зайди, пожалуйста.

Переступив порог, я ошутимо удивляюсь. Он не один, оказывается. В кабинете ещё две неизвестные мне личности, представляющие сильный пол. За столом сидят, беседовали, по всей видимости.

Закрыв за мной дверь, Ниродин ждёт, пока я выберу себе посадочную площадку, и протягивает какой-то предмет.

– Это твоё?

Рассмотрев то, что у него в руках, я теряю дар речи. Неуверенно забираю толстенькую книгу и раскрываю, невольно пролистывая странички. Останавливаюсь, читая такие знакомые строки:

Часть 4

Практические навыки искусства выживать

Держать внимание

Неожиданностей не бывает. Лишь плохая концентрация, отсутствие сосредоточенности и слепая вера в то, что ты готова ко всему.

Ну да. Здесь был пустой раздел, оставленный для пометок, и я это в нём для себя написала, когда после первой охоты вернулась. Я тогда едва не пропустила появление дракончика. Растерялась, ведь реальность всё же не теория, пусть и закреплённая практикой в обучающем комплексе. Удачно всё закончилось каким-то чудом. Вернее, своевременным вмешательством Денажа.

Что происходит? Откуда у зоггиан моя инструкция? Она же на базе осталась, в комнате, где я жила! То, что Ниродин догадался, кому именно принадлежит издание, удивляет меня куда меньше – имя, моё настоящее имя, то есть его первая часть, ему, похоже, известно, а оно как раз на самой первой страничке написано. Как-никак личная собственность.

– Моё, – киваю, потому что то 'Трон ждёт ответа. Хотя и не понимаю, что же такого страшного может быть в инструкции? Там же нет ничего криминального и важного, разве что какие-то нюансы относительно того, кто такие приманки. Впрочем, уверена, их давным-давно другие девушки озвучили своим хранителям. – Вам её кто-то отдал? – вопрос адресую мужчинам, потому как понятно, что советнику буклет достался на пару минут раньше, чем его взяла я.

Не ошибаюсь, один из них мне и отвечает:

– Я это нашёл. Захватил с собой потому, что имя мне показалось знакомым.

Ну вот! Сколько ещё зоггиан в курсе того, как меня зовут? Какой вообще тогда смысл в другом имени, если все кому не лень знают настоящее!

– Что значит «нашёл»? – отбросив второстепенное, сосредотачиваюсь на главном. – Где?

– Подводная база цессян разрушена, – наконец опускается в кресло рядом Ниродин. – Сегодня ночью кто-то их атаковал.

– Мы, едва поняв, что произошло, прибыли на место, чтобы выяснить масштаб бедствия, – вступает в разговор третий зоггианин. – Защитный купол сильно повреждён, все внутренние корпуса затоплены.

– А погибшие?.. – я нервно сглатываю и, наверное, бледнею, потому что Ниродин берёт меня за руку и сжимает пальцы, чтобы поддержать.

Мужчины обмениваются хмурыми взглядами, а я зажмуриваюсь и прикусываю губу. Ну да, это же война. Она не бывает без тех, кто платит своей жизнью за амбиции других. Знаю. Понимаю. И всё равно удержаться не получается.

– Жертв немного, не более двадцати цессян, и женщин среди них только две, – мужской голос пробивается как сквозь вату. Я даже не очень понимаю, кто именно мне это говорит. – По всей видимости, во время атаки они находились в открытых зонах. Те, кто отдыхал в своих комнатах, остались живы – герметичность помещений их спасла. Мы забрали всех тех, кто оказался в ловушке. Тридцать четыре девушки и около шестидесяти мужчин. Сколько на базе было цессян?

– Сто восемьдесят, – осторожно высвобождаю ладонь, которую успокаивающе поглаживает Ниродин, и стираю появившиеся на щеках дорожки слёз.

– Ясно, – откликается один из мужчин. – Значит, остальные успели эвакуироваться. Я так и думал, – смотрит на советника.

Тот коротко ему кивает и вновь оборачивается ко мне.

– Ты знаешь, кто мог это сделать, Мео? – смотрит внимательно. – Мы должны понимать, что именно происходит и чего нам ждать дальше. Цессяне, разумеется, будут допрошены, но это потребует времени, а информация нам нужна срочно.

Вспоминаю и складываю все те обрывочные сведения, которые у меня есть. Немного, но достаточно для того, чтобы сделать правильные выводы.

– Думаю, что да, – озвучиваю, постепенно успокаиваясь, но голос всё равно срывается.

Это вызывает новую волну сочувствия ко мне со стороны мужчин. С минуту они молчат, наверное, решив больше меня морально не расстраивать, и обмениваются короткими знаками. В смысл их разговора я даже не пытаюсь вникать. Всё, что мне нужно знать, уже сказано.

Короткий звуковой сигнал, и зоггиане как по команде поднимаются, покидая кабинет.

– Идём, Мео, – мягко просит Ниродин, помогая мне встать. – Совет собирается.

Совет... Двадцать мужчин разных возрастов, расположившихся в зале с потолком, исчезающим в тёмной вышине. Сидят на невысоком подиуме, образующем круг со свободным центральным пространством. Столбы за их спинами светятся привычным голубым светом, рождаемым вертикальными трещинами в материале, и это единственный источник освещения. Именно поэтому происходящее кажется мне каким-то нереальным, словно я фильм смотрю.

Отыскав свободное пространство между двумя советниками, Ниродин опускается вниз и тянет меня за руку, вынуждая приземлиться рядом. Сидеть оказывается неожиданно удобно, потому что на полу есть небольшие мягкие подушки, я их просто не сразу замечаю.

– Начнём, – немедленно поднимается неизвестный мне мужчина и шагает в круг, в центре которого тут же рождается объёмная проекция, имитирующая базу цессян. – Надеюсь, что все успели ознакомиться с переданной вам информацией, и мне нет смысла её повторять. Озвучу только данные, поступившие только что, – зоггианин шагает к виртуальной базе и увеличивает изображение, позволяя детально рассмотреть разрушенные конструкции. – Первое. Характер повреждений свидетельствует о том, что пробивший купол луч пришёл из космоса. Это не был внутренний взрыв, как мы предположили изначально. Второе. На орбите обнаружены чужие корабли, – теперь изображение уменьшается до размеров планеты, сдвигается и вновь увеличивается, демонстрируя зависшие над Зоггом объекты. – Транспортные шаттлы цессян, стартовавшие после катастрофы, перехвачены ими. Третье, – и снова картинка меняется, на этот раз показывая нам всю планетарную систему Фиссо, где, пересекая орбиты соседних планет, быстро движутся яркие точки. – К нам приближаются сразу две группы кораблей. Если их скорость не изменится, обе придут к Зоггу через трое суток. Идентифицировать, то есть сличить их с теми, которые находятся на орбите, мы пока не в состоянии, слишком велико расстояние, но...

Не закончив фразы, советник разворачивается, осматривая присутствующих. Его взгляд останавливается на лице то'Трона, перемещается на моё, и мужчина делает шаг, протягивая руку, весьма недвусмысленно дав понять, что просит выйти к нему. Через секунду я оказываюсь на всеобщем обозрении. Невольно ёжусь, робея от неприятного ощущения пристального внимания.

– Советник Мео, – мужчина вновь увеличивает изображение кораблей на орбите. Теперь один из них виден в мельчайших деталях. – Ты можешь определить, кому принадлежат эти корабли? Как я понял, у тебя есть информация на этот счёт. Верно?

– Я не технический специалист, – качаю головой, всматриваясь в конфигурации конструкций, которые ничего мне не говорят. До меня доносится разочарованный вздох, и это, будто порыв ветра, моментально уносит в далёкую даль одолевшую меня скованность. Разворачиваюсь к советнику, впиваясь взглядом в его глаза. – Но в этом нет никакой необходимости, – решительно заявляю. – Я уверена, что это ипериане!

Мой звонкий голос эхом отражается от стен и возвращается, усиливая эффект от столь резкой смены поведения. Советники начинают шевелиться и перешёптываются, беспокойно обсуждая не то само известие, не то меня саму. И только на лице Ниролина, который так и сидит в молчаливой неподвижности, я вижу улыбку, а в глазах какое-то подозрительное выражение, похожее на восхищение. Впрочем, не до него сейчас.

– Активность кораблей цессян в этом районе спровоцировала ипериан обратить внимание на происходящее, и они узнали про ултриз на Зогге. Вернее, его монопольную добычу. Правительству Цесса был послан ультиматум, но, насколько я понимаю, переговоры положительных результатов не принесли. Ултриз продолжили добывать, и именно поэтому ипериане напали на подводную базу. Вы хоть в курсе, что в нашем секторе Галактики уже больше двухсот лет идёт война?! – скольжу взглядом по лицам присутствующих, и голос мой звучит, пожалуй, ещё громче, чем раньше. – И силовой захват того, что желательно иметь, давно стал нормой? Цесс держал нейтралитет до последнего, поскольку ранее не испытывал потребности в чужих ресурсах. Ипер же вступил в эту межпланетную бойню лет пятьдесят назад. Он находится... – оборачиваюсь к стоящему рядом мужчине. – У вас есть карта ближайших звёздных систем?

Мелькнувшее ошеломление в глазах, краткий знак, и через несколько секунд меня окружает трёхмерное изображение звёзд, застывших яркими точками в пространстве. Удовлетворённо киваю, отыскиваю нужные. Я не астроном, но, к счастью, историки изучают не только Цесс!

– Вот! – касаюсь пальцем жёлтого массивного шара. – Это Эфус, звезда, вокруг которой вращается Ипер. А здесь, – отступаю на пару шагов, подводя ладонь под маленький белый сгусток звёздной материи, – Бокус и, соответственно, Цесс. Фиссо лежит на пути между этими мирами, – провожу в воздухе прямую, соединяющую звёзды, и останавливаюсь около небольшого голубовато-зелёного светила. – А теперь посмотрите на траектории летящих к Зоггу кораблей! Наложите их на эту карту! Видите! – триумфально восклицаю, потому что кто-то, мне неизвестный, управляющий проекцией, догадался совместить изображения и теперь даже дилетанту понятно, насколько я права. – Флот ипериан! – мой палец указывает на одну группу кораблей и тут же перемещается на другую: – Цессяне приближаются с противоположного направления. Мирного развития ситуации не будет однозначно! Это полномасштабная военная операция, и она затронет ваши интересы!

Замолкаю, переводя дыхание и оценивая реакцию советников, которые во время выступления меня не перебивали, но руки их без движения не оставались. То есть обсуждать между собой то, что я говорю, они успевали.

– Спасибо, Мео, – отступивший в тень мужчина вновь возвращается в круг. – Это очень важные сведения. Можешь отдохнуть.

Меня отправляют на прежнее место, под опеку предупредительно пододвинувшего подушку то'Трона, и принимаются дискутировать. Только вот выводы, которые советники делают на основании того, что я рассказала, вводят меня в основательный ступор.

Сначала я ещё порываюсь вмешаться, но Ниродин меня останавливает, взглядом попросив этого не делать. И я послушно держу себя в руках. До тех пор, пока заседание не заканчивается и мы не оказываемся в его кабинете. Зато там даю волю бушующим в душе эмоциям.

– Это же неправильно! – падаю в кресло и тут же вскакиваю, принимаясь ходить по помещению. – Вы ничего не сделаете?! Не выйдете на контакт?! Не заявите о себе?! Просто будете наблюдать и ждать, чем закончится противостояние?! Неужели не ясно, что это ни к чему хорошему не приведёт?! – едва ли не за голову хватаюсь, потому что понять не могу подобной тактики. – А как же приманки? – чувствую, как ком подступает к горлу. – Вы же не хотели их терять!

Ниродин ловит мою руку и останавливает, вернее, подводит к окну.

– Посмотри туда, Мео, что ты видишь? – негромко спрашивает.

Не ожидая подобного вопроса, несколько секунд непонимающе на него смотрю и лишь потом перевожу взгляд в тёмные глубины.

- Океан, – наконец нахожу приемлемый ответ.

- Верно, – мужчина прикладывает ладони к прозрачной поверхности, всматриваясь в сгущающийся сумрак. – Он может себя защитить. Нам не обязательно афишировать своё присутствие. Тем более что единственный цессянин, который был в курсе того, что Зогг обитает, находится у нас. А девушки, – он разворачивается лицом ко мне, прислоняясь спиной к гладкой поверхности. – Мы их и не потеряли. Все приманки, спасённые сегодня, пройдут адаптацию и останутся на Зогге, а другие... – он протягивает руку, осторожно касается подушечками пальцев моего запястья и скользит к плечу, – ... их не будет.

- Почему? – мои глаза изумлённо расширяются, наблюдая за его странными действиями. – Это же ваша мечта!

- Мечта ничего не стоит, если она требует невозможного! – широкая ладонь зарывается в волосы, принимаясь мягко массировать затылок. Секунда моего замешательства, рывок, и зоггианин оказывается совсем близко. – Нужно мечтать лишь о том, что реально. Разве не так... Мео? – жаркий выдох, опаливший висок, сильная рука, с нажимом спускающаяся по спине, и мощное тело, прижавшее меня к стене.

Дыхание учащается, сердце выстукивает бешеный ритм, подчиняясь взбесившимся гормонам, а в душе нарастает обида. Он же был таким учтивым! Предупредительным! Трой говорил, что мужчины никогда не нарушают приличий и не переступают черты, которую обозначает девушка. Что произошло? Разве я дала ему повод? Почему Ниродин позволил себе изменить собственным принципам? Неужели всё хорошее в зоггианах только на словах?!

- Отпустите! – отталкиваю мужчину, стараясь вырваться.

- Зачем? – хрипло откликается он, ещё теснее прижимаясь ко мне. Словно доказывая, что против него у меня нет шансов. – Ты нелогична, – страстно шепчет, зарываясь носом в мои волосы. – Требуешь от совета решительных действий и не желаешь принимать аналогичные мои. Разве это правильно?

Советник неожиданно отстраняется, убирая руки. Вернее, упирая их ладонями в стену по бокам от меня, чтобы не сбежала, но больше не касается, только смотрит внимательно. Впрочем, мог бы и не страховаться, потому что я, почувствовав свободу, замираю, не веря тому, что происходит.

Ниродин тяжело вздыхает и качает сокрушённо головой.

- Прости за эту некрасивую демонстрацию, Мео, – говорит абсолютно другим голосом. Привычным, мягким, рассудительным. Словно и не было в нём той страсти, которую он не мог в себе удержать. – Но ты должна была вспомнить и больше не забывать одно очень простое правило: прежде чем принимать решение, задумайся, честна ли ты сама с собой. Ты же не хочешь насилия, не желаешь его для себя. Я ведь вижу, что это так, иначе твоя реакция на мои действия была бы другой. Ты прекрасно знаешь, что для нас это так же неприемлемо, я столько раз тебе об этом говорил. Почему же ты так страстно желаешь, чтобы мы ввязались в эту войну? Навязывали кому-то своё мнение? Диктовали условия? Принимали чью-то сторону, соглашаясь на применение насилия в отношении других? Чем наше поведение в этом случае будет отличаться от моего минуту назад?

Я – дорада! Мне не консультантом нужно быть, и уж тем более не советником, а сидеть дома, рожать детей и в чужую политику не лезть.

- Ты совершенно напрасно себя коришь, – то Трон словно мысли мои читает, потому что я молчу, а его слова звучат в унисон моим умозаключениям. – Ломать устоявшиеся стереотипы необычайно трудно, а тебе сейчас именно это приходится делать. Впрочем, в полной смене мировоззрения нет необходимости. В твоей работе консультанта это будет даже мешать. – Он отталкивается от стены, расширяя оставленное мне жизненное пространство, и аккуратно подхватывает мою впавшую в ступор персону под локоть, чтобы подвести к двери. По дороге ухитряется стянуть со стола инструкцию, которую я там оставила, и вручить мне в руки вместе с цветочком, добытым из вазы. – Достаточно того, что ты с большим вниманием начнёшь относиться к нашей позиции в вопросах контактного взаимодействия с другими цивилизациями. Идёт?

Вопрос звучит почти весело, а в глазах... В них точно сожаление. О чём? О том, что моё сознание оказалось не столь толерантным, каким виделось советнику? Или же о том, что моё поведение не соответствовало тому, которого он ждал? Так, может, его нотация вовсе и не воспитательная акция, а попытка спровоцировать и узнать моё к себе отношение? Очень уж натурально Ниродин играл.

Только вот задавать прямой вопрос, чтобы получить ответ, я не собираюсь. Если и занесло мужика, то он исправился. Всё. Дело закрыто. Потому и киваю уверенно, и улыбаюсь в ответ, лишь бы напряжение снять да на новый выговор не нарваться. Нет уж. Хватит. Больше я ошибок не делаю. Слишком они мне (то есть моей психике) дорого обходятся.

С самой что ни на есть счастливой физиономией, сжимая в ладонях память о моей прошлой жизни и очередной подарок, шагаю через порог под надзор терпеливо ожидающего окончания нашего разговора Троя. Домой, домой, домой! Сейчас лазарет – моё спасение! Мысли в порядок привести, морально успокоиться, просто расслабиться, в конце концов! Тем более что завтра новое заседание, и касаться оно будет судьбы пленников. Я его пропускать не хочу, да и не могу, то есть не имею морального права – то Трон уже на выходе, но предупредил, что моё присутствие является обязательным. Как ни крути, психология цессян мне лучше знакома, чем зоггианам, которые хотят знать, как отнесутся спасённые к ограничению своей свободы. Представители сильного пола, естественно. Потому что девушки пройдут стандартную процедуру адаптации и найдут себе хранителей, тут обсуждать нечего.

– Не думаю, что разумно позволить мужчинам-цессьянам жить в Ожевероне, – первые же слова ведущего совет, на который мы все собрались ни свет, ни заря, доказывают мне, что заседание будет непростым. – Да, этот город построен именно для того, чтобы контролировать деятельность пришельцев. Но это не значит поголовно допускать в общество. Мужчины – это не девушки, которые готовы забыть своё не самое приятное прошлое, чтобы получить реальный шанс найти настоящее счастье. Психология цессянских мужчин иная, чуждая. Уверен, они будут дестабилизировать отлаженный механизм общественной жизни похлеще, чем драконы. Это так, Мео?

Советник ждёт всего лишь подтверждения того, что он не ошибся в выводах, поэтому я не выхожу в круг, остаюсь сидеть, просто киваю, и зоггианин продолжает:

– Следовательно, если мы всё же адаптируем всех спасённых, за мужчинами необходимо будет вести постоянный тотальный контроль. Кто согласится это делать? Тем более что работа может быть связана с применением насилия.

– Тогда какие варианты? – в полумраке зала я слышу только голос. Кто именно говорит, разобраться трудно, а на всеобщее обозрение советник не выходит. – Долго держать спасённых в пузыре на мелководье – нереально, слишком много требуется ресурсов для стабилизации его структуры на малой глубине. Да и какой в этом смысл? В город – нельзя, тут Эделот прав. Убить – негуманно, зачем тогда спасали? Отпустить – равносильно убийству, самостоятельно в океане они не выживут. Передать тем, кто летит им на выручку, – глупо, тем самым однозначно раскроем своё присутствие. Мы сами себя загоняем в тупик, вам не кажется?

Гулкая волна пробегает по залу, отражаясь от стен и возвращаясь обратно в круг. Сейчас мужчины обсуждают дилемму в большей степени между собой, нежели сообща. Даже Ниродин, забыв обо мне, вполголоса беседует со своим соседом, сидящим по правую руку от него.

Воспользовавшись отсутствием его внимания, я поднимаюсь, шагая в круг.

– Вы забываете о двух очень важных факторах! – с вызовом смотрю в глаза советников, которые, среагировав на появление нового оратора, прекращают обсуждение. – Первый, – сжимаю ладошку в кулак, отгибая указательный палец. – Пленные цессяне сидеть в пузыре и пассивно ждать не будут. Обязательно что-нибудь предпримут для того, чтобы освободиться и дать знать другим о том, что живы. То есть так или иначе, рано или поздно, но ваше присутствие на Зогге перестанет быть тайной. Если, конечно, вы не убьёте цессян до того, как они это сделают, – игнорирую возмущённый ропот и продолжаю: – Второй, – добавляю к указательному пальцу средний. – Сам факт того, что среди спасённых находится управляющий, играет против вас. Он – альбинос, а не

меланист. У него влияние и связи с правящей династией. Его будут искать до тех пор, пока не найдут, вне зависимости от того, жив он или нет. А это опять-таки увеличивает вероятность вашего обнаружения.

– Что ты предлагаешь? – хмурится Эделот.

– Спасённые станут отличным инструментом давления...

– Мео! – обрывая меня, раздаётся возмущённый возглас то'Трона.

Ну ещё бы! Столько вчера сил потратил на воспитание, а я опять за своё.

– ... давления на цессян, – неумолимо продолжаю, не обращая внимания на поднявшийся гул неодобрения. – Да, с точки зрения гуманизма это неправильно, но разве вы не видите, что происходящее не укладывается в привычные и удобные вам рамки? Мирным путём или политикой невмешательства вы ничего не добьётесь, только усугубите ситуацию ещё больше! При всём моём уважении к вашему мировоззрению и достойным всяческой похвалы убеждениям, сейчас, как бы ужасно это ни звучало, нужны другие, куда более жёсткие, радикальные меры. Это касается не только цессян, но и ипериан. Узнав о том, кто именно стоит между ними и ултризом, они церемониться не станут! Примером тому – разрушенная база цессян! В любом случае, каким бы ни был исход сражения на орбите, кто бы ни выиграл, итог будет один – начнётся новая волна добычи ултриза. Не сумеете задавить в зародыше захватнические амбиции, и планету вы потеряете! Вам не кажется, что в совете не хватает тех, кто готов взять на себя за это ответственность? Кто умеет и может использовать иные способы взаимодействия, кроме пассивного выжидания!

Да, я на драконов намекаю. И мужчины прекрасно это понимают.

– Никаких спуктумов в совете! – раздаётся гневное восклицание. – Это же безумие – допускать их к управлению! С ними и так проблем выше головы!

И он такой не один. Со всех сторон я слышу аналогичные высказывания. Кажется, я опять сморозила глупость, и на этот раз при всех, а не наедине с Ниродином. Эх...

Понимая бессмысленность моего вмешательства, качаю головой, возвращаясь на место, стараясь не замечать пристальный взгляд брюнета и какую-то подозрительную полуулыбку, блуждающую на тонких губах. Э-м-м... Не поняла. Его такой ход моих мыслей устраивает? Или он радуется, что теперь уже от советников я получаю очередной урок?

– Девочка права, – неожиданно заявляет то'Трон, тем самым основательно меня удивляя. Поднимается, занимая место в центре круга, и все вновь замолкают. – Мы действительно поступаем недальновидно. Ведь не просто так драконы появляются среди нас, есть в их рождении смысл. Океан сам даёт нам в руки средство защиты, а мы отказываемся им пользоваться в полной мере, в страхе, что оно выйдет из-под контроля. Может, нужно рискнуть и позволить спуктумам самостоятельно решить возникшую проблему? Для этого вовсе не обязательно вводить их в состав совета. Просто позволим действовать на своё усмотрение. Да, возможно, предпринятые драконами шаги будут идти вразрез с нашими убеждениями, но ведь никому из нас не придётся брать ответственность за это на себя. То есть мы сохраним чистоту наших моральных и нравственных принципов, а в итоге получим оптимальный результат.

И новый шквал обсуждения. «Дай им волю, потом не остановишь!» – слышится шипение с одной стороны. «Но как иначе избавиться от пришельцев?» – звучит резонный вопрос с другой. «Забыли, сколько с ними, неконтролируемыми, было проблем?» – возмущается кто-то. «Усмирили один раз, сделаем это снова!» – парирует другой, неизвестный мне советник.

– Главное сейчас – устранить внешнюю угрозу. Наши внутренние проблемы – это задачи второго плана. У Сената именно такие приоритеты, – вновь подаёт голос Ниродин.

Все вдруг успокаиваются. Я тоже. Потому как вспоминаю о том, что советник сам задумывался о возможности использовать спуктумов. Теперь ко мне уже точно не будет претензий. Своим заявлением то'Трон не только официально согласился с моим

предложением, но и подтвердил, что вышестоящая структура, которую он здесь представляет, считает аналогично, а значит, в упреках и нравоучениях нет никакого смысла.

С чувством невероятного облегчения слушаю, как совет утверждает принятое решение передать контроль над ситуацией драконам. Едва сдерживаюсь, чтобы не демонстрировать свою радость, которая так и стремится себя проявить. Хорошо, что сразу после окончания заседания все расходится на обед, и это даёт мне возможность без свидетелей выплеснуть наружу накопившиеся эмоции. Положительные, естественно! Мне удалось пробить твердолобую упёртость советников! Да, да, да! Не верится даже!

В эйфории от успехов я забываю об одной очень неприятной особенности нашей жизни – всё хорошее очень быстро заканчивается. Вот и моё счастье длится совсем недолго. Ровно до того момента, когда после трёх послеобеденных часов, проведённых в кабинете Ниродина, которому вдруг захотелось узнать побольше о моей жизни на Цессе, получаю маленький сюрприз.

– Мео, – брюнет привлекает моё внимание, присматриваясь к символам, рождающимся перед ним на столе. Подцепив пальцем один из них, подталкивает его ко мне. – Для тебя пришло сообщение. Можешь прочитать здесь, – поднимается и тактично уходит к окну, чтобы меня не смущать.

Активирую плавающий рядом с моей рукой значок сложенного листочка, на котором написан адресат, дожидаясь, пока система удостоверится, что сделала это именно я, а не кто-то другой, и вчитываюсь в ровные строчки: *«Мео, извини. Наша договорённость в силе, но выполнить твою просьбу сегодня я не смогу. Отложим. Когда это станет возможным, сообщу. Кит»*.

Уничтожаю письмо, резким движением ладони разметаю символы по экрану. Тщательно контролируя выражение своего лица, отталкиваюсь от стола и поднимаюсь с кресла.

– Спасибо, – мило улыбаюсь советнику, обернувшемуся на шум. – Я, наверное, пойду, если я больше не нужна и ко мне нет вопросов.

– Не нужна? С чего ты взяла? – изумляется Ниродин, шагая ближе. – И мне ещё очень многое хотелось бы узнать... – хмурится, бросая взгляд на стол, где медленно гаснут остатки послания. В карих глазах рождается понимание. – Иди, Мео, – разрешает, наконец.

Коротко попрощавшись, покидаю кабинет, делаю несколько стремительных шагов по коридору, сама себя торможу, а потом ещё и плюхаюсь на ближайший диванчик, сердито складывая руки на груди. Дихол! Я так надеялась, что наконец-то смогу с ним нормально поговорить! Но самое главное, рассчитывала на то, что дракон меня покатает! Сдержит данное им обещание! А он?! А что сразу «он»? Он выполняет свой долг перед обществом. С завтрашнего дня у спуктумов начинается самая трудная в их жизни миссия. И сегодня они наверняка должны согласовать свои действия, чтобы быть в полной боевой готовности. Я всё это прекрасно понимаю, да только обида в душе нарастает, не желая прислушиваться к доводам рассудка.

– Лила, – присевший рядышком хранитель обнимает меня за плечи, принимаясь уговаривать. – Нет ничего страшного в том, что ты не сможешь покататься именно сейчас. Сделаешь это в другой раз. Тебе же не отказали, просто перенесли развлечение на некоторое время.

– А ты откуда знаешь? – подозрительно прищуриваюсь. Он чужие письма читает?

– Ти'Стор и мне сообщение оставил, – нисколько не смущается Трой. – Хватит дуться! Пойдём, – вновь предпринимает попытку расшевелить сердитую меня, а когда у него это не получается, просто подхватывает на руки и утаскивает к выходу.

Вот ведь самоуправство какое! Возмущённо шиплю, обещая хранителю массу приятных минут, когда вернёмся в лазарет, а тот только улыбается, крепко прижимая меня к себе и не позволяя вырваться. К концу путешествия замираю, вынашивая в голове план мести. Ну, Трой, аукнется тебе твоя бесцеремонность!

– Может, хочешь сесть впереди? – неожиданным вопросом прерывает поток коварных планов потенциальная жертва моей изобретательности, опуская свою ношу (меня то есть) на пол у мембраны, перекрывающей выход.

– Что? – изумлённо таращусь на него. У меня слуховые галлюцинации?

– Ты же хотела научиться водить гикл, – хранитель сосредоточенно поправляет спутавшиеся во время транспортировки узкие полосы юбки и цепочки на моих руках. – Передумала? – на мгновение прекращает свою деятельность и обеспокоенно заглядывает в глаза.

– Нет! – поспешно его разубеждаю. Все мстительные мыслишки мгновенно испаряются из головы. Так и быть, простим. Предложенная компенсация того стоит. И вообще чего я на спуктума и хранителя взъелась? В полученном отказе, пусть косвенно, но я сама виновата. Это же моя идея – привлечь драконов к решению проблемы! Вот теперь у Кита и нет на меня времени. А Трой просто выполняет свою работу. И, между прочим, хорошо выполняет! Инструктирует, маленький наушничек выдаёт для связи с диспетчером, который, оказывается, координирует движение, и только после этого позволяет выйти на стоянку. С самым пристальным вниманием следит за тем, как я пристёгиваюсь, и усаживается позади. Одна из его рук оплетает мою талию, прижимая к корпусу для дополнительной страховки, другая протягивается через плечо, активируя технику, и присоединяется к первой.

Чувствую, как гикл, сиденье которого я обхватываю бёдрами, мерно вздрагивает, приподнимаясь над поверхностью, и кладу ладони на ручки управления. Так. Что сначала? Вывести на участок, где нет препятствий. Осторожно лавирую между стоящими рядом ускорителями, выруливая на открытую площадку. Дальше. Обтекатель. Касаюсь маленькой кнопки, и прозрачный защитный купол разворачивается впереди. О как! А я раньше на него не обращала внимания! Впрочем, немудрено. Пассажиру он практически незаметен.

Ну что, поехали? Увеличиваю объём энергии, поступающей на двигатель, и гикл послушно разгоняется, попадая в свободное водное пространство рядом со зданием. От неожиданности того, что под ногами разверзается пропасть, в которую мы начинаем, пусть медленно, но падать, едва не отпускаю ручки управления, но Трой оказывается наготове. Его ладони ложатся поверх моих, показывая, как именно их нужно держать, чтобы техника находилась в стабильном положении относительно дна. И только убедившись, что я всё поняла, он их убирает, возвращаясь к страховке.

Уже более уверенно спускаюсь ниже и сворачиваю в сторону трассы, ограниченной цепочкой маленьких голубых огоньков. Занимаю удобное положение, присоединяясь к другим гиклам. Поначалу концентрируюсь только на том, чтобы другим водителям не мешать, принаравливаюсь к перестроениям, когда нужно сменить направление, но постепенно расслабляюсь, начиная получать удовольствие. Увеличиваю скорость, подныривая под более медленный транспорт, верчу головой по сторонам, любуюсь проносящимися мимо зданиями, у последнего сворачиваю в сторону, скользя по границе городской черты, а потом и вовсе разворачиваю технику, направляясь в открытый океан.

– Гикл 2-Би-ЭЛ, – звучит в наушнике приятный мужской голос. – Вы уходите в сторону от основной трассы. Вам нужна коррекция курса? Помощь? Сопровождение?

Утапливаю подушечку указательного пальца в датчик связи, смещая в сторону знака отрицательного ответа, и трижды надавливаю. Диспетчер замолкает, потому как отказ получен. А я ещё с час гоняю гикл по равнине, медленно приближаясь к хребту.

Трой мне не мешает. Сидит себе спокойно, лишь иногда вносит коррективы в управление, когда я слишком уж увлекаюсь и не успеваю вовремя увеличить тягу двигателя или сбросить скорость на поворотах. И только когда хранитель настойчиво указывает мне вверх, принимаюсь штурмовать подъём, добираясь до лазарета.

Оставив технику в пещере-парковке, совершенно счастливая, я плыву к своему пузырю, проваливаясь сквозь мембрану и с блаженной улыбкой падаю спиной на кровать. Не обращая внимания на появившегося следом юношу, так и лежу, раскинув руки, созерцая радужный потолок и вспоминая приятные ощущения, а потом переворачиваюсь на живот, стаскивая со стола буклет. Открепляю от корешка стилус, листаю странички,

чтобы найти свободную, и вношу новую запись:

Ловить момент

Не стоит верить грядущему, призрачным надеждам и обманчивым иллюзиям. Нужно ловить тот миг, который есть сейчас, и наслаждаться им. Уметь быть счастливой в ту секунду, в которой живёшь.

- Что ты делаешь? - интересуется Трой, заглядывая мне через плечо.

- Инструкцию дописываю, - усмехаюсь и, захлопывая книгу, сажусь на кровати, скрещивая ноги перед собой.

- Зачем? - в голосе появляется беспокойство, а в глазах тревога. Парень присаживается рядом, неприязненно рассматривая буклет. Так, словно видит в нём угрозу моему благополучию. - Ты думаешь, что когда-нибудь придётся вернуться к прежней жизни? Тебе у нас плохо?

- Ну что ты! - изумляюсь вопросу. Впрочем, его обеспокоенность мне понятна. Мало ли какие мысли у меня в голове. Я же так непредсказуема. И мой хранитель прекрасно это знает. - Просто хочу, чтобы осталась память о моём прошлом. А мне у вас замечательно! - порывисто его обнимаю. - Спасибо тебе, урок вождения был великолепен! - восторженно благодарю, вскакиваю и скрываюсь за мембраной гигиенического отсека.

С тех пор как я вышла на работу, Трой уже не столь настойчив в оказании помощи, только кормление остаётся в его компетенции, очень уж хранителю нравится этот процесс, а в остальном он предоставляет мне личную свободу. Так что я совершенно самостоятельно привожу себя в порядок, готовясь ко сну. Да и утром одеваюсь уже без его подсказок, всё же разобравшись в сложных сплетениях весьма оригинальной одежды, к которой начинаю привыкать. Ну а что такого? Понимание реального удобства подобных моделей приходит со временем. И с опытом их постоянного ношения. У меня и так не всегда приемлемое состояние, когда в воду выхожу, иногда и голова начинает кружиться, и вдохнуть хочется, а что было бы, будь тело закрыто больше?

- Как часто у тебя такие симптомы? - начинает волноваться Трой, едва я недалековидно делюсь с ним ощущениями. Даже останавливает, схватив за руку и не позволив покинуть пузырь.

- Нет, пару-тройку раз и было всего. Мне только первые минуты не слишком комфортно. Но проходит быстро, особенно, если не напрягаюсь! Правда! - успокаиваю его, шагая к мембране.

- Всё равно это неправильная реакция, - качает головой хранитель, оттаскивая меня обратно к кровати и усаживая на мягкую поверхность. - Тебе нужно было раньше мне об этом сказать! - смотрит укоризненно. - Похоже, ты слишком долго и часто в воде находишься, да ещё и в состоянии эмоционального возбуждения, перегружая кожный газообмен, раз он начинает давать сбой! Это опасно! Давай-ка сегодня ты останешься дома и отдохнёшь.

Есть смысл озвучивать наш дальнейший диалог? Правильно, никакого. Упрямее зоггианина, чем мой хранитель, найти сложно. Успокаивает меня только то, что заседаний совета сегодня быть не должно, а от постоянного присутствия рядом Ниродина мне действительно можно и отдохнуть. Жаль, конечно, что я теперь не в курсе событий, происходящих за стенами лазарета, но и это дело поправимое - завтра всё узнаю. Тем более что Трой обещает отвезти меня в центр слежения за космосом, чтобы я могла лично полюбоваться на корабли, а возможно, и на сражение, если оно будет иметь место.

Сознание моё на компромисс соглашается, да только томительное ожидание никуда не исчезает. Желание выйти и оказаться там, где есть хоть какая-то информация, иногда становится настолько непреодолимым, что я пару раз ловлю себя на том, что стою у

мембраны, прижимаясь к ней ладонями, готовая надавить и выйти, забыв предостережения Троя.

Заметив мои мучения, он моментально находит мне развлечение, чтобы отвлечь от других мыслей. Сначала принимается рассказывать о местной живности, наглядно и невероятно смешно показывая на себе, как именно она плавает-охотится, потом притаскивает и устанавливает на спинке кровати маленький экранчик – эдакий портативный прибор для связи с внешним миром. Правда, максимум, на что он способен, – получить-отправить сообщение, карты Зогга показать да развлечь новостями, которые интересны местному населению. Но ведь это лучше, чем ничего! Так что день проходит быстро, а ночью я снова сплю как убитая, даже снов не вижу. Похоже, что за меня вновь берутся медики, корректируя развивающееся отклонение. Почему нельзя это делать днём, я так и не понимаю, но им виднее. Может, какие-нибудь гравитационные параметры изменяются или состояние организма соответствующее?

– Просто к вечеру концентрация углекислого газа в крови самая высокая, а это и есть тот самый фактор, который используется при стимуляции роста капилляров для их правильного расположения в коже, – поясняет Трой, едва утром я задаю ему этот вопрос. – Искусственно этого тоже можно добиться, но естественный процесс проходит в разы эффективнее.

Ну вот, как я и думала, ничего сложного. Совершенно простое объяснение.

Может, усилия врачей дают свой эффект, а может, просто отдых идёт мне на пользу, но сегодня я чувствую себя превосходно. Что, однако, не мешает моему хранителю строго погрозить мне пальчиком и запретить занимать место водителя. Ладно-ладно! Куда спешить? У меня вся жизнь впереди! Ещё накатаюсь! К тому же маршрута я всё равно не знаю, тем более что обещанный мне центр слежения за космосом расположен, оказывается, вовсе и не в городе.

Мы долго поднимаемся вверх по склону, настолько высоко, что становится ощутимо светлее. Мне даже начинает казаться, что до поверхности остаётся совсем немного, когда, наконец, Трой вырубивает на горизонтальную площадку, а там... Там ютится целый комплекс из арок, шпилей, пузырей и прочих сооружений.

Оставив гикл у стены одного из зданий, мы шагаем сквозь мембрану, попадая в небольшое куполообразное помещение, сверх всякой меры заполненное техникой. И пока я, широко раскрыв глаза, рассматриваю всё это подмигивающее, пищущее и привлекающее к себе внимание оборудование, хранитель принимается объяснять причину нашего появления шагнувшему навстречу зоггианину. Переговоры заканчиваются быстро – вопросом и серьёзным предупреждением:

– Вы уверены, что хотите это видеть? – хмурится мужчина. – Зрелище не из приятных.

Переглядываемся с Троем, но киваем, и брюнет, вздохнув, приглашающим жестом указывает на дверь, ведущую в соседнее помещение.

Опустившись в кресло, с замиранием сердца жду, пока он настроит технику.

– Так. Надевайте, – наконец, мужчина разворачивается к нам, протягивая два объёмных шлема, необычайно похожих на те, что использовались на Цессе, когда я училась плавать. – Я сначала вам покажу то, что происходит сейчас, а потом самые значимые фрагменты записей, сделанных вчера.

Без промедления убираю волосы назад, чтобы не мешали, и фиксирую устройство на голове. Несколько минут перед глазами только чёрная беспросветная мгла, но вдруг, в одно мгновение, словно кто-то резко отдергивает занавес и появляется изображение. Яркая россыпь звёзд. Сине-голубая планета, испещрённая бирюзовыми разводами и лишь на полюсах чуть прикрытая белым облачным покровом. А на этом прекрасном фоне – жуткая мешанина кораблей: целых, полуразрушенных и взорвавшихся. Лавирующие среди обломков небольшие шаттлы. Преследующие их стремительные пилотники. Ослепляющие вспышки. Горящий крейсер, медленно теряющий скорость, затем высоту, раскаляющийся в атмосфере и исчезающий за горизонтом. Следом за ним падает ещё один, от которого остаются только дымный след и тёмное пятно, расплывающееся кляксой где-то на поверхности океана.

От ужасающей картинке я внутренне содрогаюсь. У меня нет слов. Как передать тот ужас, который испытываешь, понимая, что кто-то в этот момент гибнет. Отчаянно борется, цепляясь за жизнь. Готов на всё, чтобы спастись. Выжить. И это происходит у тебя на глазах. А ты ничего не можешь сделать, только смотреть! Даже то, что терпят бедствие в большей степени корабли ипериян и явный перевес в бессмысленном уничтожении явно находится на стороне цессян, облегчения мне не приносит. Какая разница, кто погибает в этой войне?!

К счастью, чтобы не травмировать нашу психику долго, зоггианин практически сразу переключает на запись, и теперь я вижу куда более мирный пейзаж, если, конечно, так можно назвать угрожающее противостояние двух враждующих флотов. Но, по крайней мере, сейчас ещё никто не стреляет, и два маленьких шаттла, летящие навстречу друг другу, могут означать только одно – стороны попытаются вести переговоры. Неудачные, судя по тому, что следующий кадр демонстрирует активное перестроение кораблей. К бою они готовятся!

Первый удар со стороны цессян огненной волной расплывается по защитному экрану, прикрывшему флот ипериян. Ответный залп, вернее, огромный рой ракетных снарядов, также не достигает своей цели, взрываясь на границе экранирующего поля противника. Похоже, что на этом основной боезапас и энергия систем защиты соперников иссякают, потому что дальше в ход идут мобильные пилотники. Зажмуриваюсь, чтобы не ослепнуть от того количества смертоносных маленьких огненных цветов, которые распускаются перед глазами, а когда открываю, меня снова окутывает ничего не значащая темнота.

С горестным вздохом стаскиваю шлем, стараясь не смотреть в глаза потрясённого увиденным хранителя. Украдкой стираю выступившие на глазах слёзы, маскируя движение тем, что поправляю волосы. Хорошо, что обратный путь не близок, да и разговаривать в воде нет возможности, а то я бы точно разревелась. Я ведь, по сути, и смертей-то никогда не видела. Все записи гибели приманок – всего лишь иллюзия, пыль в глаза. А тут всё по-настоящему! При том, что это ещё спуктумы в ход не пошли! Представляю, что начнётся, когда они внесут свою лепту! И ведь в последнем, опять-таки косвенно, но буду я виновата! Может, советники правы и не следовало усугублять ситуацию ещё больше?!

С тяжёлым сердцем возвращаюсь в лазарет, жалея о том, что доверилась выбору Троя и не поехала на работу. Там можно было бы хотя бы поговорить с Ниродином, он наверняка в курсе происходящего.

– Тебе пришло сообщение, – видимо, сообразив, что я не замечаю ничего вокруг себя, извещает хранитель.

Оборачиваюсь, чтобы увидеть, как он указывает на маленький мерцающий значок в уголке экрана связи. Забираюсь с ногами на кровать, с лёгким недоумением открываю письмо и тут же забываю обо всех своих моральных терзаниях, потому что невозможно продолжать грустить, читая вот такие строчки:

«Привет, подружка! Забегала к тебе попрощаться, когда Латон меня забирал из лазарета, но твою суперзанятую персону не застала, а ждать долго не могла, прости. Зато видела тебя на гонках, жаль, ты была далеко и меня не заметила. Интересно, о чём ты со спуктумом говорила? А тот, кто с тобой рядом сидел, это и есть советник? Интересный субъект. Надеюсь, ты мне всё о них расскажешь. Лично! Потому что я очень жду тебя на своей свадьбе. У тебя есть два дня, чтобы придумать, какой именно подарок от меня по этому поводу ты хочешь получить! Знаю, что у тебя ответственная работа, но думаю, ты найдёшь время, чтобы разделить со мной эту маленькую радость. Очень тебя жду.

Адрес я тебе давала, но на всякий случай пишу ещё раз, как и то, что готова повторять бесконечно – я безумно счастлива! Твоя Айна».

Даже не удосужившись свернуть сообщение, закрываю глаза и откидываю голову, упираясь затылком в спинку кровати. Замечательно, что хоть у кого-то в это неспокойное время всё хорошо. Значит, и я через пару дней смогу снять напряжение, присутствуя на самом приятном для любой девушки празднике.

– Лила? – беспокоится Трой, касаясь плеча. – Что-то ещё случилось? Или ты опять плохо

себя чувствуешь?

– Нет, – улыбаюсь. – Всё нормально. Сам прочитай, – даю разрешение, понимая, что так будет проще, чем объяснять словами столь резкую смену настроения.

– Ух ты! – тоже оживает хранитель. – И что ты попросишь в качестве подарка?

– Даже не знаю, – пожимаю плечами, потому как действительно не представляю, что именно можно пожелать. – А что бы ты предложил?

Парнишка задумывается, присаживаясь рядышком.

– Цветы? – неуверенно предлагает.

– Хм... – задумываюсь. А что, вполне возможно.

Решить вопрос окончательно не успеваю. Экран издаёт булькающий звук и вновь высвечивает в уголке знак входящего сообщения. Какая-то я сегодня популярная.

Поспешно открываю куда более серьёзное послание:

«Мео. Надеюсь, за эти два дня ты хорошо отдохнула, и показатели организма пришли в норму. Твоё присутствие завтра утром в моём кабинете обязательно. Ниродин».

Вот так. Коротко, лаконично и по существу. Многозначительно киваю Трою на письмо и цокаю языком. Тот тоже быстро вникает в суть и ощутимо грустнеет. Правда, догадок насчёт причин столь категоричной формы, в которую советник облёк свою просьбу, не высказывает. Да я, в общем-то, в них и не нуждаюсь. Ясно же, что не по моей симпатичной моське то Трон скучает, а досадует на отсутствие столь важного источника информации на рабочем месте в то время, когда кругом такие события происходят!

Сообразив, что встать придётся ни свет ни заря, укладываюсь пораньше, не забыв вписать в инструкцию очередной совет самой себе:

Кто предупреждён, тот уже не беззащитен

Случиться может всё что угодно, но если есть информация об угрозе, значит, можно сделать вывод, а если вывод сделан, значит, и потенциальная опасность уже не беда, а так, мелкая неприятность, с которой куда легче справиться.

Эх, я наивная! Неприятность! Размечталась! Полученный мной от советника завуалированный под наставление выговор, которого я достаиваюсь с утра, тянет как минимум на категорию «приговор без права на обжалование».

– Мео, мы находимся в ситуации, когда промахов и неверных шагов допускать нельзя, – негромко, не повышая голоса, но от этого не менее чётко разъясняют мне азы зоггианской трудовой этики.

Заложив руки за спину, Ниродин размеренно вышагивает по кабинету, а я, опустив глаза в пол, кусаю губы, чтобы молчать, оправданий себе не искать и лишний раз советника не провоцировать. И так в его голосе то и дело проскакивает возмущение моим пренебрежительным отношением к принятым на себя обязательствам, которое он старательно маскирует лёгким покашливанием.

– Да, совет временно прекратил свою работу, чтобы не вникать в то, какими методами будут действовать драконы. Однако... кхм... факт того, что спуктумы приняли на себя ответственность и заседаний совета не планируется, вовсе не означает... гм... – и пауза, достаточная для того, чтобы я дорисовала себе её окончание.

«Что ты можешь позволить себе отдыхать, развлекаться и заниматься личными проблемами», – слышится мне в гулком эхе шагов, отражающемся от стен кабинета.

– ...что мы можем позволить себе расслабиться, – куда менее персонализировано

заканчивает советник и останавливается как раз напротив. Несколько секунд стоит, покачиваясь на носках, и я получаю возможность вдоволь налюбоваться на его украшенные жёлтыми камнями сандалии и широкие брюки, на этот раз светло-бежевого цвета.

Поняв, что отвечать я не собираюсь, он наклоняется, упирая ладони в подлокотники моего кресла, и вот так, нависая надо мной, продолжает говорить:

– В другое время и при других обстоятельствах, – проникновенно звучит его голос, – я бы сам с удовольствием взял тайм-аут, но сейчас это недопустимо, – на какой-то краткий миг его рука отрывается от подлокотника, убирает мне за ухо выпавшую из причёски прядку волос и возвращается на прежнюю позицию. – Ты согласна?

Киваю, продолжая буравить взглядом дырку в каменном полу, и только когда Ниродин с едва слышным вздохом отталкивается и отходит, бросаю ему в спину настороженный взгляд. Дихол! А ведь в его словах и поведении снова куда больше личного, чем общественного! Неужели я его так сильно зацепила, что справиться с собой советнику стоит таких усилий?

Мне становится его жаль. Это совсем непросто скрывать свои личные симпатии и укрощать желания в угоду рабочим отношениям и моей холодности. Другой бы на его месте давным-давно отправил меня куда подальше, в смысле попросил бы иную должность выбрать и место работы сменить, чтобы не провоцировала и лишний раз не напоминала о себе, а Ниродин поступает своим психологическим спокойствием, оставляя мне возможность работать там, где я хочу. Может, я напрасно не позволяю себе видеть в нём того, кто будет со мной рядом? Ведь этот зоггианин ради меня готов на многое, да и внешность у него очень даже...

– Мео, у меня что-то не так с лицом?

Тёмные брови удивлённо приподнимаются, и я спохватываюсь, сообразив, что слишком уж пристально всматриваюсь в такие красивые черты успешного занять своё кресло брюнета. Вспыхиваю от смущения, потому что не сразу соображаю, что будет уместным в такой ситуации ответить. Спасает меня открывшаяся дверь, в проёме которой появляется ещё один более чем симпатичный представитель местного населения. Второй. Третий? Четвёртый! Пятый... На этом моё растерявшееся сознание от скрупулёзного подсчёта переходит к абстрактному «много», а потом и вовсе перестаёт воспринимать окружающую действительность, потому что в одном из визитёров я опознаю того неуловимого субъекта, которого мне никак не удаётся допросить! И пока я самыми что ни на есть округло-изумлёнными глазами его созерцаю, а он отвечает мне аналогично, всё это «много» ухитряется рассесться вокруг стола. Получается, что я и Ниродин сидим друг напротив друга, а по бокам от нас... спуктумы.

– Благодарю за пунктуальность, – коротко бросает советник. – И за согласие выслушать мнение специалиста, прежде чем начать действовать. Мео, – неожиданно обращается ко мне, и я, непроизвольно вздрогнув, теряюсь от волны настороженно-скептических взглядов, доставшихся моей персоне. Похоже, мужчины не слишком верят моей квалификации. – Вчера цессянский флот разгромил эскадру противника и остался на орбите. Большая часть кораблей ипериан уничтожена полностью. Несколько подбитых упали в океан. За эту ночь, насколько мне известно, изменений в дислокации не произошло. Нам нужно понимать, какие шаги цессяне предпримут следующими? Какой стратегии драконам выгоднее придерживаться, если нашей целью является устранение обеих конфликтующих сторон, а не победа одной из них?

Оу! Так я тут действительно как консультант нужна?! И выговор был всего лишь профилактическим мероприятием? Здорово. Сосредотачиваюсь, стараясь представить себе возможные действия альбиносов. Почему-то я на сто процентов уверена, что во главе командного состава будут именно они.

– Со стороны цессян будет зачистка, – складываю руки перед собой, опираясь на стол, чтобы чувствовать себя увереннее. – Высадят десант в то время суток, когда смертоносных фонтанчиков на поверхности океана нет. Оставлять врага в своём тылу они не захотят однозначно. А ипериане... – задумываюсь снова. – Ипериане постараются отремонтировать хотя бы один звездолёт, чтобы улететь и вернуться с подкреплением. Впрочем, и вероятнее всего, сигнал бедствия уже послан, так что ещё одной эскадры

при любом раскладе долго ждать не придётся. С учётом дальности перелёта, естественно.

– Новый флот при полном разгроме? – пытается понять чуждую ему логику Ниродин.

– О! – с моих губ срывается короткий смешок. – Эта война будет идти до тех пор, пока обе стороны не вымотают друг друга окончательно. Слишком уж ценен приз! Наверняка ипериане считают своё поражение досадной оплошностью, результатом неверно выбранной стратегии, случайностью. И клянутся себе в том, что подобного больше не повторится. Увеличат численность, задействуют другие типы оружия, усилят защиту... – развожу руками, наглядно показывая, что вариантов может быть очень и очень много.

Спуктумы переглядываются, но молчат. Принимают к сведению, так сказать.

– Твои рекомендации? – хмурится советник.

– Не позволять цессянам десантироваться. Тех, кто всё же рискнёт, брать в плен. Изолировать приводнившиеся на Зогге корабли и не допустить их уничтожения. Все оставшиеся в живых будут ценны. Улетать никому не позволять. Таким образом, вы получите два рычага давления, работающих в обе стороны. Сможете шантажировать цессян наличием пленных и жизнями тех спасённых, что работали на подводной базе. Ровно с точностью до наоборот влиять на действия ипериан, если те прибудут с подкреплением. Это первое.

И без того угрюмый взгляд то'Трона становится ещё тяжелее, но меня это не останавливает.

– Второе. Без переговоров и чёткого заявления своей позиции в том вопросе, чья это планета и кому принадлежат имеющиеся на ней ресурсы, первое бессмысленно.

Ропот одобрения проносится между мужчинами, а взгляды из внимательных превращаются в заинтересованные. Им что, никогда не попадались воинственно настроенные девушки? Невольно нахожу глазами Кита, который покусывает губы, рассматривая меня столь тщательно, словно первый раз видит. Понятно. Не попадались. Ну и ладно. Всё когда-нибудь бывает впервые.

– Договор? – задумывается Ниродин, невольно морщась от того, что придётся-таки поступиться своими принципами.

– Не договор, а ультиматум, – поправляю. – Вот увидите, наглость альбиносов границ не имеет. Чем больше вы будете уступать, тем больше они потребуют.

Одно другого не лучше, понимаю по унылому выражению его физиономии. Но выхода-то нет!

– Думаю, что этой информации будет достаточно. Мео, спасибо, ты можешь отдохнуть, – видимо, советник решает, что я больше не нужна, потому как мне недвусмысленно указывают на дверь.

Ясно. Дальнейшее они будут обсуждать без меня.

Гордо покидаю кабинет и на несколько секунд зависаю около закрывшейся двери, решая, куда бы направиться. Трой сейчас у своего наставника, появится, только когда его Ниродин вызовет или моя персона окажется в приёмной, а я домой вроде как не собираюсь. Вспоминаю, что есть в этом здании библиотека, в которую я так и не удосужилась заглянуть. А ведь хранитель искренне восхищался тем, как необычно она устроена. Впрочем, попав в эту сокровищницу знаний, я с ним готова согласиться на все сто процентов.

Огромный по площади зал с разноцветными кругами, выложенными на полу каменной мозаикой. Внутри каждого – символ, означающий сферу знаний: техника, биология, физика... Над ними – широкие трубы, уходящие так высоко, что увидеть, где же они заканчиваются, совершенно нереально. Я именно это и пытаюсь сделать, заглянув внутрь одной из труб, а неведомая сила моментально меня в неё засасывает, с ошеломительной скоростью утаскивая за собой вверх. Мамочки!

Невольно раскидываю руки в стороны, чтобы схватиться за стены и... останавливаюсь, зависнув в трубе. Выравниваю дыхание и осматриваюсь. Оп-па! А стен-то, оказывается, и нет. Есть окружающие меня кольцом бесчисленные полки, на которых стоят тонкие пластины с надписями и номерами на корешках. Наконец-то успокаиваюсь, опускаю руки и... снова лечу вверх! Ой! Новая попытка затормозить, и неожиданное озарение – это же способ управления! Так, руки вверх! Теперь я падаю вниз, оказываясь на полу. Поспешно отползаю подальше от круга. Дихол! Это не библиотека, а какой-то экстремальный аттракцион!

– Не ушиблась? Тебе помочь? – меня тут же заботливо подхватывает под руку, помогая встать, местный обитатель, оказавшийся невольным свидетелем моих экспериментов.

– Всё в порядке. Спасибо, я сама, – мило ему улыбаюсь, поправляя запутавшиеся цепочки.

– В раздел заходи, разведя руки в стороны, – всё же советует незнакомец. – На спуске большую скорость не развивай. А на вылете шагнуть вперёд не забудь.

Дарю ему ещё одну улыбку, отправляясь на поиски трубы с интересующей меня литературой. Минут десять брожу между кругами, вникая в логику их расположения, наконец, нахожу нужный и о-о-очень медленно поднимаюсь по трубе вверх, присматриваясь к названиям. «Зоны электромагнитной активности Зогга», «Специфика слияния потоков», «Виды электромагнитных деформаций океана», «Некоторые аспекты влияния электромагнетизма на спуктумов»... Последняя пластина кажется мне самой перспективной, поэтому осторожно её вытаскиваю, поднимаю руки вверх, чтобы спуститься, и опять зависаю в недоумении. Опускать меня труба оказывается категорически. Возвращаю пластину на место и без проблем падаю. Хм... Это такой намёк на то, что читать можно только наверху?

Снова забираю свою добычу, на этот раз послушно вытягивая руки вдоль тела, ибо ничего иного мне не остаётся, и несколько поздно вспоминаю о напутственном: «Шагнуть вперёд!». С осязаемым ускорением меня выбрасывает на площадку, где я невольно вцепляюсь в спинку ближайшего кресла, чтобы не упасть. Шумно цепляюсь, едва не уронив пару таких же кресел по соседству, и двое мужчин, сидящих поодаль, быстрыми взглядами реагируют на моё эффектное появление. Убеждаются в том, что со мной всё нормально, жива-здорова, и вновь склоняются над столами.

М-да... Ну и порядочки тут.

Выбираю себе место жительства на ближайшие пару часов, сообразив, что пластина – это накопитель, а читать придётся с настольного экрана. Скармливаю добычу жадной пасти терминала и погружаюсь в мир догадок, гипотез и результатов исследований относительно того, какая связь лежит между спуктумами и Зоггом.

Вскользь просматриваю историческую справку, потому как она мне уже известна. Перехожу к статистике, согласно которой количество спуктумов в разные годы существенно различается, и колебания эти лежат в пределах от одного до десяти драконов на одну тысячу жителей. Немного, на первый взгляд, но если учесть, что на Зогге более чем миллионное население, цифры получаются внушительными. Тем более что вероятность появления спуктумов отнюдь не привязана к определённым географическим областям. То есть строить прогнозы, где именно их родится больше, а где меньше, возможности нет. Далее следует пространное и весьма расплывчатое объяснение этого факта, основанное на цикличности магнитной активности звезды и высокой скорости вращения ядра планеты. В конце предсказуемо нахожу приписку: «Требуется проверки». Так, ясно, достоверность низкая. Что там дальше? Медицинские заключения. Любопытно.

Прокручиваю столбики параметров мозговой активности, насыщения крови кислородом, давления, сердечного ритма... Хм... Я не специалист, конечно, но ничего криминального не вижу. Впрочем, Ниродин же мне говорил, что отличия касаются психики. Физиология, как и генетика, тут вовсе ни при чём. Вывожу следующий лист, начиная рассеянно читать, всё ещё думая о советнике, и необычайно заинтересовываюсь, открывая для себя сделанный неизвестным автором прелюбопытный вывод: не все зоггиане могут быть спуктумами, но спуктумы могут быть обычными зоггианами. Нелогичность? Отнюдь. И приведённая в качестве примера история доказывает это

весьма недвусмысленно.

В одном не самом крупном, можно сказать, совсем крошечном городе, родился мальчик. Обычный мальчишка, совершенно такой, как и другие его одногодки, за исключением одного – способности управлять потоками у него были. Как и положено, ребёнка начали обучать, потому что чем раньше он эти навыки освоит, тем легче ему будет в будущем. Ну и, конечно, все с трепетом ждали наступления того самого сложного переходного возраста, когда начнёт трансформироваться характер, а способности возрастать. Но всё произошло с точностью до наоборот. Психологически юноша почти не изменился, а его способности пропали. Совсем. Был спуктум и исчез. И случай этот, как выяснилось позже, был не единичным. Хоть и довольно редким.

Вот так, оказывается, бывает в этом мире. Даже если предположить, что во всём виновны пресловутые электромагнитные явления, порождаемые Зоггом, то однозначно они завязываются на характере зоггианина. И остаётся только гадать, что же планете не нравится в тех, кого она лишает природного дара, которым изначально одарила.

Листаю дальше, открывая главу, где размещены результаты исследований того, как именно спуктумам удаётся контролировать потоки. Тихо ругаюсь, когда вместо нормальных слов вижу терминологию, смысл которой от меня, как от неспециалиста, ускользает напрочь. Тоскливо смотрю на графики, диаграммы и формулы, ибо всё в них ох как непросто. И, тем не менее, пытаюсь разобраться, благо иногда попадаются кусочки текста, написанные нормальным вайли.

По всему выходит, что мозг спуктумов обладает таким же электромагнитным потенциалом, что и сама планета. В некотором смысле, даже ещё более мощным, наверняка из-за своей локальности и непосредственной близости, потому как может прибрать к рукам уже сформированный вихревой поток. А может создать свой, хотя, опять-таки по данным опытов, драконам куда проще работать с уже заряженными планетой водными струями.

Что касается принципа контроля, то этот аспект освещён очень скупо, исключительно на основе рассказов самих спуктумов, которые внятно не могут объяснить, как именно они это делают. Мол, просто мысленно представляешь себе, каким именно по структуре хочешь видеть поток, куда и с какой скоростью он должен двигаться. Вот и всё. Короче, практики они, а не теоретики!

Изучение содержимого книги затягивает меня настолько, что о времени я забываю напрочь. Как и о том, где именно нахожусь. Наверное, именно поэтому ощутимо пугаюсь, когда на плечо ложится тяжёлая рука.

– Вот ты где, – негромкий голос мягко успокаивает, потому что я вздрагиваю от неожиданности. – А я уже всё обыскал: в столовой тебя нет, здание ты не покидала, гикл на парковке, Трой в растерянности... – советник присаживается рядом, задумчиво меня рассматривая.

– Э-м-м... – возвращаюсь в реальность. – Почитать решила, – стираю с экрана статью, закрывая программу и извлекая пластину.

– Вижу, – кивает визави. Присматривается к названию и интересуется: – С чего такой выбор?

– Хотела узнать о спуктумах побольше, – пожимаю плечами. – Они ведь самое загадочное явление на вашей планете. Представляю, какое это потрясающее ощущение, когда ты силой мысли можешь приказывать стихии измениться.

– Да, это незабываемо, – тихо соглашается советник. Взгляд устремляется куда-то далеко, а уголки губ трагично опускаются.

До моего, занятого своими мыслями мозга, скрытый смысл его ответа доходит не сразу. Зато когда я понимаю, что обычный зоггианин не стал бы так говорить, то ошалеваю от дикой догадки. Ниродин тоже спуктум? Только... неполноценный? Он утратил свои способности, когда стал совершеннолетним?! Так вот отчего его заносит, если теряет над собой контроль! А я-то всё гадала, почему, имея традиционное мировоззрение, этот зоггианин курирует вопросы безопасности! И недоумевала, что свободолюбивые,

независимые драконы прислушиваются к его советам.

Наверное, вид у меня – соответствующий моей догадке, потому как Ниродин, взглянув на меня, вдруг спохватывается:

– Идём, Мео, – грустная улыбка озаряет его лицо, словно он и рад, и не рад тому, что я теперь знаю, кем он был в своём далёком прошлом. – Тебе уже давно пора домой.

Потрясённая до глубины души, я не спорю. И когда меня подхватывают на руки, чтобы свалиться вниз по трубе, лишь обнимаю мужчину за плечи, чтобы ему было удобнее.

Мне его жаль? Бесконечно. И я об этом уже говорила. Да, согласна, быть спуктумом в мире зоггиан непросто. И, возможно, судьба Ниролина в этом смысле складывается куда более успешно. Он нашёл своё место в жизни, многого добился – высокой должности, уважения, престижа. Но сделало ли это его счастливым? Ведь мир, который ему так много дал, ничуть не меньше отобрал! И после этого я должна поступать аналогично? В очередной раз доказать ему, что жизнь несправедлива? Лишить надежды? Мечты? Сладких грёз, которые, даже если никогда не сбудутся, могут стать единственным, что украсит его жизнь?

Возможно, я не права. Возможно, излишне эмоционально и близко к сердцу воспринимаю новую для меня информацию. Возможно, приписываю Ниродину слишком много того, что ему не свойственно, но...

Не нужно бояться ошибиться

Лучше действовать и совершать ошибки, чем бездействовать и жить в мучительных сомнениях.

– Ну что ты опять там пишешь? – любопытная моська снова стремится засунуть свой нос туда, куда её не просят.

– Потерпи! Вот закончу, когда найду себе постоянного хранителя, и тебе его подарю, – захопываю буклет и убираю под подушку. – Вволю читаешься! Хочешь такой подарок?

– Ещё бы! – загораются неподдельным интересом карие глаза. – И когда я его получу?

– Сказала же! На мою свадьбу! – со смехом щёлкаю нетерпеливого субъекта по носу, вскакиваю с кровати и убегаю одеваться.

В том, что в моё отсутствие без разрешения Трой до книги даже не дотронется, я уверена. У него для этого было столько возможностей, а ведь не воспользовался! Да, не могут позволить себе зоггиане подобных поступков. Психологически не могут. И всё потому, что самосознание, контроль, доверие и уважение у них на первом месте. Как по отношению к себе, так и к другим!

С одной стороны, это замечательно, а с другой... Вот скажите мне, как с такими взглядами победить в смертельной схватке? А вести диалог с коварным соперником?

Кстати, о соперниках.

Выхожу обратно в комнату и рядом с необычайно взволнованным Троем лицезрею советника собственной персоной. Который с ходу радуется моим сносительным известиям!

– Мы едем на переговоры с цессянами прямо сейчас, – нетерпеливо переступает с ноги на ногу.

Ой-ой... Что же спуктумы за сутки успели натворить, раз такая срочность возникла?

– Сегодня? – я аж задыхаюсь от неожиданности. – А я зачем? – как-то мне становится не по себе от понимания того, что придётся встретиться со своими соотечественниками.

Сомневаюсь, что среди них будут те, с кем я лично знакома, но всё равно...

– Мео, ты единственная, кому мы можем доверять в оценке реакции цессян на выдвигаемые нами требования, – начинает терять терпение Ниродин. – Тебе не о чем беспокоиться, – наконец-то соображает, что же на самом деле лежит в основе моего вопроса. – Ты под нашей защитой. Идём! – протягивает руку, чтобы окончательно лишить меня возможности остаться дома.

Вот и получается, что волей-неволей я оказываюсь в таком месте, в котором желала бы находиться в самую последнюю очередь – в одном из корпусов подводной базы цессян, где когда-то получила предложение от Денажа стать его любовницей.

Верно. В клубе. Но не буду торопиться. Всё по порядку.

За тот час, пока мы добираемся до базы на гиклах, я успеваю примириться с мыслью о неизбежности столкновения с альбиносами. Успокаиваюсь в большей степени потому, что совсем рядом на таких же ускорителях мчатся ещё три участника будущих переговоров. Три настоящих дракона с невозмутимо-серьёзными физиономиями рассекают воду обтекателями своих гиклов. И их присутствие внушает мне куда больше оптимизма, чем наличие в непосредственной близости Троя и Ниролина. Пусть советник и почти спуктум, но я не в курсе, как он себя поведёт, прояви цессяне агрессию, а вот настоящие дракончики никого в обиду не дадут точно.

Но больше всего меня радует личность одного из сопровождающих. Вот кому-кому, а ему я доверюсь без каких либо условий и оговорок. Потому как прекрасно помню ту свирепую, неукротимую мощь, которая расправилась с Эфосом. Уверена, мало альбиносам не покажется, задумай они какую-нибудь подлость.

Уже на подступах к базе задумываюсь о том, где же пройдут переговоры. И лишь оказавшись внутри одного из зданий, понимаю, какое именно место для этого выбрано. Нет, с позиций логики оно оптимально. Цессяне спустятся с шаттла через разрушенный купол, который выступает над поверхностью, а зоггиане поднимутся снизу, по затопленной лестнице. Однако сам факт того, что территория не является нейтральной, мне не нравится. А ещё мне не нравится то, что примерно на середине подъёма из воды мы выныриваем на воздух и дальше шагаем привычным способом, но... мокрые! Здесь же нет осушающих мембран!

Мужчинам хорошо – у них стрижки короткие, а плотные брюки, которые облегают талию-бёдра, внизу всё же выглядят прилично. Тогда как мой облик оставляет желать лучшего – волосы совсем тяжёлые, прилипают к плечам и лицу, тонкая ткань юбок облепляет ноги. И вообще я почти голая! Мне не привыкать, конечно, но ведь это же официальная встреча!

Поздно, ох поздно до меня доходит, что нужно было одеться как-нибудь иначе! А сделать уже нечего нельзя, разве что надеяться на быстрое обсыхание и прятаться за мужчинами. Что я делаю, благо пять внушительных по габаритам фигур – это хорошее такое прикрытие. Жаль, что группироваться они не собираются, расположились таким образом, что использовать их можно только поодиночке! Да ладно бы неподвижно стояли! Так ведь эти любознательные личности ещё и перемещаются по помещению, рассматривая обстановку в ожидании прибытия делегации цессян! Понятно, что им интересно, а мне-то как быть? Что остаётся? Только оперативно менять местоположение, когда очередная ширма от меня убегает.

Первым замечает моё неадекватное поведение Кит, за которым я почему-то оказываюсь чаще всего. Впрочем, не «почему-то», а по вполне определённой причине! Вопросов у меня к нему больше, чем к остальным, а задать их никак не получается! В общем, реагируя на мои перемещения, спуктум прекращает изучать интерьер, оборачивается, поднимает брови, смотрит с вопросом в глазах, а когда, наконец, соображает, в чём дело, сам ахает и, шагнув навстречу, задвигает меня за спину. Остальные не сразу понимают мотивацию его поступка, начинают оглядываться, отыскивая причины нашей передислокации. Привыкли к своим мембранам и внешнему виду! Но уже через секунду я, может, и лишаюсь хорошего обзора игрового поля, зато становлюсь почти незаметной.

Вовремя. В зале темнеет, когда над нами зависает цессянский шаттл, закрывая собой стоящий в зените Фиссо. Посадочный пандус с ощутимым грохотом ложится на

небольшое возвышение, где я когда-то любовалась закатом, и на нём появляются те, с кем, по сути, нам и предстоит эти самые переговоры вести.

Стараясь не афишировать своё присутствие и не мешать мужчинам, в щель между локтями Кита и Ниролина рассматриваю прибывших. Четыре меланиста-охранника с тяжёлым вооружением в руках быстро сбегают вниз, осматривают помещение, спрыгивают и встают по бокам от пандуса. Ещё два темноволосых субъекта в чёрных комбинезонах с персональными нашивками (явно из командного состава) неторопливо спускаются, останавливаясь у края платформы. Последним на тёмный пол, усыпанный блестящей трипслатовой крошкой осыпавшегося купола, ступает... Ой-ей! У меня моментально появляется непреодолимое стремление оказаться отсюда как можно дальше. Даже зажимаюсь, не желая верить своим глазам. Может, это не он? Может, похож просто?

– Вы просили, мы прибыли, – лишая меня этой призрачной надежды, нарушает тишину гортанный голос Монта, а в ответ раздаётся совсем иной. Незнакомый, сильный, глубокий, строгий:

– Встреча в ваших интересах. Мы не имеем в ней необходимости.

Я даже не сразу понимаю, кто именно из стоящих ко мне спиной мужчин говорит. Лишь потом по движениям мышц и головы соображаю: Кит! И это становится для меня неожиданностью. Я думала, вести переговоры будет Ниродин. Советник же!

– Вот как? – удивляется подобной постановке вопроса цессянин, складывая руки на груди. – Любопытно, почему же мы тогда удостоились чести вас увидеть? – в голосе слышится сарказм. – Насколько я знаю, афишировать своё присутствие на Зогге вы не спешили. Выжидали. Наблюдали. Что же явилось причиной, заставившей вас раскрыть своё инкогнито? – В интонациях появляется наигранная озабоченность, сменяющаяся столь же притворным беспокойством: – Наше превосходство в силе стало для вас явным? Вы почувствовали в нас угрозу? Испугались того, что для вас всё может закончиться столь же печально, как и для вероломно напавших на нашу базу ипериан?

– Та причина, по которой мы здесь, вам не известна, – несмотря на провокацию, голос Кита остаётся ровным и невозмутимым. – Но именно ей вы обязаны тем, что до сих пор живы.

– Озвучите? – по тонким бледным губам скользит усмешка.

– Вам незачем её знать, – уходит от ответа спуктум.

Зато мне он известен. Драконы до моей консультации хотели просто-напросто планомерно уничтожать все корабли, появляющиеся в зоне доступа. И я их понимаю. Что ещё оставалось делать?

– Хорошо, – миролюбиво разводит руками альбинос. Оправляет короткий китель белоснежного костюма и сцепляет руки за спиной. – В таком случае хотелось бы получить представление о том, для чего организована эта встреча.

– Для того чтобы максимально уменьшить число жертв и масштаб проблем, – переходит к сути дракон. – Мы не намерены поощрять бессмысленную бойню на нашей территории. Вашему флоту надлежит немедленно прекратить военные действия и покинуть орбиту планеты. Ипериане получают аналогичное предупреждение.

– Ага, ага, понятно, – кивает Монт и задумывается.

Один из сопровождающих мужчин коротким движением наклоняется к нему, принимаясь усиленно что-то шептать на ухо. Пользуясь возможностью, я осторожно касаюсь пальцами плеча Кита, провоцируя его обернуться ко мне.

– Один из спасённых на базе, тот самый альбинос-управляющий, это его отец, – поднимаюсь на носочки, дотягиваясь до виска, и быстро шепчу, потому что прекрасно осознаю, какое у нас появляется громадное преимущество.

– Понял, – коротко кивает Кит, выпрямляясь.

Ниродин, который наверняка услышал мой комментарий (стоит же совсем рядом), тоже поворачивает голову, бросая на меня любопытствующий взгляд, но упорно продолжает хранить молчание. Ясно. Он тут как наблюдатель.

– Значит, мы должны уйти? – подаёт голос Дэйль. – Вам не кажется это странным? Мы – победители, а не проигравшие. Ипериане могут убираться восвояси, мы будем только рады, если они это сделают. Но наши возможности позволяют нам остаться. Вы же в курсе, что именно привлекает нас на этой планете?

– Ултриз, – озвучивает Кит. – Наше разрешение на его добычу – тема отдельного диалога.

– Вы так уверены в том, что это разрешение нам необходимо? – хмыкает Монт. – До нападения ипериан мы вполне эффективно минерал получали. Да, условия жизни на Зоге суровые, и многие цессяне пожертвовали своими жизнями, чтобы добыча стала возможна, но ведь раньше вы в этом нам не противодействовали! Что изменилось?

– Изменилось наше видение ситуации, – ставит его в известность спуктум. – И ряд обстоятельств, обсуждать которые в настоящий момент смысла не имеет. Примите как данность – добыча ултриза продолжится только в случае безоговорочного выполнения наших требований.

– А если мы их не станем выполнять? В космосе, на орбите мы для вас неуязвимы, и вы с этим ничего сделать не сможете. Космических кораблей у вас нет, да и других средств уничтожения с большой дальностью тоже, – начинает демонстрировать зубки альбинос. – Правда, вчера вы нам наглядно доказали, что спускаться на планету не позволите, но для добычи ултриза строить новые подводные базы, подобные этой, – он проводит рукой в воздухе, – вовсе не обязательно. Это удобнее, естественно, но, раз уж на то пошло, мы прекрасно обойдёмся кратковременными вылазками, отслеживать которые вам будет крайне сложно. Вы же не будете знать координаты мест, которые мы выберем, а держать под наблюдением всю планету нереально. К тому же технология выманивания спуктумов, рождающихся над месторождениями, и их уничтожения нами уже отработана и действует стопроцентно. Так какой нам смысл уходить?

– Ну что ж, – пожимает плечами Кит. – Может, и никакого. В таком случае мне остаётся только сожалеть о печальной судьбе тех, кто выжил после нападения ипериан и волей случая оказался в наших руках. Или тех добытчиков, кто окажется. В будущем.

– Пленные? – мгновенно становится куда более серьёзным альбинос.

– Они вас интересуют? – лица дракона я не вижу, но, судя по интонации, оно у него насмешливое.

– Если среди них есть... – торопливо начинает Монт, останавливает сам себя, хмурится и продолжает уже более размеренно: – Мы полагали, что атака ипериан уничтожила всех.

– Это не так, – качает головой брюнет. – Мы спасли около шестидесяти мужчин, таких как они, – кивает на сопровождающих.

Альбинос морщится, и презрительная улыбка рождается на тонких губах. Понятно, что ему глубоко безразлично то, что произойдёт с меланистами. Вот только Кит ещё не закончил. По всей видимости, приняв к сведению моё предупреждение, он специально оставил главный козырь напоследок:

– И шестеро мужчин, похожих на вас. Среди них управляющий.

Пренебрежение Монты испаряется бесследно, и ему на смену приходит деловая сосредоточенность:

– Каковы гарантии того, что пленные вернутся на Цесс?

– Оставьте несколько шаттлов.

– Нет, нет, нет, – не соглашается Дэйль. – Вы можете воспользоваться ими в своих целях. Это не вариант.

– Что вы предлагаете? – интересуется Кит, и я едва ли не за голову хватаюсь! Нельзя! Ну,

нельзя отдавать альбиносу инициативу!

– Флот уйдёт после того, как часть пленных, и управляющий в том числе, окажется на орбите, а остальные загрузятся в шаттл и останутся на поверхности океана, готовые стартовать. Это первое. Ну и второе, первыми должны покинуть систему Фиссо ипериане.

Вот, я же говорила! Снова касаюсь пальчиками плеча спуктума.

– Выгадывает время! Возможно, есть ещё эскадра в резерве на подходе. Пленных потребовал не всех, значит, заинтересован только в тех, кто окажется в первой группе, остальными может пожертвовать, – быстро шепчу, когда он оборачивается. В ответ получаю краткую улыбку. Уф! Значит, сам уже понял.

Монт с напряжением в глазах следит за зоггианами. Похоже, присутствие за их спинами ещё одного участника переговоров он всё-таки заметил, но, к счастью, рассмотреть меня ему не позволяют.

– Вариант с пленными приемлем, – соглашается Кит. – Но управляющий и остальные альбиносы будут во второй группе. Вы уходите немедленно, как только убедитесь, что они находятся на шаттле. С иперианами мы разберёмся сами. Условия приняты?

Несколько секунд альбинос колеблется, размышляет, коротко оглядывается на своих спутников и, наконец, кивает:

– Приняты. Где именно спускаться кораблям?

– Координаты вам будут указаны в сообщении. Частота та же, на которой вы приняли наш первый сигнал, – спуктум завершает переговоры, и мы направляемся на выход, чтобы уйти.

– Одну минуту! – останавливает нас резкий окрик.

Мужчины разворачиваются, а я остаюсь стоять к ним спиной, потому что понимаю – «стена», которая меня закрывала, дала брешь.

– Что-то ещё? – интересуется Кит.

– Мне любопытно... – неопределённо тянет Дэйль. – Вы прибыли не одни... Я могу поинтересоваться личностью девушки? – вкрадчивый голос приближается.

– Нет, – коротко отрезает дракон.

– Нет? – удивляется альбинос. – Почему? Она же, насколько я вижу, цессянка. Заложница? Вы не говорили, что девушек тоже спасли! Их возвращать не собираетесь? – возмущение в его голосе нарастает. – А эту малышку привели для страховки? Чтобы доказать серьёзность угроз? Или чтобы прикрыться ею и избежать применения силы с нашей стороны? – укоряюще цокает языком. – Как некрасиво.

– Это не так, – холодно парирует Кит.

– Да, неужели? – едко хмыкает Монт. – Тогда, возможно, она сама об этом скажет?

В наступившей тишине я лихорадочно решаю, как поступить. Промолчать или ответить? Понимая, что ничего другого не остаётся, коротко бросаю:

– Я свободна, – голос стараюсь изменить, чтобы не узнал.

– Свободна? – повторяет Дэйль, кажется, шагнув ещё ближе. – Как-то я в этом сомневаюсь, девочка. Тебя заставили так говорить? Ты их боишься? – настойчиво добивается признания. – Не нужно. Скажи правду, мы не позволим им тебя обидеть. Посмотри на меня и подтверди, что тебя никто не использует как прикрытия.

Вот и что делать? Проигнорировать просьбу и уйти? Так ведь только хуже сделаю, могу и вооружённый конфликт ненароком спровоцировать.

– Я свободна, – повторяю и разворачиваюсь.

- Лила? - альбинос невольно отступает, лицо вытягивается, бледнеет. На мгновение он даже глаза закрывает, словно не веря. - Лила... - повторяет растерянно.

Впрочем, его замешательство очень скоро исчезает. Сиреневые глаза вспыхивают и загораются предвкушением. Монт неожиданно подаётся вперёд, преодолевая то небольшое расстояние, которое нас всё ещё разделяет. Кит немедленно шагает ему навстречу, останавливая резким движением руки. Два других спуктума встают у него за спиной. Меня оперативно оттесняют, закрывая своими телами, Трой и Ниродин. Аналогично поступают в отношении своего начальства меланисты-сопровождающие. Охранники вскидывают бластеры, отчётливо щёлкая предохранителями.

- Так, так, - тихо смеётся Дэйль, взмахом руки приказывая им опустить оружие. - Понял я, понял. Приближаться не буду. Мы просто поговорим. Да, Лила?

- О чём? - тихо интересуюсь.

Наши защитники расступаются, и теперь я вновь лицезрею его хитрую физиономию.

- О тебе, естественно! - патетически восклицает альбинос. - Я столько сил и времени потратил на то, чтобы тебя найти, вытащить из того кошмара, в который ты сама себя отравила. Бросил дела, прилетел на Зогг, чуть с ума не сошёл, узнав, что с тобой произошло. А ты, оказывается, вовсе и не погибла, - качает головой. - Как же я этому рад! - оборачивается к своим спутникам, демонстрируя им, ну и нам заодно, насколько же искренне он за меня переживал.

Ловлю на себе вопросительные взгляды зоггиан, которые хоть и стараются скрыть своё удивление, но всё же не понимают, как им реагировать на подобные откровения.

- Ну что ж, - воодушевляется Монт. - Раз всё так замечательно складывается - ты жива, здорова, тебя никто не удерживает - идём!

Он протягивает ко мне руку. Я невольно отшатываюсь, чувствуя, как Трой приобнимает меня за плечи, чтобы не оступилась и не упала.

- Что такое? - удивляется альбинос. - Ты хочешь остаться здесь? С ними? - в притворном ужасе округляет глаза. - Нет, Лила, нет! Я не могу этого тебе позволить.

- Мне не нужно твоё разрешение, - меня начинает нервно потряхивать, но я стараюсь ничем этого не показать.

- Ай-яй-яй, - укоризненно смотрит Дэйль. - Забыла, что я твой опекун и несу за тебя ответственность? Не помнишь, что не имеешь права принимать предложений о смене социального статуса без моего одобрения?

- Что значит «опекун»? - решает вступить в разговор советник.

- У Лилы есть взятые на себя и невыполненные обязательства, - с готовностью переключается на него Монт.

Обязательства! Вот оно, то самое слово, которое моментально меняет всё. Зоггиане, для которых ответственность стоит на первом месте, игнорировать подобные заявления не могут.

- Какие именно? - тут же деловито интересуется Ниродин.

- Она должна родить мне ребёнка, - невозмутимо озвучивает Монт.

Если он хотел всех шокировать, то это у него получилось.

- Я тебе ничего не должна! - сжимаю кулаки, чтобы не разреветься от обиды. - Ты силой отобрал у меня кулон! Я тебе его не отдавала!

Изобразив на лице обиду и вселенскую скорбь, Дэйль сокрушённо вздыхает, качая головой. Посмотреть на него, так прям оскорблённая невинность! А я - наглая врушка.

Цепляюсь за Троя, чтобы иметь хоть какую-то опору. Парень сочувственно на меня смотрит и придвигается ближе.

– Идём, Лила, – бледная изящная рука снова протягивается ко мне. Впрочем, сам альбинос остаётся стоять неподвижно.

– Девушка никуда с тобой не пойдёт, – мне на помощь приходит Кит. – Теперь она зоггианка и не обязана соблюдать законы Цесса.

Сиреневый взгляд становится злым.

– Что, понравилась девочка? – Монт язвительно хмыкает. – Не хотите отдавать? Хороша, согласен. Другую бы я не искал, – жадный, липкий взгляд почти осязаемо скользит по моему телу, рассматривая весьма специфический наряд. – Ладно, предлагаю обмен. Возвращаете Лилу – получите взамен неё... Сколько девушек вас устроит? Десять? Пятьдесят? Сто?

У меня холодеют пальцы и подкашиваются ноги. Он с ума сошёл?

– Торг неприемлем, – цедит сквозь зубы Ниродин ничего хорошего не обещающим тоном.

Кит молчит, но в глазах... там столько ярости! Да и остальные зоггиане равнодушными не остаются. Несколько секунд Дэйль размышляет, оценивая мрачные лица мужчин. Приняв какое-то решение, отступает, приподнимая руки и раскрывая ладони, словно демонстрируя своё нежелание спорить. И мы уходим. Оставив за собой застывших в немом напряжении цессян, молча спускаемся по лестнице, заходим в воду, доплываем до гиклов и покидаем разрушенную базу. У меня никто ничего не спрашивает, наверное, не желая делать ещё больнее. Понимают, что мне и так плохо.

На середине пути спуктумы исчезают, а я, задумавшись о своём, пропускаю этот момент. Вскоре и Ниродин нас покидает, сворачивая к городу, кивнув мне на прощание и сложив пальцы в простенький знак: «До завтра». Так что в лазарет возвращаемся только мы с Троем. И вот тут... Тут я получаю шквал вопросов, потому как моему хранителю всё интересно.

«Что имел в виду альбинос, когда сказал, что переживал за тебя? Как он ухитрился получить эту самую опеку? Что ещё за кулон и зачем он его у тебя отобрал? Ты действительно должна была от этого жуткого типа родить ребёнка? Как у него вообще язык повернулся предложить девушек в обмен!» На этом моменте возмущение парня просто зашкаливает, и он, задышавшись от обуревающих его эмоций, принимается бегать по комнате. Удивительно, что вазу с цветами не разбил. Приходится его ловить, усаживать на кровать, успокаивать и объяснять, что и не переживал альбинос вовсе, а на публику играл. Искал, потому что я от его настойчивой опеки сбежала, а получил он её, украв мой кулон. То есть присвоил себе право на ребёнка. А девушки...

– Помнишь, я тебе про ценность вещей говорила? – вздыхаю, поглаживая взъерошенного юношу по руке. – Так вот. Для таких, как Монт, нет разницы, кто или что станет предметом подобного обмена. Главное для него – получить желаемое.

Парень немеет, нервно сглатывает, с минуту молчит, а потом выдавливают:

– Так, Лила. Давай-ка ты забудешь о том, где прошло твоё прошлое. И об этом типе вспоминать не будешь, ладно? А я уж прослежу за тем, чтобы вы больше никогда не встретились.

Трой, милый, Трой! Я бы с радостью, но... Эх, если бы ты в этот момент знал, что не сможешь выполнить своё обещание! Впрочем, не ты в этом виноват. Да и никто другой тоже. Ведь мы все были уверены в том, что так далеко от зоны военных действий, в непосредственной близости к городу, который охраняют спуктумы, нам опасаться нечего совершенно. А нужно было...

Думать, прежде чем делать

Чужое коварство, интриги, поспешность и излишнее доверие – вот та смесь, из которой рождаются, в конечном итоге, настоящие проблемы.

Это я уже потом в инструкцию вписываю, а в тот момент, когда мы с хранителем собираемся на встречу с Ниродином, после которой меня ждёт поездка к Айне, подобная мысль мне и в голову не приходит. Мы, как обычно, спокойно завтракаем, приводим себя в порядок, седлаем гикл и привычным маршрутом направляемся к городу.

К местным достопримечательностям я привыкла и давно уже не глазею по сторонам так, как это делала в первые дни. Опустив голову на плечо Троя и закрыв глаза, я дремлю, потому что вчера спать мы легли довольно поздно, а встали рано. Возможно, сохранись моё любопытство в прежней степени, пересиль оно ленивую дрему, всё пошло бы иначе, но...

Яркая вспышка бьёт по глазам, ослепляя даже сквозь закрытые веки. Гулкий отзвук, и в тот же самый миг гикл встряхивает так, словно он налетел на какую-то преграду, которую водитель почему-то не заметил. Страшной силы рывок. Руки, соскальзывающие со спины Троя. Сиденье, вырывающееся из-под ног. А в глазах световые блики, мешающие увидеть, что же именно произошло. Удерживают меня ремни безопасности. Эластичные, они растягиваются и тут же притягивают обратно. И только благодаря этому я не улетаю, а остаюсь на месте.

Ещё одна вспышка. Гул... На этот раз нас не встряхивает. Чувствую, как гикл кренится, уходя в сторону. Очередной световой удар, похожий на молнию. И новый поворот.

Трой лавирует, петляя по равнине, прибавляя скорость и стараясь скрыться от невесть откуда свалившейся на нас напасти. И если бы до города оставалось совсем немного, то ему бы это удалось. Однако расстояние слишком велико – здания едва-едва видны на горизонте.

Следующий разряд пронзает воду совсем рядом, задевая обтекатель. Ударной волной гикл разворачивает, заваливает на бок и бросает на один из устилающих равнину валунов. На какой-то краткий миг я теряю сознание, а когда прихожу в себя, понимаю, что лежу на боку, придавленная ускорителем. Двигатель не работает, потому что в горизонтальном положении поступление энергии блокируется автоматически, и именно это спасает седоков от травм.

Первая мысль, которая приходит в голову, – что бы это ни было, но оставаться здесь опасно! Торопливо отцепляю ремни и отталкиваюсь, выбираясь из-под тяжёлой техники, благо в воде это сделать проще, чем если бы мы были в атмосфере. Прodelываю аналогичную процедуру с ремнями хранителя, потому что он сам остаётся без движения. Пересиливая нарастающее головокружение, высвобождаю и его, надеясь быстро привести в сознание, и с ужасом смотрю на кровоточащую рану. Тёмно-красный шлейф медленно растекается, окутывая его голову.

Так, Лила, спокойно, не паниковать! Осматриваюсь, пытаюсь найти то, что пыталось нас убить. В одной из небольших расщелин между валунами хребта, с которого мы съехали, замечаю движение чего-то чёрного, непонятного, трудно различимого в неверном свете голубого минерала, освещающего долину. Впрочем, мне важно другое. Обстрел прекратился, а враг не так уж и близко!

Осторожно касаюсь раны на затылке, и парень открывает глаза. Секунду непонимающе на меня смотрит, дёргается, пытаюсь приподняться, и приказывает: «Уходи!» Ладонь его резко распрямляется, и тут же пальцы складываются в недвусмысленное: «Оставь меня, бери гикл и уплывай немедленно!»

Ну уж нет. Одна я точно никуда не поплыву! Строптиво мотаю головой и поднимаю ускоритель, фиксируя его в правильном положении. Подтягиваю Троя, помогая ему забраться на сиденье и закрепляя ремнями. Занимаю место водителя, активируя технику. Энергия на двигатель идёт без проблем, а вот обтекатель раскрываться не желает, видимо, его всё же повредило. Дихол! Значит, большой скорости развить не получится! Но и оставаться на месте, ожидая неизвестно чего, это ведь тоже не вариант.

Медленно разгоняюсь, выбирая самый короткий путь к городу, и тут же передо мной пронзает воду новый разряд, доказывая, что перерыв был временным. А поскольку лавировать, уходя от опасности, у меня получается не столь ловко, как у моего хранителя, следующий выстрел попадает в цель. Я даже не успеваю этого осознать. Вот только что перед глазами был простор океана, а в следующий миг – яркий всполох, мгла,

а потом боль, пронзившая грудную клетку, и хлёсткий приказ:

– Дыши, Лила, давай!

От приступа кашля сворачиваюсь в клубочек, подтягивая ноги к груди. Задыхаюсь и отплёвываюсь от воды, по всей видимости, попавшей в лёгкие. Кажется, меня приподнимают, чтобы облегчить мне эту задачу, и хвалят уже куда более ласково:

– Молодец. Спокойнее... Вот так... – похлопывают по спине, помогая избавиться от жидкости. – Теперь всё будет хорошо, моя хинари.

Ой! Так меня называл только...

– Харт? – пытаюсь оттолкнуться и сфокусироваться на том, кто со мной рядом. Голос звучит хрипло, гулко, словно от чего-то отражаясь, ещё и по гортани проходит острая боль, от которой я морщусь, хватаясь за шею. Натыкаюсь на руку, которая держит маску, прижимая её к лицу.

– Ты помолчи пока, – беспокоится мужчина. – Окажемся на воздухе, там тебе станет легче, сможешь дышать нормально. А на орбите окажут помощь.

Слышу, как над ухом щёлкает фиксатор окончательно закрепляя на лице прибор для дыхания. Денаж, удерживая меня в руках, поднимается с каменного крошева, и отталкивается, включая ускоритель. Практически мгновенно тёмная поверхность равнины оказывается далеко внизу.

Орбита? Какая ещё орбита?! Я не хочу!

– Пусти меня! – принимаюсь вырываться, игнорируя не самое хорошее состояние организма. – Верни обратно! Немедленно!

– Тише, Лила, ну что ты? – ласково уговаривает меня ликвидатор, перехватывая удобнее и прижимая к себе сильнее, чтобы не выскользнула. – Так испугалась?

– Там Трой! – изворачиваюсь в его руках, чтобы посмотреть на стремительно исчезающее дно океана, где маленьким светлым пятном всё ещё виден гикл. – Он ранен, его нельзя оставлять!

– Этот мальчик? – голос в наушниках, закрывающих виски, становится озабоченным. – Прости, Лила, я не смогу поднять вас двоих. Тяги не хватит.

– Не надо меня никуда поднимать! – снова пытаюсь вырваться. Безрезультатно. – Харт, пожалуйста! – всхлипываю, вцепляясь ему в плечи ногтями. Жаль только, расцарапать плотный защитный костюм у меня не получается.

Ликвидатор молчит, но скорости не снижает, а через несколько минут мы оказываемся рядом с дрейфующей в толще воды спасательной капсулой. Сдвинув верхнюю створку, Денаж забирается внутрь, усаживаясь вместе со мной в единственное кресло. Я, как могу, ему в этом мешаю, но он, сердито на меня шикнув, фиксирует руки ремнями, притягивая их к телу. Не обращая внимания на моё возмущение, включает продув, и воздух заполняет камеру, замещая собой воду. А через секунду от маски меня освобождают, как и себя от своей.

– Лила... – бросив экипировку под ноги, мужчина прихватывает моё лицо в ладони, заглядывая в глаза. – Ты решила меня свести с ума? Как же ты могла так поступить?! О чём думала, глупая?! – прижимает к себе. – Я же готов был всю базу разнести, когда узнал, с кем и куда ты отправилась! Неужели так трудно было сначала со мной поговорить! Обсудить! Мы бы всё решили, и с управляющим, и с твоим опекуном! Я ведь тебя люблю, забыла? – теперь его губы скользят по моему виску, целуя волосы. – Ты плачешь? – пугается, заметив слёзы, которые я при всём желании не могу сдержать. – Прости, прости, я не хотел на тебя давить. Во всём, что произошло, в первую очередь я сам виноват. Был бы к тебе более внимателен, ничего бы этого не произошло.

Он говорит, а ладони без дела не остаются, оглаживая плечи и стянутые за спиной руки. И заканчиваются их сумасбродные путешествия по моему телу весьма непредсказуемо. Недоумевающим восклицанием:

– Дихол! – ликвидатор отстраняется и округлившимися глазами рассматривает цепочки, в которых запутались его пальцы. – Что это за наряд?

– Развяжи меня немедленно! – не отвечая на вопросы, дёргаюсь в попытках освободиться. – Иначе я себя точно покалечу! А потом и тебя!

– Ладно, ладно, успокойся, – соглашается Харт, ослабляя ремни.

Этим я и пользуюсь, залепляя ему одну пощёчину и замахиваясь на вторую. Думаете, это помогает? Руку перехватывают, а меня ещё крепче прижимают к себе.

– Узнаю мою строптивую хинари, – улыбается непробиваемый тип. – Ну не злись, – погладив по голове, дотягивается до панели управления.

Чтобы меня удерживать от необдуманных поступков, одной руки ему вполне достаточно. Система оживает, разворачивая перед нами привычный интерфейс управления, и большие мужские пальцы уверенно по нему скользят, выбирая нужные настройки.

– Харт, подожди! – пытаюсь его остановить. – Мне нельзя вверх! Мой организм изменили, я не знаю, как он на низкое давление отреагирует!

– Ты же была на переговорах, – тот на мгновение прекращает свою деятельность и удивлённо на меня смотрит. – Они на поверхности проходили, значит, ничего страшного. А насчёт давления не переживай, капсула герметична, так что я его постепенно снижать буду, – возвращается к консоли. – Да! – бросает в переговорник, когда оттуда раздаётся невнятное шипение, треск и краткое: «Приём». – Лила у меня, нас можно забирать. Мне нужно три минуты на всплытие. Координаты получили?

Услышав подтверждение, Денаж запускает двигатели, и нас вжимает в кресло ускорением, когда капсула начинает подъём. Тоскливо слежу за тем, как меняются цифры, показывающие расстояние до поверхности, лихорадочно пытаюсь придумать, как же мне теперь из этого всего выпутаться. Харту, судя по всему, кто-то очень хорошо по мозгам проехал, раз он решился на подобную авантюру. Кто именно? Ну а разве много тех, кто в курсе, что я участвовала в переговорах и где именно меня искать? Естественно, мой ненаглядный опекун! Что б его спуктумы придушили когда-нибудь!

Злюсь, да. А толку? Изобрести ничего путного не успеваю. Неожиданно быстро начинает светлеть, а потом нас и вовсе ослепляют яркие лучи Фиссо, потому что капсулу выбрасывает в воздух. И пока мы приходим в себя, покачиваясь на волнах, сверху зависает маленький пилотник, в недрах которого мы снова оказываемся в полной темноте.

– Ну вот, – удовлетворённо выдыхает Харт, отключая управление и откидывая спинку кресла. Принимает горизонтальное положение и меня тянет за собой. Подгребаёт ближе, укладывая рядом. – Теперь нам часов шесть ждать, пока выровняется давление. Мы слишком быстро поднимались. Можешь поспать, если хочешь.

– Не хочу, – бурчу сердито и отталкиваюсь, чтобы уменьшить площадь контакта. – И вообще руки от меня убери!

Несколько секунд Харт растерян на меня смотрит, с какой-то обидой даже.

– Я её спас, а она даже спасибо сказать не хочет, – словно сам для себя говорит.

– Спас?! Да ты меня чуть не убил! – я аж подпрыгиваю. Прикладываюсь темечком к низкому потолку и хватаюсь за голову. – Ой...

– Горе ты моё! – сетует Денаж, но руки больше не распускает. – Больно?

– Нет, – шмыгаю носом, стирая слёзы и убирая упавшие на лицо волосы. Дихол! Опять мокрые! И юбка тоже. А обувь я вообще потеряла, пока с Хартom «воевала».

– Я же не на поражение стрелял, – это он всё же решил оправдаться. – Просто у меня не было другого способа вас остановить.

– Способа у него не было... – ворчу в ответ и спохватываюсь: – Как ты вообще там

оказался?! В смысле, откуда узнал, что это я еду?

– Пока вы были на переговорах, к технике, на которой прибыли зоггиане, маячки прикрепили. Насколько я знаю, подводники с утра их караулили.

Впечатываю лицо в ладони. Ну я дорада! Как есть, дорада! О таком элементарном не подумала и зоггиан не предупредила! А они не догадались, естественно, и даже охрану не выставили!

– Меня Монт вызвал, когда после переговоров вернулся. Сказал, что ты жива, попросил тебя найти и частоту датчика дал с того ускорителя, на котором тебя увезли. Я всю ночь добирался, старался, чтобы меня не засекли. Рассвет в расщелине переждал. Думал, что спуктумы появятся и их убивать придётся, но обошлось. Хотел уже дальше двинуться, до источника сигнала совсем немного оставалось, а потом понял, что он приближается. И вас увидел. Вот и не стал медлить.

Ясное дело, что не стал. Я последствия этого «не стал» на собственной шкурке испытала! Вздыхаю, обнимая себя за плечи и поджимая ноги, потому как меня начинает знобить. То ли это нервное, то ли температура в капсуле низковата. Заметив моё состояние, мужчина вновь активизирует панель, проверяя параметры давления и включая обогрев и обдув.

– Спасибо, – подставляю голову под поток тёплого воздуха и пропускаю сквозь пальцы сырые прядки. – А расчёски у тебя нет?

Качает головой. Понятно. Придётся терпеть.

– Ты бы всё же отдохнула, – заботливо советует Денаж. – Время быстрее пройдёт, да и потом ещё неизвестно, когда выпасться получится.

– Правда, не хочу, – взбиваю пальцами волосы, чтобы быстрее просохли. – Ты лучше расскажи, что после моего... гм... исчезновения произошло. Тебя на Цесс не отправили новую приманку искать?

– Не успели, – мрачно цедит ликвидатор. – Вернее, сначала я и слышать об этом не хотел, тебя искал, думал, может, успею ещё спасти, – голос звучит очень глухо, и мне становится понятно, как же трудно было ему смириться с тем, что я погибла. – А когда всё же решился лететь, ждать пришлось, пока наберётся нужное количество ултриза на отправку. Кстати, со мной Эфос летел. Он ведь тоже без приманки остался, а за это время успел подлечиться. Тот спуктум, на которого ты его тогда вывела, здорово Эфоса потрепал, – видно, что, несмотря на соперничество, Харт ему всё равно сочувствует. – Ну вот, – продолжает, – едва мы стартовали, нас ипериане захватили. Они в кольцо Зогг взяли, перед тем как базу разрушить. Впрочем, я и в плену-то всего несколько дней пробыл, наш флот подоспел быстро. Корабль, на котором пленных держали, в сражении почти не пострадал, так что мы теперь тоже мобилизованные.

– А Ожина? – осторожно интересуюсь.

– Когда я улетал, она на базе оставалась, – теперь он говорит совсем легко. – А во время нападения была на разведке месторождений, так что не пострадала и вместе с другими загонщицами смогла попасть на спасательный шаттл. Их, правда, тоже захватили, но к женщинам ипериане относятся лояльно. Все живы остались.

– И ты её бросил, чтобы рисковать ради меня? Я же тебе в сообщении написала, что твоей женой не буду.

– Я думал, ты это сделала, чтобы не доставлять мне лишних проблем, – мужчина хмурится, и его взгляд тяжелеет. – Знаю же, что ты привыкла решать их самостоятельно. То, как ты на меня свалилась, никогда не забуду. И вообще! – встряхивает головой, словно отбрасывая ненужные мысли. – Не мог же я оставить тебя в плену у этих диких аборигенов?

– Лучше бы оставил, – вздыхаю сокрушённо. – Мне у них было так хорошо!

– Хорошо? Не понял, – с подозрением смотрит Денаж, – но ведь Монт сказал, что тебя привезли как заложницу. И могут убить, если мы не выполним их требования и не

уведём флот.

Вот гад! Так и знала, что альбинос найдёт способ меня достать! Не своими руками, так чужими! Зато у меня теперь есть потенциальный союзник. Которого нужно только убедить в том, что его использовали. Коротко рассказываю ему о том, как прошли переговоры, о своей жизни у зоггиан, о том, как именно они воспринимают охоту, о приманках, которые не только остаются в живых, но ещё и находят своё счастье. Вот только Харт мрачнеет ещё сильнее. Изо всех сил сдерживается, чтобы не перебивать – челюсти сжаты, желваки ходуном ходят, лоб прорезала морщина. А когда мой рассказ заканчивается...

– Ты влюбилась? – коротко бросает.

Ой. Он ревнует?

– Нет, – говорю осторожно, потому что не уверена, что лучше – на свой страх и риск сказать правду или солгать, чтобы потенциальный муженёк окончательно отказался от мысли, что я должна стать его женой.

– Уф-ф, – с облегчением выдыхает брюнет. – Тогда тебе совершенно не о чем переживать. Мы вернёмся на Цесс, и я обещаю, что твоя жизнь будет ничем не хуже, чем на Зогге. Я куплю дом, у меня для этого уже достаточно средств. Можешь даже не работать, нам надолго хватит. Да и я найду работу поспокойнее, чтобы быть с тобой рядом. Если не хочешь, чтобы Ожина жила с нами, я поселю её отдельно...

– Подожди, – торопливо останавливаю его фантазии. – А если бы я действительно успела влюбиться в зоггианина?

Денаж задумывается, видимо, оценивая возможную ситуацию.

– Не знаю! – сердится. Даже на бок переворачивается, чтобы скрыть раздражение действием. – Наверное, подождет бы, пока ты его забудешь. Что за вопросы, Лила? Ты же не влюбилась! – не удерживается и берёт меня за руку. – Значит, я могу надеяться на то, что моё предложение ты всё же примешь?

– А как же Монт? – осторожно пытаюсь избавиться от сжимающих запястье пальцев.

– А что с ним не так? – удивлённо ползут вверх тёмные брови. – Он ведь сам поставил мне условие, что даст разрешение только на брак.

Ясно. Придётся отсюда самостоятельно выбираться, ибо помощник из Харта никакой. Его заинтересованность во мне только во вред. Дихол! Ну что за маниакальное стремление получить желаемое невзирая ни на что и не считаясь ни с чем? Зоггиане в этом смысле куда более правильные. Если не хочет девушка отношений, навязываться не будут. О своих чувствах и потребностях думают в последнюю очередь!

– И мы сейчас к нему? – максимально равнодушно интересуюсь, бросая взгляд в по-прежнему тёмное пространство за прозрачной крышкой. Это я его бдительность усыпляю и перспективы выясняю. Для того чтобы что-то планировать, нужно точно знать, какие для этого будут возможности.

– Ага, – куда более спокойно реагирует Денаж. Улыбается даже. Видимо, моя покладистость его более чем устраивает. – Он на флагманском корабле. Его назначили адъютантом командующего эскадрой, едва стало понятно, что вооружённого конфликта с иперианами не избежать. Сам Монт, насколько мне известно, против назначения не возражал, хотя обстановка вокруг Зогга быть спокойной не обещала.

– У него здесь отец, – напоминаю.

– Ну да, да, – соглашается ликвидатор. – Только мне кажется, не в этом причина. Знаешь, что я слышал? – придвигается ближе, таинственно понижая голос, хотя подслушивать нас вроде как некому – микрофон выключен, а сквозь обшивку звуки не проходят. – Переговоры ведутся только для отвода глаз. Как только прибудет вторая эскадра, на Зогге начнутся военные действия. Сейчас на кораблях устанавливают оружие, аналогичное тому, которое мы используем для уничтожения спуктума на охоте. Так что шансы прибрать эту планету к рукам и прижать местных, чтобы не противились добыче

ультриза, очень даже высокие. А как ты думаешь, кто получит за это вознаграждение?

Ой! На чьи-то попытки обогатиться мне совершенно наплевать, но зоггиане!.. Сомневаюсь, что против такой армады у спуктумов будет хоть какой-то шанс выстоять и защитить свой мир!

– Харт! Этого нельзя допустить! – снова подсакиваю, на этот раз более удачно и без травм. Было бы больше свободного пространства, точно бы сорвалась с места и принялась бегать по помещению. – Они мирные! Никому не хотят зла! И очень хорошие! Они нас на охоте от рождающихся потоков защищали! Девушки только потому живы и оставались, что зоггиане-драконы перехватывали контроль и не позволяли их уничтожить! Может, со стороны это и выглядело иначе, но, поверь, так и было!

– Я верю, верю, не нужно нервничать, – меня мягко укладывают обратно, ещё и собой сверху прижимают, чтобы с гарантией уже успокоилась. – Только что тут можно сделать?

– Можно их предупредить! – ради его помощи я даже подобную вольность вытерпеть готова. – Послать сообщение хотя бы!

– Хочешь, чтобы я это сделал? – в голосе нависающего надо мной мужчины появляются хриплые нотки. – Это ведь риск, – он закрывает глаза и наклоняется, касаясь губами моих волос. Глубоко втягивает носом воздух и шепчет на выдохе: – Чтобы на него пойти у меня должен быть весомый мотив.

Намёк понятен. А вот как мне на него реагировать, решить не могу. Вспылить и возмутиться? И чего я этим добьюсь? Повестись на его маленький шантаж и получить большую проблему на всю оставшуюся жизнь? Тоже не вариант. И как быть?

Быть сильной в своей слабости

Да, жизнь не любит слабых. Но даже у сильных есть маленькие слабости.

Не забыть бы это записать, когда вернусь. Хорошая мысль, может, кому и пригодится. Хотя если моя инструкция достанется Трою, он в большей степени удивляться будет, чем использовать как руководство к действию. Ага. Если буклет к нему вообще попадёт. Надеюсь, диспетчер сигнал бедствия принял, я видела, что датчик связи активен и хранитель выжил. Вот только с такой внешней угрозой много ли будет от этого проку? Значит, придётся забыть о себе и исходить из соображений разумности. А что главное? Правильно. Предупредить.

– А у тебя его нет? – скольжу ладошками по напряжённым плечам. – Разве ты не хочешь, чтобы я видела в тебе настоящего мужчину. Чтобы я смотрела на тебя, как на героя, который спас целую планету?

– Хочу, моя хинари, очень хочу, – шепчет Харт, придавливая меня так, что становится трудно дышать. – Но я боюсь тебя снова потерять.

– Куда я от тебя денусь? – выдыхаю остатки воздуха и не выдерживаю: – Раздавишь!

– Прости! – он тут же приподнимается, удерживая вес на руках. – Значит, на помолвку согласна?

Нервно сглатываю. Ну вот, Лила, доигралась. От тебя уже официального подтверждения требуют.

– А ты согласен передать зоггианам информацию? – ловко ухажу от прямого ответа.

– Передам сразу, как только ты официально примешь статус невесты, – совершенно серьёзно смотрят на меня тёмные глаза.

Н-да... Жизнь – это не «Ривус», и манипулировать теми, кто в неё играет, так же, как

юнитами, у меня не получается. Сама в итоге оказываюсь в проигрыше. И что? Неужели я настолько эгоистична, что не могу пожертвовать своей жизнью ради того, чтобы жили другие? Айна, Трой, Кит, Ниродин... Все те, кто однозначно пострадает, если я буду думать только о себе!

– Хорошо, – говорю быстро, чтобы не передумать.

Харт неожиданно переворачивается, и теперь я оказываюсь сверху, а он меня обнимает, удерживая на себе, чтобы не свалилась. Несколько секунд всматривается в мои глаза, словно не верит. Наконец, улыбается:

– Тогда я попрошу твоего опекуна назначить помолвку на завтра.

Завтра... Завтра твоя свобода, Лила, превратится в эфемерное ничто, и ты сама будешь в этом виновата!

– Завтра? – недовольный сиреневый взор скользит по мужской фигуре, стоящей позади меня, перемещается на моё лицо, и белые брови сползаются к переносице. – Не слишком ли ты торопишься, ликвидатор?

Альбинос стоит у огромного иллюминатора, за которым на фоне иссиня-чёрного космического пространства и далёких крошечных звёзд медленно плывёт край диска Зогга. Харт медлить не стал и, едва закончилось наше вынужденное уединение, потащил меня к началству, благо пилотник давным-давно к крейсеру пришвартовался. Ну и вот результат.

– Ты обещал, что если я её привезу, дашь мне официальное разрешение, – надо мной звучит низкий голос.

– Именно разрешение, – кривятся тонкие бледные губы, – а не согласие на немедленное проведение обряда.

Руки, прижимающие меня к сильному корпусу, напрягаются, ладони сжимаются в кулаки. Ясно, что Денажу заявление Дэйля не нравится. Да и мне тоже! Ведь если не будет помолвки, Харт наше с ним соглашение тоже не выполнит!

– Причинами я могу поинтересоваться? – в интонациях моего потенциального муженька всё же прорывается недовольство.

– Разумеется, – заложив руки за спину, Монт покачивается на носках. – Во-первых, – начинает довольно холодно, – как опекун, я желаю быть уверенным в том, что жизнь моей подопечной в будущем будет обеспеченной и счастливой, а мой ребёнок будет воспитываться в нормальной полноценной семье.

На этом патетическом моменте он делает эффектную паузу, у меня аж зубы сводит от приторности его обещания. Альбинос разворачивается к иллюминатору, несколько секунд внимательно рассматривает появившиеся в поле зрения корабли.

– А в этом у меня есть определённые сомнения, – продолжает свою нотацию. – Мы на войне, и здесь может произойти всё что угодно, – снова разворачивается к нам, демонстрируя самое что ни на есть серьёзное и озабоченное выражение лица. – Во-вторых, – короткий шаг ближе, и рука, скользнувшая в сторону, чтобы подцепить с глянцевой поверхности стола, заваленного бумагами, какой-то лист.

И снова пауза. Дэйль быстро пробегает по документу глазами, бросает его обратно, хмурится, поднимает на нас взгляд, в котором даже самый придирчивый зритель не разглядит ничего, кроме деловой сосредоточенности, и заканчивает:

– Выполняя свои обязательства по отношению к Лиле, я желаю, чтобы она свои также выполнила. И сделала это до того, как состоится церемония. Я теперь слишком занят, чтобы в тот момент, когда вы решитесь, наконец, на ребёнка, бросать свои дела и мчаться к вам. Так что как только Лила забеременеет и военные действия закончатся, вы сможете пожениться и улететь на Цесс. Я объяснил достаточно внятно или мне что-то нужно разъяснить подробнее?

Несмотря на контроль, теперь и его голос становится раздражённым. Ясно, что отчитываться в своих действиях перед подчинёнными альбинос не привык.

– Я всё понял, – озвучивает свою позицию Денаж. – Мы можем идти?

– Ты, да, – разрешает Монт. – Отправляйся на корабль, к которому теперь приписан. А с Лилой у меня ещё будет разговор.

– Но... – теряется меланист. – Мне нужно найти ей каюту...

– Это не твои проблемы, – блондин нетерпеливо его обрывает. – Я о Лиле позабочусь. Твоя же задача, если хочешь стать её мужем, выжить, сделать всё, чтобы эта война закончилась быстро, а мы в ней выиграли, получив всё то, что нам необходимо. Иди! – кивает на дверь.

Харт медлит. Нехотя, но всё же отступает, выпуская меня из объятий. Я, оглянувшись, вижу в его глазах растерянность пополам с сомнением и горько про себя усмехаюсь. Да, мой дорогой, вот ты в один миг и лишился того, чего так страстно желал. Будет великим счастьем, если альбинос сказал правду и его истинные мотивы не отличаются от тех, что он так красиво расписал.

– Ну, наконец-то. Вот упёртый тип! – едва за бронетом закрывается дверь, раздражённо восклицает Дэйль. Неторопливо подходит, останавливаясь совсем рядом. – Угрозил же тебя с ним связаться! Эх, Лиля, Лиля, – смотрит с укором. – Что ж с тобой проблем-то столько? Посмотри, до чего всё довела.

– Я довела?! – изумляюсь, отступая от него на шаг. – Я тебе разрешала забирать мой кулон? Или настаивала на том, чтобы ты не отказывался от обязательств, которые себе присвоил? Или просила меня искать? Это ты, – тычу пальцем в его грудь, – ты сам портишь всем жизнь. И себе в том числе!

На лице альбиноса расцветает улыбка, мою руку, так удачно оказавшуюся в пределах досягаемости, он перехватывает, а я, набрав очередную порцию воздуха, замолкаю, захлебнувшись возмущением. Но не сдаюсь.

– Не смей! Ко мне! Прикасайся! – чётко выделяю слова, глядя прямо в его наглые глаза.

Ну а поскольку эффект нулевой и моё запястье по-прежнему в плену цепких пальцев, ещё и отталкиваю его в попытке освободиться. А через секунду уже лежу спиной на столе, с заведёнными за голову руками, которые прижимает к гладкой поверхности нависающий надо мной, озабоченный только собственными страстями субъект.

– Не наигралась? – ухмыляется. – А я думал, что хоть жизнь тебя научит ценить то, что имеешь.

– Твою опеку? – несмотря на уязвимое положение, мне становится смешно. – Или твою навязчивую идею со мной переспать?

– Дихол! – взрывается Монт. – Лиля! Какая же ты... – он сжимает зубы, чтобы не «обласкать» меня чем-нибудь специфическим. В конце концов, находит эпитет: – Глупая! Да если бы я хотел банального физического удовлетворения, взял бы тебя давным-давно, ещё на Цессе, и наплевал на последствия! Сделал бы это, даже не заморачиваясь насчёт того, что у тебя после не было бы детей! Или отымел бы прямо здесь и сейчас! Без долгих прелюдий и разговоров! Меня бы не остановили никакие моральные принципы! Я бы получил от тебя то, что мне нужно, и можешь не сомневаться, представил всё так, чтобы никто, слышишь, никто не смог меня обвинить!

В его глазах появляется настоящая злость, и мне становится страшно. В перспективе быть убитой и вышвырнутой за борт приятного мало, а между его словами читается именно эта угроза. Наверное, на моём лице мои мысли всё же отражаются, потому что Дэйль прикрывает веки, что-то бормочет, выдыхает, успокаиваясь, и, наконец, отстраняется, вздёргивая меня следом. Сильным движением отправляет в кресло, вцепляясь пальцами в спинку второго и подтягивая ближе.

– Так что прекращай меня провоцировать и давай нормально, спокойно поговорим, – усаживается напротив, укладывая ногу на ногу. Разглаживает складку на белых брюках,

поправляет китель и сцепляет пальцы в замок, опираясь локтями на подлокотники.

Я тоже пользуюсь возможностью привести свой облик в приличное состояние. Переодеться не успела, Харт не стал тратить время на то, чтобы найти мне другую одежду, а потрепали меня сегодня основательно. Сначала меланист, потом альбинос... В общем, видок у меня тот ещё. Босая, растрёпанная, одежда просохла, но ткань основательно измята, часть камней, украшавших наряд, исчезла в небытие, несколько цепочек порваны, и поэтому накладки, закрывающие грудь, держатся на честном слове и наверняка только потому ещё не отвалились, что кто-то очень уж пристально их рассматривает.

– Кх-м... – Монт прикладывает основательное усилие, чтобы оторваться от привлекательного для мужского взгляда зрелища и посмотреть на моё лицо. – Для начала я хотел бы узнать, как ты относишься к Харту. Ты действительно его любишь и готова выйти замуж? Или просто так складываются обстоятельства? Видишь ли, Лила, – быстро добавляет, пока я набираю воздух и соображаю, что ему ответить. – Я не позволил ему торопиться с помолвкой в первую очередь потому, что забочусь о тебе. Ты исчезла из-под моего контроля, и я на некоторое время потерял тебя из виду, а когда получил от Денажа письмо, попытался разобраться, что же тебя с ним связывает. Знаешь, что я узнал и понял? Ты совершенно не готова жить с этим меланистом, и брак этот исключительно его инициатива. Я прав? Скажи честно, я отзываю разрешение и откажу ему окончательно.

Клянусь, если бы я не знала Монту, я бы ему поверила. Вернее, поверила тому, что делает он всё исключительно в заботе обо мне. Ведь как душевно говорит! С нереальным теплом в голосе! С таким беспокойством в глазах! Но, к счастью, здоровый скептицизм, который выработался за все эти годы, не даёт мне повестись на его «искренность».

– Харт мне нравится, – пожимаю плечами. – Он много для меня сделал, оберегал...

– Лила, – прерывая меня, морщится Дэйль. – Вот только не надо мне говорить, что ты согласишься быть с ним и рожать ему детей только из чувства благодарности.

– Почему нет? – делаю вид, что всё именно так и есть. – К тому же, я не вижу иных альтернатив своей личной жизни, – добавляю со вздохом, провоцируя мужчину на откровенность. О своём страстном желании вернуться в мир зоггиан умалчиваю принципиально. Не хватало только Монту знать о том, как же сильно я мечтаю попасть обратно!

– Не видишь... – неторопливо тянет он, задумчиво изучая моё лицо. – Тогда я их тебе озвучу, раз уж ты настолько недогадлива, – меняет положение тела, откидываясь на спинку кресла и убирая со лба упавшую прядь светлых волос. – Знаешь, я безумно благодарен судьбе за то, что она свела нас вместе в тот день, когда я забрал твой кулон. Да, я поступил с тобой жёстко и несправедливо, – признаётся, наконец. – Хотел наказать за упрямство и строптивость. Меня бесило то, что ты не реагируешь на меня так, как другие девушки, а я был молод, вспыльчив и нетерпелив. Но повзрослел быстро, жизнь заставила меня на многие вещи смотреть иначе, и на твоё поведение тоже. Моё восприятие изменилось. В какой-то момент я был даже готов извиниться и вернуть тебе идентификатор, но... – на несколько секунд он замолкает, принимаясь выстукивать пальцами дробь на коленке. – Не смог. Ты стала моей мечтой, Лила. Я понял, что не хочу тебя терять. Понял, что выполнение кратковременных обязательств по зачатию – это не то, что мне нужно. Я даже хотел нормально за тобой поухаживать, но ты сбежала на Зогг, – сокрушённо разводит руками и улыбается: – Да, Лила, я не хочу твоего брака с Денажем, потому что ты нужна мне. Так что замуж за него ты не выйдешь.

От подобного признания у меня в душе всё холодеет. Пусть Дэйль напрямую этого и не говорит, но смертный приговор ликвидатору написан на его лице. Альбинос однозначно сделает всё, чтобы в первом же сражении конкурент погиб и не предьявлял на меня никаких прав.

– Ты считаешь, что я соглашусь на длительные отношения с тобой? – пересиливая себя, хмуро интересуюсь.

– Я дам тебе время, – демонстрирует невероятное терпение к моему негативному отношению блондин. – Не буду торопить. Ты узнаешь меня лучше, поймёшь, что твоё

восприятие было предвзятым, вот тогда и вернёмся к этому вопросу, – неожиданно отталкивается, поднимаясь с кресла. – Это мой кабинет, – пробегает глазами по строгому интерьеру, – а здесь, – указывает на небольшую дверь между стеллажами, – комната для отдыха. Там есть минимальный набор всего необходимого, чтобы привести себя в порядок, – протягивает руку, помогая встать.

Через несколько секунд я попадаю в небольшую, но уютную комнатку, а дверь за мной закрывается с характерным таким щелчком. Недвусмысленным. Заперли меня, короче! Понятно, что Монт страхуется, но факт неприятный. Ну да ладно, сделаю вид, что меня всё устраивает, дождусь, пока альбинос потеряет бдительность, благо время у меня на это есть, и попробую сбежать. Жаль только, что сообщение на Зогг передать не получилось. Эх...

Стараясь об этом не думать, занимаюсь собой. Дэйль даже приуменьшил комфорт того места, в котором я оказалась: ванная, туалет, маленькая столовая, гардероб... С изумлением рассматриваю целую стопку привычной для меня женской одежды и обуви, недоумевая, откуда она здесь взялась в таких количествах. С другой стороны, если Монт был уверен в том, что я буду с ним, мог и заранее прикупить.

Часов через шесть пребывания в замкнутом пространстве в моей голове начинают рождаться не самые приятные мысли и сомнения в том, что побег – дело быстрое и легко осуществимое. Я уже и вымылась, и оделась, и поела, и бесцельно по комнате побродила, и даже подремала на небольшом диванчике, а никаких изменений в окружающем меня мире как не было, так и нет. Хотя из-за закрытой двери периодически доносятся до меня мужские голоса, один раз даже упало что-то, основательно меня напугав, но при всём желании разобрать, о чём именно говорят посетители кабинета адьютора, я, увы, не могу. Хорошая здесь звукоизоляция!

От безысходности я пару раз принимаюсь пинать дверь в надежде, что она откроется, замок-то снаружи, а не изнутри. Безрезультатно. Перерываю шкафы, отыскивая хоть что-нибудь, похожее на оружие, даже под диван заглядываю. Пусто. В расстроенных чувствах плюхаюсь на него, реву, сбрасывая накопившееся напряжение, засыпаю. Просыпаюсь, и... И опять ничего! Обо мне словно забыли! Понятно, что с голоду я не умру, столовая тут автоматическая, но с ума сойду точно! И собственными руками придушу первого, кто войдёт в эту дверь!

Ой! Это я как-то опрометчиво себе пообещала! Оперативно отодвигаюсь подальше в угол дивана, потому что в неожиданно распахнувшийся проём шагает целая делегация из пяти цессян. Многовато, чтобы придушить. К тому же они ещё и с оружием! Двое – охранники с совершенно тупыми, невозмутимыми мордами, внушительного вида блондин с регалиями и презрительно-брезгливой физиономией, брюнет, похоже, тот, что сопровождал Монту на переговорах, ну и Дэйль собственной персоной, куда ж без этого типа.

Долго у двери они не задерживаются. Меняется диспозиция быстро. Охранники, осмотрев помещение, выходят вон, Монт пододвигает начальству кресло. Оно (то есть он) грузно в него опускается, а прихвостень-меланист встаёт за его спиной.

Так, трое – это уже лучше, но всё равно со всеми я не справлюсь.

– Меня зовут Литорон, Лила, – начинает разговор альбинос, впиваясь в меня неприятным взглядом. – Я команду этой эскадрой, и мне нужна информация.

– Какая именно? – вопрос я задаю ему, а смотрю на своего опекуна, который с тревогой наблюдает за происходящим, прислонившись к стене.

– Спуктумы, – с раздражением озвучивает командуемый. – Похоже, что у нас относительно этих субстанций крайне недостоверная информация. Мне нужно знать, какая связь между рождающимися над месторождениями драконами и зоггианами. Это первое. Второе, – наклоняется вперёд, упирая ладони в колени. – Кто главный у зоггиан? Где обычно он находится? Какая у него охрана? Есть ли шанс его захватить, если спланировать соответствующую операцию?

Он замолкает, а я лихорадочно соображаю, как выкрутиться из щекотливого положения, чтобы не подставить зоггиан.

– У них нет лидера, – решаю, что в этой информации ничего криминального. – Есть совет, который собирается тогда, когда в этом есть необходимость. А спуктумы... – теперь продумываю каждое слово, – зоггиане сами их боятся. И стараются придерживаться тех мест, где потоки не формируются.

– Врёшь! – припечатывает Литорон. Я аж вздрагиваю от неожиданности. – Наши приборы зафиксировали, как один из местных плыл рядом со спуктумом! И тот его даже не тронул!

На такое заявление я уже не могу придумать, что отвечать.

Меланист склоняется к начальственному уху, принимаясь что-то быстро шептать. Монт нервно проводит рукой по волосам, похоже, интерес к моей персоне командора его не слишком радует. А я по-прежнему молчу.

Командующий вдруг недобро усмехается, отодвигая советчика.

– Охрана! – коротко бросает, тяжело поднимаясь с кресла. – Девчонку в допросную, – приказывает, едва меланисты появляются в проёме.

– Нет! Не нужно! – неожиданно восклицает Дэйль, шагая им навстречу и закрывая меня собой. – Она всё расскажет сама. Дай мне время, я обещаю, что у тебя будут ответы на все интересующие нас вопросы!

– Дихол, Монт! – рычит Литорон. – Мало того, что ты скрыл от меня информацию, что у тебя одна из приманок, побывавшая у местных, так ещё и не допросил её толком! Почему я должен всё узнавать из третьих рук? Что ты, что твой папаша – одинаковые, только о себе думаете! Если бы тот не скрывал так долго и тщательно информацию о наличии на планете этих... – задыхается от возмущения, – зоггиан, – выплёвывает, наконец, – скольких бы проблем мы избежали!

С минуту он тяжело дышит, буравя и без того бледного альбиноса мрачным сиреневым взглядом.

– Ладно, – одаривает разрешением, – даю тебе сутки. Но если к этому времени она не заговорит, я возьмусь за неё лично. Это понятно? – убедившись, что внушение своей цели достигло, разворачивается и покидает комнату. За ним следом, бросив на меня угрюмые взгляды, утекают охранники, недовольные тем, что приказ отменили. Последним незаметно выскальзывает меланист-соглядатай. Остаётся только Монт. И я – со стойким ощущением какой-то нереальности происходящего.

Так и сидим в тишине. То есть это я сижу, а Дэйль стоит неподвижно, спиной ко мне, словно его выключили. Дверь закрылась, но щелчка я не слышала, значит, открыть её будет легко. Может... Закусываю губу, осматриваясь в поисках чего-нибудь тяжёлого. Не нахожу. А нападать на мужчину с голыми руками смысла не имеет. Я, конечно, кое-чему у Харта научилась, но это больше уклонения касается, самозащиты то есть, а не нападения. Ну что ж, потерпим.

Нужно уметь ждать

Если нет возможности принимать обдуманные решение, лучше поспешных решений не принимать.

Хмыкаю. Похоже, мой мозг изобрёл ещё одну рекомендацию. Я скоро обзаведусь целым арсеналом подобных подсказок, если такие ситуации будут повторяться!

На звук Дэйль поворачивается, и лицо его оптимизмом не светится. Как и бодростью, впрочем. Похоже, что в отличие от меня он сегодня не спал. Вздохнув, шагает к дивану и присаживается рядом. С усилием растирает виски, по всей видимости, чтобы быстрее справиться с мыслями.

– Что такое допросная, ты себе представляешь? – устало спрашивает.

– Догадываюсь, – осторожно отвечаю. Представлять не хочу, но то, что церемониться со мной там не будут, вот в этом уверена. Очень уж нехороший взгляд был у командующего.

Монт кивает и молчит.

– Если не расскажешь то, что он хочет услышать, могут замучить до смерти, – наконец продолжает. – Сама понимаешь, если туда попадёшь, я тебя вытащить не смогу. Подумай, стоит ли жертвовать собой ради тех, кого ты больше никогда не увидишь. Не проще ли всё рассказать?

– А почему ко мне такие вопросы? – изображаю негодование, подавляя нехорошее предчувствие, окатившее холодной волной, куда более неприятной, чем язык спуктума. – С чего вы все вдруг решили, что я знаю на них ответы? Я в политику не лезу! И вообще зоггиане нас от гибели спасали, потому что потоки никого не щадят! Потом лечили. Долго. Знаешь, когда тебе плохо, как-то не до выяснения того, кто именно тебе помогает. Да и после зоггиане нас в свои дела не посвящали. Мы у них свою личную жизнь устраивали, а не карьеру!

– А на переговоры с нами аборигены зачем тебя взяли? – криво усмехается Монт. – Чтобы ты украсила встречу своим присутствием? Или ты за кого-то из них замуж выйти пообещала, а расстаться с тобой претендент не смог? И собой притащил? – язвительный тон вдруг меняется на сомнение, и Монт нехорошо прищуривается, сжимая кулаки. Видимо, дикая идея, пришедшая в голову, ему вдруг начинает казаться реальной. – Тот бржнет, который требования озвучивал, так на тебя смотрел... – цедит сквозь зубы.

Не знаю уж, что альбиносу привиделось во взгляде Кита, я ничего особенного не заметила. Но на душе почему-то становится приятно. И даже менее страшно.

– Именно так, – решаю, что лучше поддержать мужчину в этом заблуждении, чем выдать истинную причину моего появления в клубе. – К тому же после переговоров мы все на свадьбу моей подруги ехать должны были. Так что меня взяли, чтобы не пришлось возвращаться.

– Значит, я тут изобретал, как Денажа от тебя отвадить, а ты там с местным красавчиком интрижку крутила? – Монт забывает об истинной цели разговора, переключаясь на то, что задевает его самолюбие. Резким движением подаётся мне навстречу, но всё же останавливает себя, так и не коснувшись.

– А я хранить верность ни тебе, ни Харту не обещала! – язвлю в ответ. – И вообще я к зоггианам не рвалась! Между прочим, это твой отец цинично отдавал нас на растерзание драконам. Он ради ултриза даже твою просьбу за мной присмотреть проигнорировал! И заставил меня поменять ликвидатора на последний заплыв!

– Хочешь сказать, отец отправил тебя на месторождение уже после того, как получил моё письмо? – теряется Дэйль и отшатывается. – Почему же он прислал мне сообщение, что ты погибла днём раньше? – смотрит недоверчиво.

– Не знаю, – передёргиваю плечами и встаю, чтобы сесть удобнее. – Но если бы это было так, откуда бы я знала о том, что именно ты у него попросил?

– Верно, – блондин основательно задумывается. Настолько глубоко, что смотреть на него и ждать продолжения разговора мне надоедает. Вытягиваю ноги, потому как смена положения не помогла, болтаю ими в воздухе, помогая восстановиться кровообращению, потом встаю, чтобы походить. Незаметно даже для самой себя оказываюсь у двери и, не раздумывая, хватаюсь за ручку, открывая. Мне нужна секунда. Ровно секунда, чтобы выскочить. Ещё одна – захлопнуть её за собой. И третья – защёлкнуть замок.

Увы. Я даже первое действие завершить не успеваю. Мужская ладонь уверенно ложится на полотно, с силой надавливая и возвращая дверь в исходное положение. А потом в мои плечи вцепляются изящные пальцы, разворачивая лицом к сообразительно-шустрому субъекту, и заставляют шагнуть назад, впечатывая в стену.

– Далеко собралась? – над ухом раздаётся не слишком довольный голос. – Решила прямо сейчас рассказать всё командующему? Тогда я тебя провожу.

– Нет! – испуганно пискнув, дёргаюсь в сторону, но меня оперативно возвращают на

место, сжимая в объятиях.

– Эх, Ли́ла, – жадные руки скользят по моим бёдрам, обтянутым плотной тканью брючек, и забираются под тунику. – Ты опять нарываешься...

Узнать, на что именно, я не успеваю. Над ухом что-то начинает требовательно пищать, и Дэйль отстраняется, активируя информационную панель рядом с моей головой.

– Слушаю! – недовольно бросает в переговорник.

– Все шаттлы с заложниками поднялись на орбиту, – радостно возвещает невидимый нам цессянин. – Зоггиане их отпустили! Командующий собирает офицеров на экстренное совещание. Прямо сейчас.

– Иду, – немедленно реагирует на неожиданное известие блондин, блокирует устройство и переключается на меня: – Я скоро вернусь, и мы продолжим разговор. А ты пока подумай, вспомни, – подцепив пальцами подбородок, приподнимает мою голову и заглядывает в глаза. – Может, всё же есть ещё то, что ты забыла мне рассказать? Я же видел, как ты что-то подсказывала, шептала на ухо этому... брюнету! – Взгляд темнеет, потому что в нём смешиваются и ревность, и злость.

Несколько мгновений морального давления, и Монт исчезает, не забыв лишить меня возможности выйти из комнаты. Ух... На ослабевших ногах, кое-как, но до дивана я добираюсь. Без сил падаю и сворачиваюсь клубочком. У меня голова кругом идёт от стремительности событий и ненормальности того, что происходит вокруг. Я думала, может, зоггиане воспользуются пленными, чтобы меня отсюда вытащить. Но, похоже, они так и не поняли, кто именно меня похитил, раз не стали препятствовать возвращению заложников. Разочарование и боль в душе начинают стремительно разрастаться, усиленные пониманием того, что скоро, очень скоро на меня снова насядет Дэйль со своими вопросами и претензиями, а потом ещё и командующий дожмёт, если ему покажется, что я недоговариваю.

Всхлипываю, позволяя себе хоть таким примитивным способом сбросить напряжение. Закрываю глаза и уплываю в грёзы о том, что по-прежнему остаётся для меня недостижимой мечтой. Свобода. Океан. Потоки...

– Ли́ла... Ли́ла! – сквозь туманную дымку полусна слышу низкий голос, а потом ещё и руки чувствую, встряхнувшие меня, чтобы побыстрее проснулась.

Распахиваю глаза, разворачиваясь, и не вскрикиваю только потому, что мне вовремя закрывают рот.

– Тише! – предупреждают громким шёпотом.

– Харт?! – Убираю ладонь с лица, и принимаюсь лихорадочно шептать: – Ты как здесь оказался? Дэйль тебя обманул! Он не позволит меня забрать, даже если ты выживешь в бою! У него на меня свои планы...

– Я уже и сам догадался, – сердится ликвидатор. – Потому и пробрался сюда, чтобы тебя вытащить. Слишком уж у Монта всё гладко. На словах. А на деле... Ладно, давай-ка выбираться, пока твой опекун не вернется.

Оперативно вскакиваю, бросаюсь к выходу, и даже в кабинет успеваю шагнуть, но в этот миг меня неожиданно перехватывают за талию и затаскивают обратно. Я снова лишаясь возможности говорить и двигаться, прижатая сильной рукой, тогда как другая осторожно прикрывает дверь, оставляя маленькую, едва заметную щель. А через мгновение я понимаю, почему Денаж так поступил – в кабинете раздаются гулкие шаги.

Мы переглядываемся, сожалея о том, что не успели. Терпеливо ждём, но время идёт, а ничего не меняется. Кто-то по-прежнему размеренно ходит по кабинету. Устав от неизвестности, я взглядом прошу у Харта разрешения и осторожно заглядываю в щёлку. Обзор у меня небольшой, но в поле зрения периодически попадает высокая фигура в светлом костюме. Вернее, рука, спина и затылок, а по этим частям тела трудно опознать, кому именно они принадлежат. Но это точно не Монт.

– Папа!

От громкого восклицания отшатываюсь, оказываясь в заботливых руках, которые лёгкими поглаживаниями меня успокаивают. А события в кабинете тем временем набирают обороты.

– Дэйль! Мой мальчик! – предсказуемо реагирует посетитель. – Как я рад тебя видеть!

Звуки, которые сопровождают эти слова, расценить можно однозначно – обнимаются родственнички! Приветствия заканчиваются быстро, и дальше мы слушаем весьма эмоциональный пересказ уже известных нам событий, произошедших на базе, от непосредственного участника, оказавшегося в их эпицентре. Долго слушаем, потому как дополняется он «содержательными» отступлениями в адрес ипериан.

– Кстати, купол, в котором нас держали зоггиане, сделан из удивительного материала, – делится своими впечатлениями управляющий. – Необычайно удобный и водонепроницаемый! Надо бы добыть технологию его изготовления. Пригодится, когда будем строить новую базу.

– Боюсь, что таковой уже не будет, – вздыхает его сыночек. – Принято решение сбрасывать на Зогг глубинные бомбы, а потом собирать минерал с поверхности. Да и тебя от добычи ултриза могут отстранить за сокрытие информации о зоггианах и приманках.

– Хм... – задумывается мужчина. – Значит, то, что я слышал, правда? Девушки не погибали?

– Лила у меня, – подтверждает Дэйль. – Остальные теперь живут у зоггиан.

– Дихол! – восклицает управляющий. – Ни в чём на эту дурацкую планету положиться нельзя! Впрочем, может, и к лучшему, – чуть успокаивается. – Не придётся выплачивать компенсацию наследникам... Ты сказал, Лила у тебя? – в голосе вновь слышится напряжение.

– Да! – сердито бросает мой опекун. – И я не понимаю, почему ты меня обманул?

– Сдалась тебе эта девчонка! – злится родственничек. – Потому и обманул, чтобы ты выбросил её из головы и глупостями не занимался! – шаги вновь возобновляются. – А если бы ещё и Эфос был менее тупым, он бы не промазал, когда в неё стрелял!

– Ты приказал ему убить Лилу? – холодеет Монт.

– Я хотел тебе помочь! – парирует родитель. – Избавить от опекунства, которое ты сам себе навязал! Я бы понял твоё увлечение, если б она была альбиноской, как Орлея, а так... меланистка! – презрительно фыркает. – Ты не жениться на ней собрался, надеюсь? У тебя же есть согласие на брак с дочкой Овид Шу ли'Тона.

– Верно, – равнодушно подтверждает Дэйль. – Лила меня вполне устроит как любовница. Официально признавать пока не буду. Если начнёт возмущаться, отдам Денажу. Этот ликвидатор, похоже, на всё готов, чтобы её получить. Ну а сладится, сделаю фавориткой. Тем более что им сейчас тоже разрешено рожать от нас.

– И всё же зря ты на ней заикнулся! – задумчиво тянет мужчина. – Не выйдет из этого ничего хорошего. А девчонка уже согласилась? А то ведь бегала от тебя долго.

– Согласится, куда денется, – ответ звучит весьма уверенно.

– Ну-ну... – скептически хмыкает управляющий. – Подожди-ка, – спохватывается. – Говоришь, Литорон будет бомбить Зогг? Он идиот?! Ултриз же в реакцию вступит!

Топот, стук двери и тишина. Мы напряжённо ждём, что будет дальше. Впрочем, в кабинете по-прежнему успокаивающе тихо, и Харт выпускает меня из рук, шагая к двери и осторожно её открывая. Я вздыхаю с облегчением, но тут же понимаю, что рано. Ох, как рано мы расслабились!

В проёме стоит Монт, направив на нас оружие.

– Так, так, так, – насмешливо тянет. – У нас, кажется, гости? А я всё гадал, почему дверь

приоткрыта... Не смей! – шипит, прицеливаясь, когда Денаж делает движение в мою сторону. – Отойди от неё! Замечательно, – успокаивается, едва Харт замирает у противоположной стены. – Ну что? – смотрит с усмешкой. – Решил изобразить из себя героя? Украсть то, что без гарантии, но всё же могло стать твоим? Увы. Теперь ты точно ничего не получишь! Не делай глупостей, ликвидатор, – предупреждает, скользя рукой по стене, на ощупь отыскивая панель коммуникации. – Охрана, в кабинет! – коротко приказывает и протягивает мне руку: – Лила, иди сюда!

Ага, щас! Я дорада, конечно, но не настолько!

Отступаю, сдвигаясь к Денажу.

– Лила! – рычит Монт, шагая навстречу. И в тот краткий миг, когда его глаза смотрят на меня, выпуская из поля зрения ликвидатора, тот бросается вперёд. Я невольно ахаю, а дальше...

Выстрел. Харт замирает, словно встречается невидимую преграду, одежда на его груди чернеет, обугливаясь, и он безвольной грудой падает на пол. Кидаюсь к нему, тут же попадая в сильный захват.

– Зачем?! – всхлипываю, принимаясь молотить кулачками по всему тому, что оказывается рядом. – Зачем ты его убил?

– Просил же не делать глупостей! – пыхтит Дэйль, заламывая мне руки за спину, чтобы умирить. – Случайность. Сам виноват. Лила, прекрати истерику! – встряхивает как куклу и прижимает к себе. – Молодец, – хвалит, когда я теряю способность сопротивляться, и поднимает на руки. – Тело уберите! – приказывает появившимся рядом военным.

Закрываю глаза, чтобы не видеть жуткого зрелища. Чувствую, как меня опускают вниз, укладывая на мягкую поверхность, гладят по волосам, словно успокаивая. И снова реву, не в силах остановиться.

– Лила, хватит, – нетерпеливо, но уже относительно мягко просит Монт. – Уже ничего не изменишь. Денаж всё равно был обречён. Забудь о нём. Ты же знаешь, что будешь жить со мной...

– Жить с тобой? – я задыхаюсь от его бесчеловечности. – Ты убийца! Обманщик! Играешь чужими судьбами, не думая ни о ком, кроме себя! Я не буду твоей любовницей! – злюсь так, что даже плакать перестаю. – И на ребёнка никогда не соглашусь! Я тебе не игрушка! Прекрасно слышала всё, что ты говорил своему отцу!

Дэйль молчит, хмуро рассматривая моё лицо, открывает рот, чтобы что-то ответить, но несносное переговорное устройство снова вмешивается в происходящее, меняя его планы. Альбинос встаёт и, переместившись к стене, принимает вызов.

– Монт! – грозный рык разносится по комнате. – Где девчонка? У нас мало времени! Если через час её у меня не будет, ты пожалеешь о том, что родился на этот свет!

– Прошу прощения, командор, – голос Дэйля звучит необычайно ровно. – Возникла небольшая проблема, но вы всё получите вовремя, – отключает приёмник и шагает ко мне, расстёгивая китель. – Вот так, Лила, – коротко усмехается, снимая и отбрасывая его в сторону. – У нас всего час. И я намерен провести его... – стягивает надетую на голое тело эластичную футболку, – получая удовольствие! – Светлая скомканная тряпочка тоже летит в стену.

– Ты этого не сделаешь... – отползая в угол, шепчу, потому что голос не слышится совершенно.

– Не сделаю? – блондин удивлённо приподнимает бровь. Присаживается на край дивана, стаскивая с себя брюки. – Раньше, да, я бы себя остановил, потому что не видел смысла в насилии. Но теперь ты сама меня к этому вынуждаешь, – тяжёлые ботинки с грохотом падают на пол. – Любовницей быть не желаешь, на ребёнка не согласна, а после допроса Литорона использовать тебя будет уже проблематично, – он морщится. – Сама понимаешь.

Резкое движение, и тонкая туника рвётся, а я оказываюсь погребённой под не самым хрупким телом. Может, и не таким внушительным, как у Харта, а куда более изящным, но гибким и сильным. Ускользнуть от него – непосильная для меня задача. Узкие брючки ещё какое-то время сопротивляются его напору, и сорвать их сразу у него не получается, тем более что я сдаваться не собираюсь и мешаю как могу: выкручиваюсь, царапаюсь, даже кусаться пытаюсь, но в итоге и этой одежды я лишаясь. Вернее, Монт решает её использовать с пользой для дела – чтобы стянуть мои запястья за спиной. Туника тоже идёт в ход – теперь у меня нет возможности ни ругаться, ни кусаться. А ноги он просто прижимает всем весом, не позволяя себя ударить. Похоже, ему очень не хочется тратить силы на то, чтобы со мной возиться и уламывать долго. Время-то идёт!

– Лила, Лила, – сокрушается блондин, с нажимом скользя ладонями по моему выгибающемуся в попытках освободиться телу. Наклоняется к лицу, хрипло выдыхая: – Ну почему ты не такая, как другие?

Зажмуриваюсь, чтобы не видеть похотливого взгляда и отрешиться от реальности, не желая воспринимать и осознать происходящее. Да, наверное, отказав Монту именно сейчас, на эмоциях, я поступила невероятно глупо. Настолько, что фактически собственными руками лишила себя будущего: Дэйль получит своё и проследит, чтобы из допросной я живой не ушла, даже если честно расскажу всё, что знаю. Но...

Не быть как все

Не убивать собственные чувства, а следовать им. Не становится такой, какой тебя хотят видеть, а быть такой, какой ты себя будешь уважать. Не делать то, что от тебя ожидают, а творить своё. Пусть с риском для жизни, и всё же...

Додумать не успеваю. Страшный грохот, словно что-то взорвалось совсем рядом, вибрация и запах гари – это то, что игнорировать сложно при всём желании. И не только мне. Тело, которое вжимает меня в мягкую обивку мебели, тоже безучастным не остаётся – отстраняется, частично освобождая меня от своего веса. А через секунду я его уже совсем не чувствую... Потому что кто-то буквально стаскивает с меня раздетого мужчину, поднимает и разворачивает, впечатывая в стену.

– Мразь! – отчётливо слышу голос, от которого на душе сразу становится так хорошо!

Насколько позволяют связанные руки, приподнимаюсь, чтобы убедиться, что у меня не слуховые галлюцинации на фоне стресса, и вижу, как от полученного удара в челюсть Монт, основательно приложившись головой о стену, падает рядом с обгоревшим проёмом. А когда тот, кто его нанёс, оборачивается, выдыхаю с облегчением. Кит!

– Мео! – зоггианин стремительно бросается ко мне и подхватывает, помогая сесть. – Потерпи немного, всё будет хорошо, – просит, вытаскивая кляп, и тихо шипит какие-то ругательства, развязывая руки. Деликатно отводит взгляд и осматривается в поисках одежды.

– Шкаф, – подсказываю.

Получается не очень внятно. Горло пересохло, голос сипит, но Кит меня, кажется, понимает. И пока я растираю запястья, извлекает целую гору того, что можно на себя надеть, и сваливает рядом.

Торопливо натягиваю на себя первые попавшиеся тунику и брюки, поглядывая на голую спину и широкую синюю полосу ткани, опоясывающую бёдра замершего рядом дракона. Тянусь за обувью, которая валяется в полуметре, но он реагирует на моё движение куда оперативней: наклоняется, подхватывает с пола балетки и протягивает мне.

– Спасибо, – благодарю едва слышно, облизывая сухие губы.

Кит быстро приседает, оказываясь со мной лицом к лицу.

– Здесь есть вода? – заглядывает в глаза.

Киваю, указывая на дверцу в столовую. Через несколько секунд уже с жадностью пью из стакана, который ти’Стор не отпускает, помогая мне его удерживать, чтобы не уронила. Несмотря на то, что всё худшее позади, меня до сих пор нервно потряхивает, а руки трясутся.

Едва я допиваю, стакан убирают, а меня подхватывают на руки, потому что без лишних вопросов понятно – идти я тоже вряд ли смогу.

– Стоять! – неожиданно раздаётся в тишине яростное шипение.

Кит разворачивается, и я вижу Монт, который успел прийти в себя и даже незаметно подтащил к себе свою одежду, добыв из неё оружие, а теперь медленно поднимается, направляя его на спуктума. Быстро же он очнулся! Всё же регенерация и тут сыграла альбиносу на руку: даже красующиеся на белой груди царапины, которыми я его наградила, уже не кровоточат.

– Bravo, Лила, не ожидал! Ты действительно популярна. Значит, это и есть твой подводный кавалер? И тоже решил тебя спасти? Как мило, – Дэйль криво усмехается, размазывая тыльной стороной кисти тонкую струйку крови, вытекающую из разбитой губы и бегущую по подбородку. – А ну отпусти её! – приказывает, недвусмысленно щёлкая затвором.

– Хорошо, – на удивление хладнокровно реагирует дракон, осторожно ставя меня на ноги. – Не бойся, – улыбается, когда я непроизвольно цепляюсь за его плечи, и задвигает себе за спину. – Отпустил. Что дальше? – спокойно спрашивает.

– Отойди и повернись лицом к стене! – Дэйль отступает и, заводя руку назад, нашаривает перегородник.

На меня накатывает паника от жуткого ощущения того, что ситуация с Денажем повторяется. Отличия в мелочах не в счёт. Кит безропотно шагает в сторону, отворачиваясь. Монт включает, наконец, технику, и оттуда раздаётся целая какофония звуков: выстрелы, крики, гул. Альбинос вздрагивает от неожиданности, а спуктум...

Спуктум отталкивается от стены ладонями, отклоняясь назад и падая на руки. Выстрел! Тёмное пятно оплавленного трипслата разрастается там, где только что находилась спина зоггианина. Взлетевшая вверх полусогнутая нога на мгновение фиксируется на гладкой поверхности, давая дракону точку опоры, наравне с руками, стоящими на полу. Стремительный переворот через голову, и вторая нога выбивает оружие из рук противника.

Медленно сползаю на пол по подозрительно вздрагивающей стеночке, тоже не отличающийся устойчивостью, прижимая ладони к забившемуся сердцу и изумлённо хлопая ресницами. Это как он ухитрился?

Вот только противостояние ещё не закончено. Похоже, даже лишившись оружия, сдаваться Дэйль не собирается. А в рукопашной схватке альбиносы, вёрткие и быстрые, – опасные соперники. Впрочем, Кит ему не уступает. Пожалуй, в чём-то даже превосходит, потому что через пару минут уже сидит на поверженном противнике, разрывая раскиданную по полу одежду на полосы и связывая яростно рычащего Дэйля.

– Ты пожалеешь! – тот буквально выплёвывает угрозы. – Я вас всех уничтожу! Тебя в первую очередь! Остальным тоже не поздоровится! Только посмей к ней прикоснуться! Всю планету разнесу!

Зоггианин его словно не слышит, молча продолжая своё занятие. На мгновение замирает в недоумении, когда из кармана кителя, который попал ему в руки, падает на пол с характерным звуком что-то тяжёлое и блестящее. Помедлив, поднимает, рассматривая.

– Не смей ей отдавать! – рявкает альбинос, стараясь выбить находку ногами из его рук.

Кит достаивает его краткого взгляда и оборачивается ко мне, игнорируя новую порцию угроз.

- Похоже, это твоё, – смотрит вопросительно, демонстрируя какое-то украшение.

Не веря собственным глазам, присматриваюсь к белой цепочке, продетой сквозь прозрачный камень с характерными белёсыми разводами на поверхности, напоминающими цветок атики. Внутри него – полоска-идентификатор, но мне, чтобы узнать свой кулон, видеть код необязательно. Киваю и прижимаю ладони к горящим от возбуждения щекам. А через несколько секунд крепко сжимаю в кулачке то, из-за чего шла на самые отчаянные поступки. То, ради чего готова была пожертвовать своей жизнью. То, самое дорогое для каждой цессянки, что столько времени мечтала себе вернуть, – право на выбор.

Монт поступил неосторожно, забрав идентификатор из хранилища, но я этому только рада. Если кулон в моих руках, то запись в базе недействительна! Я на самом деле свободна!

Да, посмотреть со стороны, так это глупо, ведь на Цесс я больше никогда не попаду, и кулон мне не понадобится, но без него мне всё равно было бы беспокойно. Суеверие? Возможно. Зато теперь я со спокойной душой могу... Назвать своё настоящее имя тому, кого выберу себе в хранители.

Украдкой смотрю на идеальный профиль, от одного взгляда на который моё сердечко приятно замирает, а потом начинает биться сильно-сильно. Вот теперь я Айну понимаю с её «сразу потянуло!» и «ой, хочу быть с ним!». А ведь мне казалось, что со мной такого не случится. Хотя, конечно, не слишком понятно, почему я так реагирую на дракона именно сейчас. Может, это такой побочный эффект на возвращение кулончика?

А если назвать спуктуму имя? Он его примет? Хм... Может, и примет, у зоггиан ведь девушек немного, какой ему смысл отказываться? Но будет ли это правильным? Ведь дракон ни намёка не сделал на то, что я ему нравлюсь, а я навязывать себя не хочу. Вот поведение Ниролина недвусмысленно, а Кит... Кит ведёт себя иначе. Ровно, доброжелательно, ненавязчиво. Непонятное «извини», смысл которого я так и не выяснила, традиционные цветочки и невыполненное обещание покатать – это ни о чём. Как и взгляды. Ревнивому Монту ещё и не такое могло привидеться. Да и то, что дракон спас меня сегодня, мало что значит – работа у него такая. Я ведь сама на том, чтобы привлечь спуктумов, настаивала, вот они и выкладываются по полной! А Кит просто больше всех со мной общался, наверное, поэтому ему и досталась эта «почётная» роль. Да и на самом деле, с чего я должна ему нравиться? Одна из... Сколько он там приманок перетаскал? Тридцать?

- Мео!

Вздрагиваю, потому что, уплыв в свои мысли, перестала концентрироваться на происходящем вокруг. А Кит, похоже, закончил пеленать цессянина и теперь помогает мне подняться с пола.

- А где Харт Денаж? – спрашивает, убедившись, что я не падаю. – Его нет в этой комнате. Он не с тобой?

- Харт? – изумляюсь вопросу. – А почему ты о нём?.. Откуда?.. – не могу взять в толк, где же дракон добыл информацию.

- Мы получили от него сообщение. Предупреждение о готовящейся атаке, опознавательные знаки этого корабля и частоту маячка. Ликвидатор сказал, что будет держать его при себе. Я на этот сигнал и ориентировался, когда сюда добирался. А сам датчик... – Кит на мгновение замирает, словно прислушиваясь. – Диспетчер говорит, что его сигнал постоянный и находится совсем рядом со мной.

Ой! Спешно проглаживаю одежду, вскидываю руки к волосам, забираясь пальцами в растрёпанные остатки причёски, которую успела себе наvertеть. Дихол! С тихим шипением, потому как больно, вытаскиваю из волос основательно запутавшийся в них крошечный передатчик. Вот так погладил меня Харт по голове...

- Его убили, – мну в пальцах липкий шарик. – Монт убил, – бросаю взгляд в сторону притихшего, но прислушивающегося к нашему разговору субъекта.

– Понятно. Мне жаль, – с каким-то подозрительным сочувствием смотрит на меня Кит, а когда продолжает, я понимаю, почему: – Харт передал нам информацию с условием, что мы поможем ему и его невесте улететь на Цесс. Просил найти и помочь вам сбежать.

Ну, Денаж! Всё же изловчился. Выкрутился. Ему Монт отказал, так он решил через зоггиан действовать. И моё условие припомнил! Сложись всё иначе, останься мой бывший ликвидатор в живых, и мне пришлось бы своё обещание выполнять! Согласие замуж за переданное сообщение. М-да...

А Кит тоже хорош! Он тут не из-за меня вовсе, а по просьбе Харта! А я размечталась. Спаситель! Имя ему! Тьфу! Никаких имён! Никому!

– Денаж слегка преувеличил, – маскируя раздражение действием, приклеиваю маячок на стену. – Я была ему невестой в той же степени, в какой этому, – киваю в сторону альбиноса, – должна ребёнка. Ладно, – неопределённо взмахиваю ладошкой, – забудь. Не хочу больше об этом говорить.

Вместо того чтобы последовать моей просьбе, Кит прищуривается и склоняется ближе, упирая ладони в гладкую поверхность рядом с моей головой.

– Не злись, – вполголоса советует. – У меня даже сомнений не возникло в том, что они оба лгут. И в тебе я был уверен... Мео, – отталкивается, возвращаясь к Дэйлу, и вздёргивает того вверх, ставя на ноги.

Э-м-м... Это что сейчас было? Либо я чего-то не понимаю, либо... Краснею, бледнею, а спуктум тем временем и меня подхватывает, хотя я наверняка могла бы идти самостоятельно. Непроизвольно обнимаю за шею, чтобы было удобнее меня нести, потому как использует он для этого только одну руку, а другой держит за путы и тащит за собой стреноженного и извивающегося альбиноса.

– Что ты собираешься с ним делать? Что вообще тут происходит? – прислушиваюсь к какой-то подозрительной тишине и оглядываюсь по сторонам, поражаясь отсутствию тех, кто ещё совсем недавно, когда мы с Хартом шли по этим же коридорам, так деловито перемещался, торопливо бежал или же, наоборот, стоял, ведя неспешный разговор. А сейчас тут совершенно пусто.словно вымерли все. А ведь это не маленький транспортный шаттл, а весьма внушительный военный крейсер!

– Происходит то, что слегка затянулось именно из-за сообщения Харта. Если бы не он, мы бы намного раньше здесь оказались. Правда, в несколько иной компании и при других обстоятельствах, – спуктум загадочно улыбается. – А то, что ждёт дальше этого типа, полностью зависит от того, какое наказание ты для него выберешь.

– Я?! – слегка ошалеваю от подобных заявлений. – Это как?..

Договорить не успеваю. Мы сворачиваем и из бокового хода попадаем в главный коридор. А там уже не столь безлюдно! Правда, вместо цессян из раскрытого настежь проёма центрального зала, используемого как штаб для координации действий флота, нам навстречу выходят незнакомые мне субъекты. Высокие, подтянутые, худощавые, большеглазые, в тёмных комбинезонах очень сложного покроя: с накладками, кармашками, ремешками, уплотнениями... Но самое интересное – это волосы. Они у них зелёные!

Раньше я ипериан только на картинках видела, и на них эти инопланетники выглядели куда менее привлекательно. Долговязые, тощие, с хищными взглядами, на головах нечто непонятного грязно-зелёного цвета... А эти, я вам скажу, очень даже приятные. Внешне.

– Кит, дружище! – доказывая, что с других позиций они ничуть не хуже, широко улыбается и шагает нам навстречу, пожалуй, самый высокий из всей компании. – Мы уже начали переживать. Смотрю, ты нашёл, что искал.

Любопытный салатный взор пробегает по моей замершей в изумлении персоне, перемещается на упавший к ногам сопровождающий груз, потому что Кит выпустил Монт из рук, и превращается в очень даже весёлый. Впрочем, остальные ипериане тоже равнодушными не остаются, хоть и стараются сдерживать рвущийся смех. Ибо Дэйл, может, и связан, но ведь совсем не одет! То есть абсолютно!

– Ты, как я вижу, там развлекался, – всё же не удерживается от смешка верзила. – Ну и куда его? К остальным? Или пристрелить? – неторопливо достаёт оружие, проверяя заряд. – Судя по... – смотрит на мои растрёпанные волосы и вновь возвращается к созерцанию голого альбиноса, – гм... он это заслужил. Тебе, я знаю, убийство претит, а мне не сложно.

– Мео? – поставив меня на ноги, интересуется дракон.

– Вы с ума сошли? – растерянно хлопаю ресницами. Слишком уж нестандартно события развиваются. – Это же альбинос. Сын управляющего. Правая рука командующего. И почти муж дочки Овид Шу ли’Тона.

– Точно! – хлопая себя по лбу, восклицает иперианин и оперативно прячет оружие. – Используем мальчика по полной программе! В крайнем случае, обменяем на что-нибудь ценное. Ну надо же! – демонстративно сетует. – А я такую возможность проглядел, едва всё не испортил! Какая умненькая девочка, – преувеличенно восхищается моим вкладом в решение проблемы и совершенно не обидно наставляет: – Кит, ты смотри! Не упусти малышку! – Снова переключается на альбиноса и приказывает: – Уведи... – осекается, хохочет. – Уволакивайте! – наконец даёт отмашку.

Я из всего этого спектакля уясняю только одно – весельчаки эти ипериане. Воспринимать их серьёзно, скорее всего, бессмысленно, а про «обижаться» нужно вообще забыть.

– Так, ладно, – заглядывает в зал, удовлетворённо потирает ладони и возвращается к нам зеленоволосый тип. – Мы тут дальше сами, как договаривались, – чуть ли не приплясывает от нетерпения, – а вы возвращайтесь к себе. До встречи, Кит! Через пару месяцев жди в гости.

– Разумеется, Фориат. Буду рад, – вполне миролюбиво отзывается спуктум.

– А уж я как рад, – добродушно-насмешливо смотрит на нас верзила. – Ну, давай, топай. И забирай свою красавицу, пока я в неё не влюбился окончательно. Твои ребята уже на корабле. Кстати! – вспоминает весьма воодушевлённо, легко переключаясь на новую тему. – Они у тебя просто бесподобны! Такой слаженной работы я ещё не видел! Вот это я понимаю! Бойцы! Уважаю! – протягивает руку зоггианину.

Тот немедленно подаёт свою в ответ и получает звучный шлепок по ладони. Я аж вздрагиваю от неожиданности. Результат следует совсем непредсказуемый. Иперианин резко приседает на одно колено, его лицо оказывается практически наравне с моим, и он с вниманием, которого я никак не ожидаю, заглядывает мне в глаза.

– Уверена, что не хочешь, чтобы я содрал с мерзавца его поганую шкуру? – на полном серьёзе спрашивает вполголоса.

Отрицательно мотаю головой, грустно улыбаясь. Меньше всего мне хочется брать на себя ответственность за его страдания. Пусть и заслуженные. Пусть и в отместку за те, что причинил мне. Не буду я мстить. Мне достаточно понимания того, что прежней – комфортной и вольготной, жизнь альбиноса уже не станет.

Фориат коротко вздыхает и, подбадривая меня улыбкой, протягивает руку. Я подаю свою, ожидая повторения уже увиденного действия, а получаю совсем иное – весьма деликатное скольжение пальцами по ладони. Любопытная такая традиция...

Из-за плеча Кита, потому что идти самостоятельно мне опять не позволяют, смотрю, как иперианин что-то принимается втолковывать своим соотечественникам. Теперь в коридоре их куда больше, и становится ясно – в захвате самого важного стратегического объекта участвовали все, кто спасся, приводившись на Зогг. Или большинство.

– Как тебе удалось с ними договориться? – принимаюсь допрашивать скрытного субъекта, который целенаправленно топает к одному ему ведомой цели.

– Принял к сведению твои слова о том, что цессяне попытаются уничтожить остатки флота ипериан. Мы все силы бросили на то, чтобы их прикрыть. Потому и твоё похищение пропустили. – В голосе появляются не слишком приятные интонации. Похоже, он сам себя за это винит. – Когда узнали, что произошло, хотели надавить на

цессян и заставить тебя вернуть, у нас для этого все заложники были в распоряжении. Но тут пришло сообщение от Денажа, да и ипериане попросили им помочь. Тому, что мы прикрыли их собой, они удивились несказанно и, как я понял, посчитали себя должниками по отношению к нам. Предложили свой план, и он оказался весьма удачным. Я только за тебя переживал, чувствовал, что затягивать нельзя.

На некоторое время он замолкает, усаживая меня в кресло маленького транспортника и защёлкивая ремни безопасности. Ещё несколько минут тратит на то, чтобы убедиться, что все остальные спуктумы, которые поднялись на орбиту, в наличии. И лишь когда смешливый иперианин-пилот стартует, Кит садится со мной рядом, продолжая рассказ.

– Мы на шаттлах с заложниками на орбиту поднялись. Те драконы, кто попал на второстепенные корабли, устроили там диверсию, отвлекая внимание цессян от стартующих с Зогга транспортников ипериан. Я и ещё несколько спуктумов прятались на том шаттле, где был управляющий, потому что этот-то уж точно не мог никуда причалить, кроме как к флагманскому крейсеру. Ну а дальше мы просто добрались до управления системой защиты и вывели её из строя. Так что иперианам оставалось только причалить к кораблю и захватить. А я тебя пошёл искать. Остальное ты знаешь.

– Спасибо, – запоздало вспоминаю, что я его, в общем-то, и не поблагодарила толком. Обидеться успела, а вот признательность за спасение выразить как-то не удосужилась. – Ты очень вовремя появился. Ещё бы немного, и...

– И я бы себе этого не простил, – перебивает меня дракон, заканчивая фразу несколько иначе, нежели я планировала.

– Твоя-то вина в чём? – отмахиваюсь ладошкой. – Я сама кучу глупостей наделала: вас нечётко проинструктировала; о том, что цессяне могут поставить маячки, не догадалась; ещё и Монта невольно спровоцировала. И вообще почему ты должен был за меня переживать?

Вопрос слетает с губ раньше, чем я задумываюсь о том, что говорю. Спыхватываюсь только, когда уже поздно. Вот только Кит на меня не обижается, видимо, иное у зоггиан восприятие женской логики. Либеральное.

– А почему я не должен был этого делать? – отвечает вопросом на вопрос.

– Э-э-э... ну... как бы... – мой словарный запас исчезает напрочь.

– Вот и я о том же, – коротко вздыхает дракон, удобнее устраиваясь в мягком кресле и закрывая глаза. – Ты бы отдохнула.

Полюбовавшись на безмятежное лицо Кита, не то действительно заснувшего, не то сделавшего соответствующий вид, я следую его примеру. Разве что в душе остаётся осязаемое недоумение. Сначала Харт настаивал на отдыхе, теперь Кит. Что ж всех так заботит этот аспект жизнедеятельности? Наверняка считают:

Война войной, а расслабляться не забывать

Ибо, если тебе некогда отдохнуть, это значит, что самое время хорошенько отдохнуть.

Поставив точку, захопываю буклет и привычно прячу его под подушку. Ну вот. Наконец-то я нашла в себе силы добраться до инструкции и внести в неё то, что себе напридумывала.

– Ты закончила? – с облегчением выдыхает Трой, всё это время терпеливо дожидаящийся, пока его подопечная соизволит вернуться в реальный мир. – Можно ехать?

– Можно, – неторопливо сползаю на пол, расправляя смятую юбку. По-хорошему, конечно, нужно было бы сначала с делами закончить, а потом уже одеваться. Впрочем,

не страшно. В воде ткань распрямится, а мембрана её высушит и выгладит до идеального состояния.

С осязаемым волнением забираюсь на гикл, усаживаясь позади хранителя. Это ведь первая моя вылазка во внешний мир после вынужденного отсутствия на Зогге и почти двухнедельного восстановления в лазарете. Всё же пребывание на орбите без последствий не обошлось. К давлению заново пришлось адаптироваться (пусть и прошёл этот процесс куда быстрее), да и кожное дыхание не сразу включилось. Представляю, как Кит перепугался, когда я, покинув транспортник, не пробыв и минуты в воде, сознание потеряла. Ладно хоть без последствий обошлось. Но ещё больше нужно посочувствовать Трою, который места себе не находил и винил себя в том, что не сумел меня защитить. Ему самому повезло – рана оказалась нестрашной, хоть и сильно кровоточила, потому и напугала меня основательно. А диспетчер медлить не стал, не мешкая отправил к нам помощь – к нему поступает информация о техническом состоянии всех гиклов, да и Трой, как я и думала, успел послать сигнал.

Наверное, из-за того, что уже отнюдь не раннее утро, в зале главного здания, где заседает совет Ожеверона, практически безлюдно. Три зоггианина у столба, занятых работой с информационной системой, да ещё один у самого входа, исчезающий, едва мы проходим сквозь мембрану.

– Совет через два часа, то Трон в столовой, – отворачиваясь от экрана, извещает Трой, добыв из базы нужные нам сведения – Тебе бы тоже пора пообедать, потому что потом будет некогда.

Подумав, соглашаюсь. Аппетит не ахти какой, но хранитель прав. Вот и сижу, лениво ковыряя вилкой в тарелке и думая вовсе не о том, что на ней лежит. Проблема, которая меня интересует, куда менее материальна. И суть её сводится к двум вопросам. Первый. По всему получается, что воспитание зоггиан не позволяет им смутить покой понравившейся девушки своими признаниями. То есть будут ухаживать, оберегать, заботиться и молчать? Кошмар, если так. Вторая. Что происходит, когда девушка выбирает того, кто не отвечает ей взаимностью?

Задумываюсь не просто так. Не даёт мне покоя то, что я к Киту почувствовала. А вот его отношение ко мне так и остаётся тайной. Но не могу же я своим предложением быть с ним поставить спуктума в неловкое положение!

Решаю не медлить, а расспросить своего сопровождающего, чтобы выяснить всё до конца.

– Трой, скажи, а мужчина, если ему имя называют, может отказаться и не становиться хранителем? – спрашиваю, едва оказываюсь с ним в лифте, мягко скользящем вверх.

Смотрю на вытягивающееся от изумления лицо парня и понимаю, что с вопросами я опять перестаралась.

– Теоретически. Мало ли, вдруг девушка ему не нравится? – добавляю. Впрочем, делаю это совершенно напрасно, потому что после моего уточнения парнишка вообще меняется в лице.

– Лила, ты... ты... – запинаясь, не находя слов. – Ты бы хоть подумала, прежде чем спрашивать! – наконец выплёскивается его недоумение. – Погоди-ка... – вдруг напрягается, хищно прищуриваясь, – ты кого сейчас имеешь в виду?

– Никого, – быстро отвечаю, уже жалея, что спровоцировала его любопытство. – Просто интересно.

– Ага, – задумывается Трой. – Просто, – повторяет вполголоса. – Гм... – бросает на меня любопытствующий взгляд. – Знаешь, Лила, похоже, ты меня поняла не совсем правильно. Я не говорил, что тебе не следует называть имя всем мужчинам. Я сказал, что не нужно давать ложных надежд тем, в чувствах к кому у тебя нет уверенности. Ты, разумеется, можешь назвать имя и двум, и трём мужчинам. Но это считается неэтичным, потому что с этого момента все они получают возможность начать за тобой ухаживать. По-настоящему. До тех пор, пока ты не откажешь или не предложишь стать хранителем одному из них. А в случае, если мужчина не испытывает к девушке

симпатии, он просто ей об этом скажет и ухаживать не будет.

Как всё просто, оказывается. Невероятно просто. Получается, что я снова сама себя накрутила и создала проблему на пустом месте. Теперь мне хочется только одного – увидеть Кита. Раз я его своим фактическим признанием ничем не обязываю, чего тянуть-то? Чем быстрее узнаю, как он ко мне относится, тем мне же будет легче.

В нетерпении, желая побыстрее покончить с делами, направляюсь в зал совета, но Трой ловит меня за руку и отправляет в сторону кабинета Ниролина.

– Он просил тебя зайти, прежде чем пойдёшь на заседание, – поясняет коротко.

Ладно. Поговорить – значит поговорить. Толкаю дверь, оказываясь на пороге привычно полутёмного помещения.

– Мео! – радушно восклицает то Трон, поднимаясь из-за стола. Пара секунд, и я уже забираю из его рук тер-рин.

– Я рад, что с тобой всё в порядке, – он отодвигает кресло, помогая мне в него сесть. – И тому, что ты нашла в себе силы вернуться к работе, – опускается на сиденье рядом. – Я прав? Ты останешься консультантом или после всего произошедшего предпочтёшь более спокойный образ жизни? Видишь, – улыбается, переводя всё в шутку, – насколько, оказывается, работа советника может быть опасна.

– Зато интересна, – перебираю лепестки. – Разумеется, я останусь в совете, если в этом есть необходимость.

– Думаю, что теперь она будет куда большей, нежели раньше. – Ниродин откидывается на спинку кресла и проходит пальцами по тёмным волосам. – Нам необходима стратегия сотрудничества с иперианами. Спуктумы с ними поладили, но мы не уверены в том, насколько можно этим инопланетникам доверять. Изолировать Зогг теперь смысла не имеет, поэтому совету нужно знать, насколько изменится наша жизнь и каких именно изменений ждать. Поможешь?

– Постараюсь, – киваю. – Только мне для этого всё же нужна информация.

– Какая? – внимательно смотрят карие глаза.

– Хорошо бы понимать, на каких условиях ипериане согласились на сотрудничество.

– И всё? – загадочно улыбается Ниродин. – Ладно, – поднимается, перегибается через стол и дотягивается до одного из значков. Возвращается обратно на сиденье, устраиваясь удобнее и скрещивая руки поверх бледно-зелёного пояса, обтягивающего его бедра.

Смысла в его манипуляциях и последовавшем молчании я не понимаю, но вопросов не задаю. А через полминуты в кабинет стремительно врывается... Кит. И ещё один цветочек, на этот раз мео-реллин, оказывается в моих руках.

– Дышишь нормально? – интересуется с ходу дракон, разворачивая ещё одно кресло. Пододвигает его ближе и усаживается вполоборота к столу, опираясь на него предплечьем.

– Д-д-да, – не сразу адекватно реагирую на его живость. – А что?

– Ты сознание потеряла, а дыхание не остановилось. И у меня выбора не оставалось, – Кит впивается взглядом в мои губы. – Мне пришлось тебе воздух в лёгкие вдувать. И ждать, пока структурируются потоки. А уже с их помощью сжимать и не позволять тебе дышать до лазарета.

Мои пальцы непроизвольно касаются губ, а щёки вспыхивают от смущения. Ну вот! Меня практически целовали, а я ничего не помню! С одной стороны, это неприлично, когда лица касается тот, кто не является мужем. Руками ещё куда ни шло, хотя и не приветствуется, а уж губами... Причём, судя по рассказам Троя, на Зогге в этом смысле нравы не отличаются. С другой, Кит мне жизнь спасал, так что предъявлять ему претензии однозначно будет неправильным. С третьей, не хочется мне возмущаться. А

хочется...

Смотрю на изящный изгиб его губ, пытаюсь представить, какие же будут рождаться ощущения, когда они окажутся рядом с моими. Наверное, что-то очень мягкое, нежное, приятное, как лепесточки мео-реллина...

– Я старался тебе не навредить, чтобы восстановление не было таким долгим, как в первый раз, – возвращает меня в реальность приятный голос.

– Спасибо, – принимаю его слова за попытку извиниться. – Всё в порядке. Так что там, вернее, тут у вас с иперианами произошло?

– Когда мы их прикрывали, защищая от окончательного уничтожения, волей-неволей пришлось вступить в диалог, чтобы не делали глупостей и не лезли в активные потоки, – объясняет Кит. – Когда начали выяснять, смогут ли ипериане вернуться на свою планету, оказалось, что все приводнившиеся корабли, способные к межзвёздным перелётам, повреждены настолько, что поднять их с Зогга и вывести в открытый космос при всём желании нереально. Оставались на ходу только небольшие транспортники, дальность и скорость полёта которых невелика. Тогда Фориат попросил помочь им захватить цессянские военные корабли, на которых они смогут вернуться на Ипер. Мы согласились. Всё остальное ты знаешь.

– То есть никаких дополнительных условий, кроме этих, не выдвигалось? – уточняю. – Ипериане получают корабли цессян и уходят, а вы избавляетесь от внешней угрозы. Так?

– Верно, – кивает спуктум.

– А что тогда Фориат имел в виду, когда говорил «жди в гости»? – прищуриваюсь.

– Понятия не имею, – мотает головой дракон.

Очаровательно. И какие рекомендации я должна изобретать на таком скудном материале?

– А как же флот цессян, который летит сюда, чтобы присоединиться к первому? – вспоминаю об ещё одном, едва не забытом аспекте.

– Мы не рискнули ставить условием сотрудничества дожидаться его появления, – качает головой Кит. – Понимали, что не смогут ипериане на чужих кораблях и с таким количеством пленных противостоять полноценной эскадре.

– В любом случае, цессяне появятся здесь не раньше, чем через три-четыре недели, – подключается к обсуждению Ниродин. – Думаю, что мы успеем к этому времени найти способ защиты. Ты на этом не концентрируйся, дипломатических отношений с Цессом больше не будет, только силовые методы. А их мы целиком отдаём на откуп спуктумам. Продумай лучше, какой политики придерживаться относительно ипериан. Если сможешь сегодня на совете хотя бы кратко наметить опорные точки взаимодействия с ними, будет вообще замечательно.

– Хорошо, – задумываюсь над поставленной задачей. Трудной, нужно признать, потому как об иперианах я знаю не так уж и много. Информация, которую мы получали на занятиях по внешней политике, охватывала все известные в настоящее время цивилизации ближайших звёздных систем, но при этом была крайне скупа.

Кит с Ниродином, приглушая голоса, принимают обсуждать вопросы безопасности, а я, стараясь не афишировать своей заинтересованности, исподтишка их рассматриваю, сравнивая между собой. Эффектные. Мужественные. Полураздетые. У них даже пояса и брюки сегодня практически одного цвета, разве что у спуктума чуть темнее. Хороши. Оба. Но Кит всё равно лучше!

– Так! Время! – вдруг спохватывается то'Трон. – Мне пора, – поднимается и шагает к двери быстрее, чем я успеваю последовать его примеру. У самого входа оборачивается: – Мео, надеюсь, ты к нам присоединишься, когда вы закончите разговор, – прежде чем исчезнуть за дверью, многозначительно указывает мне глазами на Кита, который тоже поднялся, оказавшись спиной к советнику.

Не поняла. Последняя фраза повергает меня в шок. Как и нелогичность поступка. Он ведь тут хозяин. Почему же не выгнал посетителя, а ушёл, оставив его со мной? И что ещё за взгляды такие загадочные? Смотрю на замершего рядом мужчину, пытаюсь найти ответы, и жаркая волна проходит по телу. Кит одними глазами, не прикасаясь, ухитряется меня обласкать так, что я физически это чувствую, а ещё у меня подгибаются колени, сердце сбивается с ритма и щёки вновь начинают пылать.

– Э-м-м, – нерешительно тяну, надеясь, что спуктум поймёт, какова причина моего смущения, и соизволит отойти. А результат получаю совершенно противоположный. Он подаётся навстречу и опирается рукой о стол за моей спиной.

– Мео? – нежно-нежно выдыхает, заставляя растеряться ещё сильнее. И потерять понимание ситуации окончательно.

– Что? – едва слышно удивляюсь остатками разума.

– Ты мне ничего не хочешь сказать? – Вторая рука ложится на стол, и я оказываюсь в весьма необычном плену. На удивление приятном.

От неожиданности отступаю и сажусь на гладкую поверхность. А Кит, воспользовавшись этим, придвигается ещё ближе. Впрочем, меня он по-прежнему не касается. И больше ничего не говорит. Только смотрит.

– Лила, – опускаю взгляд, почти не соображая, что делаю и почему Кит именно сейчас провоцирует меня на откровенность. – Меня зовут Лила.

– Лила, – тихо повторяет дракон. В голосе такие волнующие нотки, что я не выдерживаю, закрывая глаза.

Чувствую, как мужские руки мягко обнимают мою талию. Кит притягивает меня к себе, томительно медленно скользит ладонями по спине. Невольно выгибаюсь ему навстречу, и сильные пальцы ласково зарываются в волосы на затылке, а спустя секунду оглаживают плечи, спускаясь к запястьям, сжимая и поднимая мои руки. Жаркое дыхание опалает кожу, и я распахиваю глаза, изумлённо взирая на мужчину, который целует мои ладони.

Судорожно сглатываю, стараясь унять охватившую тело дрожь, потому что даже представить себе не могла, насколько ошеломительные возникают ощущения в ответ на подобные действия. Айна не зря об этом говорила с таким трепетом.

– Ты боишься? – Кит прижимает мои руки к своим щекам, с какой-то невероятной тревогой заглядывая в глаза. – Я тебя пугаю?

– Нет, – улыбаюсь, чувствуя пальцами движения мышц при каждом его слове. – Просто всё это несколько неожиданно. И непонятно.

– Что именно? – он поднимает брови, стараясь разобраться в причинах моего состояния.

– Почему Ниродин ушёл и позволил тебе со мной остаться? – нерешительно озвучиваю. – Мне показалось, что он... – прикусываю губу, сомневаясь, что о таких вещах вообще принято говорить.

– Тоже к тебе равнодушен, – дракон заканчивает фразу за меня совершенно спокойно, без малейшего намёка на ревность. Ещё и улыбаться начинает. – Это не так. Вернее, это было так, но ты же не отреагировала на его попытку стать тебе ближе. Для зоггианина этого достаточно, чтобы отступить. Он, как и другие, умеет подавлять свои чувства. Если бы было иначе, наш мир не был таким, каков он сейчас. – Его рука ласковым прикосновением приглаживает мои волосы и касается подбородка, приподнимая голову, потому что я её опустила, вспомнив, как именно то Трон меня провоцировал.

– А ты? – я всматриваюсь в тёмные глаза, чтобы не упустить его эмоций. – Если бы я тебе имя не назвала, ты бы тоже отступил?

– Лила, – хрипло выдыхает Кит и, вновь меня обнимая, разворачивается. Теперь он опирается на стол, а я на сильную грудь. – Ниродин – не дракон. Погасив свои чувства к тебе, он продолжит искать ту, которая ответит ему взаимностью. При этом останется для

тебя другом и наставником. А я – спуктум. Один из тех, кто не имеет присущей другим зоггианам психологической устойчивости и контроля. Драконы не способны управлять своими чувствами, не умеют отступать и не в состоянии уничтожить страсть, которая рождается в их душах. Но они прекрасно понимают, к чему это может привести. Так что давить на тебя я бы себе никогда не позволил. Я бы ушёл. Но, в отличие от советника, ушёл навсегда.

Напряжение, с которым он всё это говорит, мне не нравится. А последняя фраза вообще наталкивает на не слишком хорошие мысли о том, что «ушёл навсегда» означает «сделал всё, чтобы умереть». В душе поднимается такая волна сопротивления, что я невольно обвиваю руками шею мужчины, прижимаясь щекой к обнажённой груди.

– Даже не думай, – строго предупреждаю. – Иначе мне тоже придётся... уходить.

– Это ещё что за разговоры? – меня чуть отодвигают, вцепляясь в плечи. – Тем более теперь?

– А я на всякий случай, – поднимаю голову и грустно ему улыбаюсь. – Чтобы ты знал, что цессяне тоже не умеют забывать тех, кого любят.

– Я уже это понял, – неестественно спокойно откликается Кит. – Поведение и Денажа, и Монта прекрасная тому иллюстрация.

– А ты всё же ревнуешь, – шутливо укоряю дракона, проглаживая пальцами рельефные мышцы.

– Я с ума схожу, – поправляет меня Кит, – когда представляю тебя не со мной. И готов на что угодно, лишь бы точно знать, что ты счастлива и с тобой всё в порядке.

Он снова притягивает меня к себе, коротко целует в висок и зарывается носом в волосы. Несколько секунд мы наслаждаемся близостью друг друга, не решаясь её прервать.

– Мне пора, – прикладываю основательное усилие, чтобы покинуть его объятия. На всякий случай поправляю причёску. – Совет, наверное, в самом разгаре.

– Иди, – моего запястья вновь касаются тёплые губы, и Кит отталкивается от стола, провожая меня до двери. – Завтра встретимся, цветочек.

Цветочек... Цветочек, пребывая в лёгкой эйфории, едва соображает, куда идти, и периодически ловит себя на том, что вместо того чтобы топтать туда, где её ждут, стоит у очередного окна и глупо улыбается. Получает от самой себя мысленный пинок, и... всё повторяется снова. Снова. И снова. Пока, наконец, за ней не закрывается проём, отрезая от внешнего мира. Вот тогда, оказавшись в сумраке зала с колоннами под пристальными взглядами советников, цветочек забывает о той романтике, которая ещё несколько минут назад господствовала в её душе. Сосредоточенно доказывает, что ипериане не признают полумер. Для них нет полутонов. Они могут быть либо надёжными союзниками, либо непримиримыми врагами. И если уж так вышло, что зеленоволосые субъекты оказались в позиции друзей, нужно этим воспользоваться, иначе они станут опасными противниками.

А потом, сидя на подушках и дожидаясь окончания заседания, цветочек снова уплывает в воспоминания и ловит на себе понимающие взгляды своего наставника. Почти осязаемо чувствует жаркие поцелуи, от которых горят ладони, и прислушивается к неторопливому обсуждению советников. Краснеет, возвращаясь мыслями к тому, кто так откровенно признавался в своих чувствах, и удовлетворённо выдыхает, услышав решение о том, что потенциальный диалог с иперианами доверяют спуктумам.

В общем, моё состояние, весьма далёкое от адекватного, изменяться не желает, что лично меня, в общем-то, не особенно беспокоит, а вот моего хранителя... О! Его очень интересует вопрос, что же такого произошло в кабинете советника, раз подопечная теперь не в себе. Правда, устраивать мне допрос на месте он не рискует, лишь полунамёками порывается выяснить причину моего заторможенного состояния, а я делаю вид, что их не понимаю. Потому как не готова объяснить ему столь неожиданно сделанный выбор.

Именно поэтому, не дожидаясь, когда парень свернёт к лазарету, прикосновением руки

прошу его остановиться и показываю адрес, который мне дала Айна. Почему? Да потому что, во-первых, мне сейчас нужна хорошая компания, чтобы отвлечься и прийти в себя окончательно. А во-вторых, в настоящий момент мне категорически противопоказано оставаться с Троем наедине.

Хранитель не спорит, и через десять минут я уже обнимаю изумлённую девушку, на голову которой так неожиданно и без предупреждения свалилась. Ахи и охи, пока я изливаю на неё свои эмоции; сочувствующие вздохи, когда рассказываю о похищении; и напряжённое внимание, едва разговор касается моих встреч с советником и спуктумом. Разве что о произошедшем сегодня я всё же умалчиваю.

– Ты всегда была сильной, Ли́ла, – меня успокаивающе гладят по руке. – Ты справишься. Главное, что всё самое страшное позади. – Айна бросает взгляд на дверь соседней комнаты, где остались мужчины, и нежная, ласковая улыбка ложится на её губы. – Давай-ка ты поужинаешь у нас, отдохнёшь, а потом я тебе ферму покажу! – её глаза загораются воодушевлением. – И с Латоном наконец-то нормально познакомишься!

Неужели я от такого предложения могу отказаться?! Даже если бы пришлось есть всем вместе, всё равно бы осталась, пусть эта совместная трапеза и выглядела бы неприличной! Впрочем, в доме у Айны, оказывается, целых три гостевых столовых, не считая их личной, так что подобные жертвы вовсе ни к чему. И вообще, когда я, наконец, становлюсь способной воспринимать что-либо кроме своих переживаний, до моего сознания доходит, как же хорошо подружка живёт. Шесть уютных комнат, три этажа, захватывающий вид на равнину, потому что дом стоит на окраине города, небольшой участок с цветами, но самое интересное – ограниченный силовым барьером загон, где плавают громадные рыбыны размером со взрослую хинари. Их руками не обхватить точно, я даже представить себе не могла, что такое возможно!

Латон, очень приятный и спокойный зоггианин, только улыбается, наблюдая, как я изумлённо открываю рот и благоразумно прикрываю его ладошкой, поражаясь размерам очередного экземпляра животного мира Зо́гга, а потом ещё и убирает часть барьера, предлагая зайти внутрь. Оглядываюсь на подружку, но та бесстрашно заплывает в раскрывшийся проём, так что я ныряю следом за ней.

Следующие полчаса мы проводим очень весело – цепляясь руками за спинные плавники и катаясь на медлительных рыбах, которых Айна пытается оседлать и заставить двигаться хоть немного быстрее. Я на подобные подвиги решаю силы не тратить, тем более что занятие абсолютно бессмысленное – животные пассивны настолько, что даже не замечают своих прилипчивых наездниц.

– Эти алури – настоящие ленивцы! – Едва мы все возвращаемся в дом, проваливаясь сквозь мембрану, девушка с хохотом прислоняется к необычайно красивой стене с узором, выложенным из мелких цветных камней. – На них даже толком не покататься. Латон, я же тебя просила, давай алуш заведём!

– Алуши не любят детей, а питательная ценность у них и алури одинаковая, – миролюбиво сообщает нам тот, отлепляя жену от стеночки и подхватывая на руки.

В ответ маленькие ладошки ласково скользят по его плечам, и Айна прижимается щекой к груди своего хранителя, зажмуриваясь от удовольствия.

С улыбкой смотрю на эту счастливую пару. Как же я за них рада! За обоих, потому что не будь Айны, Латон мог бы навсегда остаться один, да и она вряд ли нашла бы своё счастье, будь её жизненный путь иным.

Потом, расположившись на толстом мягком ковре одной из комнат, мы отдыхаем, потому что отпускать своих гостей так быстро хозяева отказываются наотрез. Айна лежит на животе, подперев руками голову, и болтает в воздухе согнутыми ногами. Латон, скрестив ноги, ласково гладит её волосы. Трой, обняв колени, терпеливо ждёт, пока наш визит закончится. Ну а я сижу рядом на маленькой подушечке, рассматривая объёмные карточки, которые мне показывает подружка.

– Это мы на помолвке в первый день. – Она весело щебечет, демонстрируя изумительно романтичный снимок, сделанный где-то на мелководье на фоне ажурных природных образований и падающих сверху лучей Фиссо. – Ты в курсе, что свадьба трёхдневная? Я

ждала быстрой церемонии, как у нас, а оказалось, что здесь всё так долго! Жаль, что ты это пропустила, – печально вздыхает. – А это второй день. – Новый снимок, на котором девушка, тёмные волосы которой развеваются водным течением, сидит на одном из валунов около лазарета и с тоской смотрит в синюю даль океана. – Как я его пережила без Латона, даже не представляю! – Айна переворачивается на спину, и её тут же подтягивают выше, чтобы удобно устроить в своих руках и поцеловать в волосы.

– Вы танцевали? – интересуюсь, взяв очередную фотокарточку.

– Ну да, – девушка приподнимается, чтобы заглянуть мне через плечо, и возвращается обратно в уютные объятия. – Латон попросил, чтобы на церемонии было что-нибудь из цессянского свадебного обряда, вот я и предложила станцевать.

– А на Зогге это не принято? – смотрю на мужчин.

В ответ получаю двойное отрицание, потому что сразу две брюнетистые головы дёргаются из стороны в сторону. О как! Айна тут, похоже, новатор.

– Между прочим, – гордо заявляет подружка, – гостям очень понравилось. Меня даже попросили, если будет желание, стать преподавателем! Потому что этот элемент свадебной церемонии в Ожевероне хотят сделать традиционным.

– Здорово! – я на самом деле радуюсь её успехам. – Вот видишь, а ты говорила, что цессянские танцы тут никому не нужны! Ещё как нужны! Мне кажется, учеников у тебя будет немало!

– Справлюсь. Тем более что тебя и других приманок учить не нужно, – со вздохом констатирует Айна. – Разве что ваших будущих хранителей. У Латона не сразу получилось все движения запомнить. Слушай! – она вдруг напрягается, приподнимаясь. – А тебе кто больше нравится? Кит или Ниродин? – неожиданно коварно интересуется и совершенно невинно добавляет: – Должна же я знать, кого начать обучать!

Вопрос вызывает живейший интерес. У моего временного хранителя. Потому что Латон лишь мельком на меня взглядывает и возвращается к созерцанию объекта своей любви. Зато глазки Троя загораются неподдельным любопытством, смешанным с волнением, и впиваются в моё лицо. И я этому ничуть не удивляюсь. Насчёт спуктума он меня предупреждал, да и вообще просил с выбором быть осторожнее. А что касается Ниродина, то прямых намёков не было, но однозначно советник в глазах Троя вне конкуренции. Слишком уж спокойно юноша оставлял меня с ним наедине.

– Я их с этой точки зрения не рассматривала, – осторожно отвечаю, чтобы никого не провоцировать.

– Ну-ну, – хмыкает девушка. Её ладонь неопределённо прокручивается в воздухе. Типа обманывай кого угодно, но я-то правду знаю. То есть чувствую.

Вот только я развивать тему не собираюсь. Делаю вид, что меня безумно интересует здание, на фоне которого счастливая пара позирует на следующей карточке, так что Айна с готовностью принимается мне рассказывать, где именно оно находится. А дальше я и сама увлекаюсь просмотром, забывая обо всём.

Однако заинтересованность Троя никуда не пропадает. Он хоть и молчит, но ловит каждое слово и даже, когда мы оказываемся дома, позволяет себе спросить:

– Ты уверена, что не хочешь, чтобы твоим хранителем был то'Трон?

Киваю и, чтобы не видеть укоризненно-разочарованного взгляда, сбегаю в гигиенический отсек.

Вот так и заканчивается очередной день, а в моей инструкции появляется ещё одна запись:

Для выживания все средства хороши

Все те, которые способствуют рождению любви.

И даже ужасы войны не страшны, когда ждёт счастье впереди.

Я так и засыпаю в обнимку с книгой. Может, именно поэтому сон мне снится весьма специфический. Хотя, вероятно, всему виной Трой, который слишком уж многозначительно расставлял в вазах все те цветы, которые я привезла от Айны. Вернее, которые щедрой рукой оборвал для меня в их саду Латон, а подружка торжественно вручила в качестве обещанного подарка на свадьбу, требуя с меня обещание привести к ним того, кто подарит мне столько же.

В общем, во сне моём кто-то очень настойчивый и внимательный никак не желает оставлять меня в одиночестве, вроде как и уходит, и тут же вновь появляется с моими любимыми мео-реллинчиками в руках.

– Это что такое? – открыв глаза утром, непонимающе смотрю на пол, устланный живым ковром. Синим с розовыми вкраплениями. Словно и не сон это был, а реальность. – Откуда они взялись? – на всякий случай дотрагиваюсь до ближайшего растения, проверяя на вещественность, а то вдруг у меня галлюцинации.

– Понятия не имею, – протирающий глаза Трой проделывает аналогичную процедуру, переводит взгляд на и без того полные вазы, и карие глаза округляются от ужаса осознания масштабов проблемы. – Куда их ставить? – тихо выдавливает парень с явной паникой в голосе.

– Давай попробуем разместить в том, что есть. Может, поместятся, – вскакиваю, принимаясь дополнять уже имеющиеся вазы, благо место в них, пусть немного, но ещё осталось.

Через несколько минут становится понятно, что помещается лишь половина цветов, и Трой исчезает за мембраной, отправляясь на поиски, а я ухожу в соседнее помещение приводить себя в порядок и завтракать. Оказывается, в пузыре предусмотрена такая возможность и принимать пищу в присутствии хранителя вовсе не обязательно.

В самом что ни на есть радужном настроении выхожу, нос к носу сталкиваюсь с сердитой физиономией и немедленно ретируюсь обратно. Лучше я в безопасности посижу.

– Ку-уда?!

Сбежать мне не дают, перехватывая запястье и вытаскивая на всеобщее обозрение. Почему на «всеобщее»? Потому как, кроме Троя, тут ещё и Кит нарисовался.

– Я тут переживаю, мучаюсь, догадки строю, а она молчит! – возмущению хранителя нет предела. – Ты почему мне вчера ничего не рассказала?! Неужели так трудно было предупредить?! – отчитывает, подтаскивая к беспокойно наблюдающему за устроенной мелодрамой дракону.

– Прекрати её ругать, – тот немедленно прячет меня в своих объятиях, а я прижимаюсь к нему, спасаясь от праведного гнева. – Девочке и так непросто.

– Сказать, что тебе имя назвала, непросто? Или хотя бы на это намекнуть? – Трой с трудом, но всё же сдерживает эмоции. – Ладно, что уж теперь... – обречённо вздыхает, взмахивая ладонью. – Идите.

Поинтересоваться, куда это нас с такой неохотой отпускают, я не успеваю. Кит подхватывает меня на руки и шагает сквозь мембрану.

«Что-то случилось?» – у меня руки свободны, потому и спрашиваю, а у Кита они заняты. Ему остаётся лишь улыбнуться, и, только усадив меня на гикл, он отвечает: «Ничего не случилось. Просто у меня сейчас есть возможность выполнить своё обещание».

Обещание? Ой! Неужели кататься?!

Мой изумлённо-восторженный взгляд незамеченным не остаётся. Кит даже пристёгивать ремни прекращает, освобождая руки. «Ты совсем не боишься?» – спрашивает.

«Не боюсь», – складываю пальцы в простенькую фразу.

В глазах спуктума появляется что-то, весьма похожее на удовлетворение, и он без дальнейших разговоров усаживается на место водителя. Я, обвив руками его талию, сцепляю пальцы в замок и прижимаюсь к его спине. А что? Удобнее. Надёжнее. Приятнее. И, похоже, не только мне, потому что ласковое скольжение мужской руки по моему предплечью трудно оценивать как-то иначе.

Вместо того чтобы спуститься в равнину, Кит направляет гикл вверх по склону. Мы переваливаем через верхушку хребта, и я впервые вижу ту самую сложную складчатость, которая является самым распространённым рельефом на этой глубине океана.

Это так называемая переходная зона. Здесь и до поверхности не так уж близко, но и большой глубины не наблюдается. Однако именно в таких местах находиться очень опасно, тут вихревые потоки формируются даже днём, а не только утром и вечером.

Оставив технику в небольшой ложбинке между валунами, дракон берёт меня за руку, и мы медленно плывём к одному ему известной цели. Кит постоянно притормаживает, внимательно присматриваясь к происходящему вокруг. Я тоже замечаю тонкие, едва различимые струи, уносящиеся ввысь.

Определившись с местом, спуктум останавливается и разворачивает меня спиной к себе, притягивая ближе. Оплетает руками, слегка приподнимает и прижимает к корпусу. Несколько минут мы стоим неподвижно. Вода перед нами с каждой секундой становится всё более подвижной, текучей, прохладной. Маленькие водовороты закручиваются спиральными завихрениями, отклоняясь от прямолинейных траекторий, расходясь в стороны, соединяясь и превращаясь в стремительный водный жгут, рвущийся к поверхности. Вот только уйти ему не дают. И приблизиться к нам тоже. Я спиной чувствую, как напрягаются мышцы мужчины, когда поток пытается покинуть то место, где он формируется.

Впрочем, ещё несколько минут, и ему позволяют это сделать. Теперь поток приобретает ту структуру, к которой я привыкла, и остроносый, отливающий зеркальным блеском водяной дракон принимается кружить рядом, окутывая нас холодными струями.

Чувствую, как руки, удерживающие меня, сжимаются ещё сильнее. Кит отталкивается ото дна, и поток немедленно меняет направление движения, оказываясь под нами. Подхватывает так резко, что дух захватывает, и уносит нас, поднимая всё выше, в светлеющую даль. Полностью доверяя своему спуктуму, я расслабляюсь и отдаюсь на откуп ощущениям.

Скорость. Смена течений. Красота океана. Бирюзовая толща воды. Разноцветное дно, раскрашенное яркими зарослями водорослей. Острые выступы скал, исчезающие внизу и сменяющиеся...

Ах!

Я действительно ахаю, вдыхая полной грудью, потому что мы вылетаем в атмосферу, и это становится для меня полной неожиданностью. Мощный ветер. Брызги. Ослепляющие лучи Фиссо. Ошеломительное снижение, и бурлящая вода, потревоженная нашим падением.

Мы медленно опускаемся на дно. Короткая передышка. Почти распавшийся на отдельные струи поток вновь сливается, скручивается и подхватывает своих наездников. Разгоняется, огибая небольшой скальный выступ, и выбрасывает нас навстречу шквальным порывам с ещё большей скоростью. И снова – вниз.

На этот раз он не распадается, а отталкивается от поверхности воды, поднимая нас ещё выше. Щурясь от яркого света, я раскидываю руки и восторженно кричу, выпуская на свободу эмоции, удерживать которые в себе уже не в состоянии.

Очередное падение – и новый рывок вверх. Несколько секунд нам удаётся лететь над бушующим океаном, задевая высоко вздымающиеся волны, но вскоре штормовой ветер разворачивает поток, его структура разрушается, и, теряя опору, мы падаем. Ошеломляющий удар о поверхность. Полная дезориентация. Непонятный гул.

Прихожу в себя в толще воды и понимаю, что Кита за спиной уже нет. Его рук я не чувствую. Он меня отпустил. Впрочем, ему нужна всего секунда, чтобы сильным движением вернуть меня в свои объятия, развернуть и прижаться губами к моим.

Замираю от неожиданности, не сразу понимая, что он не целует, а просто позволяет вдохнуть, потому что у меня в лёгких воздуха уже не осталось. Всё выдохнула, а кожного дыхания при таких нагрузках недостаточно.

Кит отстраняется и заглядывает в глаза, чтобы убедиться, что со мной всё в порядке. Я ему улыбаюсь, обнимая за шею, и он заметно расслабляется. Одной рукой продолжает удерживать меня рядом, другой помогает себе двигаться, поднимая нас к поверхности. Едва мы там оказываемся, немедленно интересуется:

– Устала?

– Ты что?! – хватая ртом воздух, я всё же ухитряюсь возмутиться. – Это изумительно!

– Хорошо.

Меня тут же выпускают из своих рук и ныряют, исчезая в глубине. Восстанавливая дыхание, я жду его возвращения, стараясь попасть в ритм волн, то медленно вздымающихся вверх, то неожиданно резко опадающих. Появляется дракон эффектно – водный поток поднимает его над океаном. Совсем рядом со мной. Именно поэтому Кит успевает меня подхватить, и мы продолжаем гонку, разве что теперь не взлетаем, а скользим по гребням волн.

– Сейчас окажемся в центре штормовой зоны, станет спокойнее, – перекрывая гул, порождаемый бушующими в атмосфере ветрами, говорит дракон за моей спиной. – Немного осталось.

Отфыркиваясь от летящей в лицо воды, я не сразу понимаю, что он имеет в виду. И только когда ветер стихает, а волнение практически прекращается, вспоминаю, что есть такая аномальная зона в любом атмосферном завихрении.

Любуясь бледно-фиолетовым небом и скрывающимся за облаками Фиссо, не сразу замечаю, что поток исчез, а мы лежим, дрейфуя по поверхности океана. Лёгкое волнение нас укачивает, баюкает, предоставляя возможность расслабиться и отдохнуть. Под моей головой плечо Кита – он меня страхует, не позволяя уйти под воду.

– Тебе на самом деле понравилось? – не удерживается от вопроса, ответ на который ему, в общем-то, и так известен.

– Очень, – я переворачиваюсь, оказываясь к нему лицом. – А почему Ниродин сказал, что вы никого не катаете? Это же такие невероятные ощущения!

– Невероятные, да, – в тёмных глазах рождается смех. – Но нравятся они только драконам. И тебе. Не знаю уж почему. Но я этому безумно рад, – прохладные ладони скользят по спине ласковыми прикосновениями. – Ты совершенно не похожа на других приманок, которые не желают помнить о своём прошлом. И не похожа на зоггианок. Девушки считают нас ненормальными. Боятся. Пугаются и начинают паниковать, едва приходится соприкоснуться с потоками. А существование драконов без них невозможно. Это наша жизнь, наша стихия... Мужчины-зоггиане тоже предпочитают держаться от вихревых потоков на расстоянии. Впрочем, их опасения имеют более рациональную основу – вне контроля спуктума потоки становятся опасными, а удерживать структуру течений и ими управлять не так уж легко, – Кит коротко хмыкает. – Нужна хорошая концентрация. Не у всех получается. Я сегодня два раза поток терял. Едва успевал вернуть контроль. Не заметила?

– Я думала, это нормально, – складываю ладони на его груди и опускаю на них подбородок. – Тем более что ты так хорошо справлялся. А управлять потоком можно, только находясь с ним рядом? Я тебя во время охоты с ликвидатором ни разу не видела.

– Не то чтобы рядом, просто в зоне видимости, – Кит коротким движением проходит по моим волосам, убирая упавшие на лицо мокрые прядки. – Но только пока он формируется. А потом можно на большие расстояния отпустить, главное не терять с ним связь.

– Связь? – я удивляюсь. – Какую именно? Ты что-то чувствуешь? Я в книге об этом искала информацию, но не нашла.

– Это трудно объяснить, цветочек, – меня подтягивают чуть выше, устраивая на себе удобнее, потому как я почти полностью сползла в воду. – В этом смысле, когда катаешься на самом потоке, всё ощущаешь через него. Воспринимаешь звуки, давление, температуру, зрительные образы... правда, они самые слабые и нечёткие.

– Погоди-ка... – я начинаю понимать те вещи, которые неимоверно удивляли меня раньше и не имели объяснений. – Ты на гонках меня искал потому...

– ... что тебя почувствовал, – легко заканчивает Кит. – Я твой вкус помнил с того времени, когда ты ещё приманкой была. Он такой необычный.

– Вкус... гм... – теряюсь от таких подробностей. – Да, я знаю, вы всех приманок «облизываете», чтобы в следующий раз, если не повезёт в первый, не настраиваться на охоту заново, а сразу атаковать. Стоп! – Неожиданная мысль приходит в голову, и я сама себя останавливаю. – А чем это мой вкус так отличается, что из тридцати приманок именно я тебя зацепила?

– Ты ревнуешь? – изумляется Кит.

– Я? – демонстративно округляю глаза. – Нет.

– Лила...

Имя. Всего лишь имя, а меня словно жаркой волной окатывает. Я даже прохлады воды больше не чувствую. Только желание прижаться к мужчине сильнее, обнять, стать ближе, никуда не отпустить, никому не отдавать, быть рядом. Всегда...

– Я люблю тебя, Лила, – признаётся бархатистый голос, от которого хочется застонать и прижаться к дарящим мне такие желанные слова губам. Вместо этого прикусываю свои и прячу лицо на груди дракона. Закрываю глаза, прислушиваясь к ударам его сердца. Частым. Сильным. Отчётливым. Таким близким.

– Ты моя жизнь. Моя мечта, которую я даже не надеялся обрести. Моя единственная. Я понял это, едва тебя почувствовал, – шепчет Кит, зарываясь пальцами в мои волосы. – Это непостижимо. В этом нет логики. Нет ничего, что могло бы объяснить, почему в моей душе появилось непреодолимое стремление быть с тобой. Я ведь о тебе совсем ничего не знал. Даже надеяться не мог на то, что у тебя возникнут ко мне ответные чувства.

– А за что извинялся, когда к лазарету приходил? – поднимаю голову, чтобы посмотреть на него.

– За свои чувства и извинялся, – горькая улыбка едва заметно искривляет изящный изгиб его рта. – Понимал, что надеяться мне, в общем-то, не на что. Я же спуктум. Да ещё и ликвидатора едва не убил у тебя на глазах. А отказать от тебя не смог. Вот и попытался хоть как-то изменить твоё восприятие драконов. Показать, что мы не такие уж и страшные.

– У тебя получилось! – улыбаюсь в ответ. – Я после твоего извинения ни о чём другом уже думать не могла! Только и мечтала о том, чтобы выяснить смысл твоего таинственного жеста. Всё пыталась понять, что же такого ты натворил! И уж чего-чего, а тебя не боялась точно. А ещё очень обиделась, когда ты прислал письмо и отложил нашу встречу. Я ведь не только покатайся хотела, но и поговорить.

– Я реабилитировался? Или ты ещё хочешь кататься? – дракон резко разворачивается, меня горизонтальное положение на вертикальное, и я сваливаюсь в воду.

– Хочу! – вцепляюсь в его плечи, чтобы остаться на поверхности. – Только позже. Кит, –

прижимаюсь к нему всем телом, – а хранитель имеет право свою подопечную катать на потоках? Он не посадит её под замок, посчитав, что так будет спокойнее? Позволит работать, а не только растить детей?

Кит замирает, словно не понимает моих вопросов. Впрочем, очень быстро недоумение на его лице сменяется такой нежностью, что мне хочется заплакать от счастья.

– Ты будешь делать всё, что захочешь, мой цветочек, – хрипло выдыхает дракон. – Только учти, что я всегда буду с тобой рядом, – честно предупреждает.

Руки, которые до этого ласково гладили моё тело, вновь оплетают талию, не позволяя отстраниться. А ещё я чувствую сильные ноги, сжимающие мои. Как спуктуму удаётся в таком положении удерживать меня и не тонуть – уму непостижимо, при том, что волнение усиливается. И ветер. Похоже, нас снесло течением – шторм вновь набирает силу.

– Согласна, – быстро озвучиваю, пока ещё есть возможность. А то не успею и придётся разговор заново начинать. – Будешь хранителем!

Кит изумлённо вскидывает брови, видимо, подобной стремительности в столь важном решении зоггианин от меня не ждал. Но реагирует моментально:

– Вдохни! – приказывает.

Едва я набираю в лёгкие воздух, как он меня топит, увлекая за собой в тёмную глубину. Опустившись совсем немного, останавливается, ждёт, пока я медленно выдохну и маленькие воздушные пузырьки устремятся к поверхности. «Кислорода хватает?» – одной рукой удерживает меня рядом, пальцы другой складывает в вопрос. Прислушиваясь к себе, понимаю, что делать вдох мне не хочется, и киваю. Порядок.

Поток, который нёс нас на себе, похоже, исчез окончательно и бесповоротно. Так что до гикла нам приходится добираться вплавь. То есть Киту приходится, потому что мне активно двигаться он не разрешает, позволяет только сцепить руки на шее, повиснув за его спиной, и расслабиться. Я не особенно и возражаю. Не похоже, чтобы гонка его утомила. Вон как руками работает. И ногами. И вообще тело у него такое... сильное!

До ускорителя, сиротливо замершего у валуна, мы добираемся минут за двадцать, а у лазарета оказываемся ещё быстрее, потому что спуск вниз с ощутимым ускорением – для спуктума вообще не проблема. Ему, похоже, что поток, что техника – без разницы.

Сквозь мембрану я вхожу в пузырь так же, как и выходила. На руках у Кита.

– Наконец-то! – Трой, который дожидался нашего возвращения в своём гамаке, вскакивает, шагая навстречу. – Почему так долго? Ничего не случилось? – придирчиво осматривает меня с ног до головы. – Может, ты уже еёпустишь?! – возмущённо смотрит на спуктума.

Секунду Кит медлит, но всё же ставит меня на ноги. Правда, и отступить не позволяет, сразу же сомкнув руки на талии и прижав к себе.

– Повтори, цветочек, – жаркое дыхание касается ушка, и я невольно вздрагиваю от мурашек, пробежавших по телу.

– Что повторить? – оборачиваюсь, не понимая его просьбы.

– Последнее, что сказала на поверхности, – уточняет настойчивый тип, позволяя мне развернуться лицом к себе.

Ах вот оно что! Теперь догадаться не сложно – он хочет, чтобы Трой узнал о моём решении.

– Будешь хранителем, – улыбаюсь, любясь выражением тёмных глаз, буквально ласкающих меня взглядом.

Ту-дух! Бац-бац-бац! Вш-ш-ш...

Оглядываюсь на странные звуки и вижу потрясающую картинку. Парень, с совершенно растерянным выражением лица, сидит на кровати и держится рукой за столик, а от резкого движения, когда он за него хватался, три вазы грохнулись на пол. Хорошо хоть не разбились. Зато вода из них растекается по полу, подбираясь к нашим ногам. К счастью, Кит исправляет ситуацию быстро. Поднимает меня и переставляет на сухой участок пола. Спасая цветочки, наполняет вазы водой. Ту, что вытекла, убирает, правда, с этим ему уже помогает пришедший в себя Трой.

А потом Кит исчезает, убедившись, что я уйду переодеваться и ужинать. Мой временный хранитель, едва у него появляется возможность, осторожно пытается меня на предмет того, как же спуктум добился от меня согласия. Поспешности в таком важном вопросе он явно не одобряет и обречённо вздыхает, мол, что ж я была настолько неосторожна!

Я только улыбаюсь, потому что думать не хочется ни о чём, кроме одного – я люблю своего спуктума! Очень сильно люблю...

Не останавливаться

Потому что не бывает конца пути. И когда одна дверь закрывается, всегда открывается другая.

Закончив писать, убираю стилус в корешок буклета и захопываю инструкцию. Вот и всё, теперь она мне уже не нужна. Заворачиваю её в небольшой фрагмент переливчатой водонепроницаемой мембраны, больше для красоты и интриги, чем ради сохранности – странички в книге тоже водостойкие. Сверху обматываю тонкой белой цепочкой и скрепляю концы, чтобы она не раскрутилась. Получается настоящий подарок.

Встаю из-за стола, потягиваюсь и с удовольствием пробегаю взглядом по маленькой, но необычайно красивой комнатке, которая стала моим пристанищем на те несколько дней, что мы готовились к свадьбе. Медлить Кит не стал и на следующий же день после того, как я определилась с выбором, забрал меня в свой дом. Я даже не думала, что он у него такой большой. В смысле высокий. Все спуктумы, оказывается, любители высоты, и целый район Ожеверона, издали напоминающий щётку из остроконечных кристаллов, – это их дома.

Вот мой новый хранитель и привёз меня в одно из таких узких шпилеобразных зданий, снаружи кажущихся совершенно непригодными для жизни. Однако внутри... Внутри впечатление менялось кардинально. И если первый этаж с «отдыхающим» в нём гиклом казался очень простеньким и изысканностью отделки не отличался, то последующими можно было только восхищаться. И чем выше я поднималась по воздушной трубе, аналогичной той, что была в библиотеке, тем больше в этом убеждалась. На каждом ярусе умещались одна-две комнаты. Некоторые маленькие, изолированные, и это явно столовые и гигиенические. Некоторые просторные, занимающие весь этаж, – жилые. Но все они, независимо от своего размера, были яркими, эффектными, притягивающими взгляд.

Этажей оказалось больше десяти, и самый верхний потряс меня до глубины души. Округлая комната с настолько прозрачными стенами, что поначалу мне даже показалось, что потолок висит сам по себе, без какой-либо опоры. Потрясающий вид на весь Ожеверон с одной стороны. Не менее сногшибательный пейзаж равнины и хребта – с другой. И это была спальня Кита.

Он предложил мне остаться в ней, готов был ночевать в другой, да только я, понимая, что в любом случае скоро мы всё равно будем спать здесь вместе, в качестве временного жилья выбрала для себя комнатку этажом ниже, которая тоже показалась мне очень уютной. Ну не могу я лишиться своего хранителя любимого места отдыха! Пусть даже на несколько дней.

От спальни Кита моя комната отличалась только непрозрачностью стен. Светлых, почти белых, со вставками из голубого светолита и разноцветных прозрачных камней. Очень

красивых, изумивших меня ещё в доме Айны и Латона, в больших количествах встречающихся на Зогге, правда, в отличие от ултриза, залегающих очень и очень глубоко. Окно здесь было всего одно. Зато стояла такая же объёмная мягкая кровать, и в наличии присутствовал целый арсенал подушек от больших до совсем крошечных. Имелись ниши, заполненные маленькими статуэтками и информационными пластинами. А ещё стол с оборудованием для их просмотра и информационный экран рядом с дверью, на котором сейчас, привлекая моё внимание, сменяются цифры, ведущие обратный отсчёт. Остаётся меньше двух часов до церемонии.

Вспомнив о времени, я больше не мешкаю. Неторопливо облачаюсь в бирюзовый наряд, который вчера вечером обнаружила на кровати. Свадебный. Тот, который шит не как повседневная одежда, а на заказ. Потому и куда более эффектный, хотя по-прежнему оставляющий торс максимально открытым. Зато юбки в нём объёмные и длинные, а бёдра обтягивает плотный тканевый пояс. Да и отделка заметно более изящная, по крайней мере, камней куда меньше, а те, что есть, закреплены так, чтобы не мешать.

И это уже третий праздничный наряд, который я надеваю. В первый день свадьбы мне достался синий. Я в нём вышла на прогулку с моим новым хранителем, думала, успеем покататься на потоках хоть чуть-чуть, но не рассчитала, как же много нужно успеть. Побывать в гостях у друзей Кита, провести Айну, посетить Ниродина, заехать к Трою, вернее, его родителям, ведь мой бывший хранитель вернулся в их дом и теперь будет жить в нём до совершеннолетия... Хорошо хоть к родителям Кита в другой город ехать не пришлось – они сами появятся на третий день, но даже при этом у нас совсем не осталось времени на то, чтобы побыть вдвоём!

А на второй день я своего спуктума вообще не видела. Во-первых, это не принято. Считается, что хранителю и его подопечной нужно ещё раз убедиться в том, что они желают быть вместе. И зоггиане не придумали ничего лучше, как изобрести вот такой мучительный способ это понять – маленькую разлуку на сутки. Правда, новый наряд всё равно надеть пришлось. Сиреневый, как лепесточки мео-реллина. Во-вторых, именно в этот день выяснилось, что флот цессян, который отправился на подмогу первому, вынырнул из подпространства. Естественно, что Кит, пользуясь имеющейся у него свободой, вместе с другими драконами умчался активировать какие-то новые установки, усиливающие электромагнитное напряжение в потоках. Они их уже больше месяца налаживали. И план защиты на случай появления врага у них, оказывается, давно разработан.

Я бездельничать тоже не стала – взяла гикл и добралась на нём до обсерватории. То, что ради этого мне пришлось попросить Троя себя сопровождать, было воспринято как само собой разумеющееся. Новости, которые мы узнали, лично меня не обрадовали. Эскадра вышла не на подступах к системе Фиссо, как это делается обычно, а внутри её границ, фактически на орбите одной из внешних планет. То есть до Зогга им лететь оставалось не трое суток, как это было в первый раз, а всего сутки.

Сомневаясь, что свадьба в такой напряжённой обстановке будет правильным поступком, тем более её третий, последний и самый важный день, я на обратном пути заехала к Ниродину. Ну а кому ещё я могла высказать свои соображения?

– Даже не думай, – строго посмотрел на меня советник. – Всегда есть то, что может мешать. Но мы для того и живём вместе, чтобы помогать друг другу. Поддерживать, выручать, защищать. На этом основана наша общественная система, разве ты забыла? Остальные спуктумы прекрасно справятся и без Кита. Уверен, он им доверяет в той же степени, что и самому себе.

Его позицию я приняла и согласилась. После того, как то'Трон проявил невероятную деликатность, уступив место в моей судьбе Киту, а в определённой степени даже подтолкнул меня к нему, моё уважение к этому мужчине поднялось на заоблачные высоты. Возможно те, на которых сейчас переходят на стационарные орбиты вокруг Зогга корабли цессян.

Пристегнув последнюю цепочку, удерживающую накладку на грудь, прихватываю со стола свёрток. Выхожу из комнаты, шагаю в вертикальную шахту и развожу руки в стороны, а потом медленно поднимаю, спускаясь на пару этажей ниже, чтобы попасть в маленькую столовую. Опять-таки в доме Кита есть и большая, где мы с ним сможем обедать вместе, но всё это будет позже. А сейчас мне вполне достаточно маленького

столика и скромного рациона, похожего на тот, адаптированный для приманок, которым меня снабжал в лазарете Трой. Окончательно на местные блюда я всё ещё никак не могу перейти. Они мне нравятся, конечно, но потреблять эту пищу в больших количествах проблематично. Тяжёлая, в большей степени мясная и очень сытная. Не зря же сами зоггиане едят три раза в день и понемногу.

Однако, невзирая на некоторые сложности, жизни на Зогге я радуюсь. Больше всего тому, что моя гипотеза подтверждается, и, несмотря на все различия, которые разделяют цессян и зоггиан, я нахожу всё больше и больше черт, которые делают наши цивилизации похожими. По крайней мере, в том, что есть общие корни, я даже не сомневаюсь! Одна генетическая совместимость чего стоит! А она у нас более чем высокая – мне даже Айна позавчера по секрету призналась, что уже беременна. И это при том, что с момента её замужества едва-едва месяц прошёл! В некотором смысле мне очень жаль, что я не могу вернуться на Цесс, заявиться на научный конгресс и доказать свою правоту! Зато теперь мне не терпится изучить поближе ипериан. Весьма вероятно, что и в них обнаружатся родственные черты.

В том, что возможность продолжить свои научные изыскания у меня будет, я уверена. Зеленоволосые субъекты, если уж на что-то нацелились, не отступят. То есть на Зогге будут появляться регулярно. И просто невероятная удача, что в зоггиан они «вцепились» по-дружески, а не с позиции врагов. Цессянам, в этом же смысле, оставалось только посочувствовать. Я Киту все уши прожужжала на предмет того, что иперианам ни в коем случае нельзя показывать то, что их поведение излишне навязчивое. То есть о попытках избавиться от них можно забыть. Дракон только заулыбался и меня успокоил – в планах сотрудничество, а не изоляция. Какое всё же счастье, что совет отдал спуктумам инициативу в этом вопросе!

Закрываю крышку стола и нажимаю кнопку сброса, чтобы отправить посуду в автоматическую чистку. Между прочим, на Цессе мне пришлось бы её мыть руками! Кстати, стирка здесь тоже машинная, да и уборка, похоже, не станет большой проблемой – пыли под водой не бывает, это же не атмосфера, а грязь, если таковая и налипает, счищается мембраной и остаётся за порогом. Мир зоггиан даже в этом оказался куда более комфортным.

В соседней со столовой гигиенической комнате ещё раз осматриваю себя, убеждаясь, что мой внешний облик соответствует сегодняшнему статусу, поправляю причёску и с замиранием сердца шагаю вниз.

– Лиля! – я даже затормозить не успеваю, а меня уже ловят, подхватывая на руки и вытаскивая за границу гравитационного лифта.

– Кит... – крепко обнимаю своего хранителя за шею. – Как же я соскучилась!

– Я тоже, цветочек, – бархатистый голос становится хриплым, а объятия куда более тесными.

Слышу какой-то подозрительный треск и успеваю пискнуть прежде, чем урон станет необратимым:

– Платье!

Кит на мгновение замирает, а потом осторожно ставит меня на пол, осматривая.

– Вроде нормально, – сообщает, по всей видимости, не обнаружив повреждений. – И очень красиво, – во взгляде, сначала придиричиво изучающем одежду, а потом останавливающимся на моём лице, появляется восхищение. – Ты у меня просто красавица.

– Ты тоже, – возвращаю ему комплимент, отмечая про себя, что брюки и пояс мужчины по цвету идентичны моему платью. И ещё руки оплетены такими же лентами. – А это для чего? – дотрагиваюсь пальцем до элемента гардероба, которого никогда раньше не видела.

– Увидишь, – загадочно улыбается скрытный субъект.

Удивлённо поднимаю брови, но моё любопытство упорно игнорируют, взяв меня за руку

и увлекая за мембрану, разделяющую первый этаж на две части, заполненные, соответственно, воздухом и водой.

А потом на гикле мы едем в сторону центра, огибаем здание совета и останавливаемся у соседнего с ним, похожего на купол, опирающийся на толстые светящиеся столбы. Сквозь натянутую между ними мембрану проходим, взявшись за руки.

Внутри оказывается привычно темно, и я, подняв голову, ахаю от восхищения, потому что свод потолка, имитирующий звёздное небо, – это изумительное зрелище. И только потом понимаю, что над нами экран, а на нём реальное изображение того, что происходит на орбите. На фоне звёзд движутся куда более крупные, массивные объекты. Тёмные, уходящие в тень Зогга и исчезающие из зоны видимости. Яркие, появляющиеся на горизонте и отражающие слепящие лучи Фиссо.

– Кит? – невольно сжимаю его ладонь, с замиранием сердца всматриваясь в тревожную картинку.

– Не волнуйся, цветочек, всё хорошо, – успокаивает меня хранитель.

Его оптимизма я, может, и не разделяю, но прекрасно осознаю, что спорить бессмысленно. Поэтому, ведомая сильной рукой, послушно иду в центр зала и наконец-то замечаю, что мы не одни. Здесь ещё двое. Мужчина и женщина. Правда, из-за полумрака рассмотреть лица сложно, и только когда мы останавливаемся, а они подходят ближе, у меня появляется такая возможность.

Зоггианин высокий, статный, но совсем седой. Его спутница, хоть и выглядит моложе, но тоже в летах. Думаю, что им обоим не меньше двухсот лет, если принять во внимание то, что длительность жизни на Зогге доходит до трёхсот. Это мне Трой поведал, и я в очередной раз убедилась в том, что ещё по одному параметру наши цивилизации идентичны. Ибо срок жизни цессян аналогичный. Хотя у учёных Цесса есть предположения, что альбиносы будут жить намного дольше.

– Кит Гун ти'Стор, – официально, но с улыбкой начинает говорить мужчина, – ты нашёл ту, для которой станешь хранителем?

– Верно, отец, – подтверждает Кит.

– Мео, – теперь подаёт голос женщина, обращаясь ко мне. – Имя назовёшь?

– Лила Ювита, – осторожно отвечаю.

О том, как именно проходит церемония, мне не рассказали, лишь погладили по голове, пообещав, что ничего сложного и страшного в ней нет. Короче, Кит решил сделать мне сюрприз.

– Спасибо, Лила, – неожиданно в ровных интонациях я слышу волнение. Женщина шагает ближе, обнимая меня, и шепчет: – Не бойся, девочка. Он тебя никогда не оставит.

– Я знаю, – обнимаю её в ответ. – И я его тоже.

Женщина отстраняется и касается пальцами уголков глаз, убирая выступившие слёзы.

– Кит, Лила, – вновь раздаётся низкий голос. – Решение быть вместе, которое вы принимаете...

Световой блик, отразившийся от пола, заставляет его прерваться, а нас поднять головы. Я с удивлением вижу, как вспыхивает сверхновой и медленно гаснет, превращаясь в тёмный провал, один из кораблей цессян. От неожиданности мы с Китом переглядываемся, и тут же аналогично взрывается ещё один корабль. И ещё.

– Что происходит? – одними губами спрашиваю, чтобы не мешать обряду. То, что ни одна защитная установка на Зогге не может достать до орбиты, это я знаю точно.

– Не знаю, – хранитель хмурится, по всей видимости, тоже не понимая причин, по которым гибнет флот цессян.

Родители Кита так же обмениваются недоумевающими взглядами, но церемонию продолжают.

– ... мы одобряем, – заканчивает мужчина под новую серию вспышек, словно кто-то решил, что наш праздник должен быть украшен именно этим фееричным зрелищем.

Уже не обращая внимания на световое шоу, родители снимают с рук Кита ленты. Он забирает ту, что теперь держит его отец, и поворачивается ко мне. Аккуратно завязывает на моём плече и оплетает ею руку, спускаясь к запястью. Ну а поскольку женщина протягивает мне вторую ленту, то и я проделываю аналогичную процедуру с рукой своего хранителя.

Зачем снимать, а потом надевать снова, я не очень-то понимаю, но обряд есть обряд. Какой смысл спорить и выяснять значение того, что в нём происходит?

– Эти ленты – знак семьи, – Кит, склонившись ко мне, тихо поясняет, в то время как счастливо улыбающаяся пожилая пара неторопливо перемещается к выходу. – Родители надевают их каждому сыну в день совершеннолетия. Тем самым показывают, что как бы ни сложилась его судьба, станет он хранителем или останется один, семья всегда будет с ним. Сняв ленты, они его отпускают. Так что с этого момента ты – моя семья, – он нежно обнимает меня за плечи и целует в висок. – А я – твоя.

Ух! Как всё непросто! Хотя, если подумать, то для мужчин-зоггиан, у которых так мало шансов стать хранителями, подобная моральная поддержка очень важна. Пожалуй, родственные узы на Зогге даже сильнее, чем на Цессе, где родители в церемонии участия не принимают. Даже в качестве гостей присутствуют, только если это свадьба в династической линии.

Ответить ему не успеваю: в зале становится неожиданно многолюдно. Родители Кита не ушли, а просто вышли на несколько секунд, чтобы показать всем, кто ждал окончания главной части обряда, что он завершён. Так что теперь мы оказываемся окружены теми, кто пришёл нас поздравить.

– Лила! – первой ко мне бросается Айна. Обнимает, едва не роняя меня на пол. – Как я за тебя рада!

– Спасибо! – я каким-то чудом удерживаю равновесие, целую подругу в щёки и отодвигаю, доверяя заботливым рукам так вовремя оказавшегося позади неё Латона. – Ты давай-ка осторожнее! Тебе, в твоём положении, лишние нагрузки не нужны.

Оборачиваюсь к Киту, чтобы попросить принести подарок, и вижу, что он его уже держит в руках. Маленькая коробочка с семенами каких-то редких цветов. В общем, вблизи Ожеверона таких точно нет.

– Вы хотите, чтобы мой хранитель окончательно превратился в цветовода? – смеётся девушка. – А что есть тогда будете?

– Одно другому не мешает, – Латон с улыбкой гладит свою жену по голове.

Рядом появляется Трой, и я оглядываюсь, чтобы найти обещанную ему инструкцию. Снова вижу свёрток в руках Кита и в очередной раз удивляюсь, откуда он ухитряется их добывать?! Мне казалось, что все подарки мы в контейнере на гикле оставили.

– Счастливой вам судьбы! – говорит парень совершенно серьёзно, сдержанно. С моим выбором он согласился, но, похоже, так и не одобрил. Правда, при виде книги его глаза вновь вспыхивают привычным блеском, а в голосе появляется куда больше эмоциональности. – А я думал, ты пошутила, что отдашь. Это же твоя память о прошлом.

– Мне это прошлое больше не нужно, – успокаиваю его и заглядываю в глаза Кита, который внимательно прислушивается к нашему разговору. – У меня есть будущее. И оно мне намного дороже.

Радость, которая затапливает карие радужки, становится для меня наградой. Я отвечаю хранителю улыбкой и оборачиваюсь к очередному желающему нас поздравить.

– Рад за вас обоих, – Ниродин принимает из рук спуктума свой подарок. О содержимом

маленького свёртка, который с лёгкостью умещается в его ладони, я не знаю. Кит сказал, что сам приготовит традиционные для таких торжеств сюрпризы. – Надеюсь, завтра вы найдёте время, чтобы посетить совет. Похоже, у нас тут некоторые... – поднимает взгляд, рассматривая эффектную, но не самую приятную картинку, – проблемы.

– Есть данные о том, что именно происходит на орбите? – немедленно сосредотачивается Кит.

– Пока нет, – советник отрицательно качает головой. – Я жду информацию из обсерватории. Наблюдатели тоже молчат. Как только что-то станет известно, вы об этом узнаете.

Поскольку с остальными гостями я практически не знакома, предоставляю Киту принимать их поздравления и благодарить за присутствие. Сама же присматриваюсь к той панораме, что разворачивается над нашими головами. Взрывы прекратились, и теперь на фоне космического пространства лишь изредка проносятся, закрывая собой звёзды, небольшие тёмные силуэты кораблей. Что это за корабли: повреждённые взрывами или оставшиеся в рабочем состоянии, понять невозможно.

Чувствую руку Кита, который обнимает меня за талию. Возвращаюсь к происходящему вокруг и понимаю, что гости расступаются, освобождая центр зала, а нас начинает окутывать музыка. Плавная, лиричная, в которой слышатся шелест трав в степях Цесса и протяжные стоны ветра, несущего облака над равниной.

– Мы будем танцевать?! – изумляюсь, хотя и так понятно, что именно это Кит собирается делать. – Ты же не умеешь!

– Умею, – радостно сообщает хранитель. – Меня научили.

Бросаю взгляд на замерших у стен гостей, отыскивая подругу. Вижу хитро улыбающуюся москву и качаю головой: когда только успела! И музыку как-то ухитрилась раздобыть! Впрочем, последнее, пожалуй, проще всего объяснить – наверняка подружка на разрушенной базе побывала и свои записи забрала. А уж воспроизвести их для зоггиан не проблема.

И танцевать тоже! Не знаю, почему Айна жаловалась, что Латон двигался скованно и тяжело. Кит скользит по полу, увлекая меня за собой так, словно всю жизнь только и делал, что заучивал эти не самые лёгкие в исполнении фигуры. И рисунок танца выдерживает идеально. Может, потому, что он спуктум? Двигаться вместе с потоками – это ведь тоже своеобразный танец. Координации требует хорошей, однозначно.

Впрочем, я очень быстро забываю обо всём, кроме того единственного, кто со мной рядом. Наслаждаюсь его прикосновениями, ласковым скольжением рук по телу, краткими объятиями. Это же не просто танец, а часть свадебного обряда на Цессе. Наглядная демонстрация того, что девушка больше не свободна.

С последними аккордами Кит легко поднимает меня над полом за талию, кружит, постепенно останавливаясь, и опускает на пол.

– Bravo! Великолепно! – в наступившей тишине раздаются весёлое восклицание и хлопки в ладоши. Вот только голос, который это выкрикнул, почему-то кажется мне таким странным. Вроде и знаком, но...

Разворачиваюсь в кольцо рук Кита и открываю рот от удивления. Лучезарно улыбаясь, к нам шагает высокий зеленоволосый субъект. Тот самый, который так мило утверждал, что чуть в меня не влюбился.

– Вот так и знал, что успею! – иперианин останавливается напротив, упирая руки в бока. – Ну что? Поздравления принимать будете? Или мне не рады? – насмешливо на нас смотрит.

– Рады, Фориат, – отмирает Кит. – Конечно, рады. Просто твоё эффектное появление очень уж неожиданное. Прости.

– Ха! – коротко хохотнув, верзила разворачивается кругом, быстрым взглядом окидывая

гостей. – Дело привычки. А я же обещал тебе, что буду на свадьбе. Ай-яй! – взирает на зоггианина укоризненно. – Ты говорил, что не раньше, чем через пару месяцев этого радостного события ждать, а сам... Хотя я тебя понимаю, – салатный взор останавливается на моей персоне, на мгновение становится внимательно-серьёзным и тут же превращается в ироничный. – Такую хорошую девочку отпускать в свободный полёт нельзя. Нужно при себе держать. В общем, – он снова смотрит на Кита, – ты поторопился, ну и мне пришлось чуть ускорить события, чтобы появиться не с пустыми руками, – выразительно поднимает глаза к потолку. – Ух! – удивлённо отшатывается, осматривая панораму. – Так ты видел всё? А я думал сюрприз сделать...

– Это вы устроили? – изумляется дракон.

– А то ж! – гордо заявляет Фориат. – Мин-ловушек на орбите набросали, хорошо, что у вас там мусора с прошлого сражения много осталось. Дезу цессиям закинули, чтобы прибыли побейстрей. В засаде чуток посидели... Кстати, спасибо за ултриз, пригодился. А вообще не дёргайся, это наши заморочки. Подарок принимаешь?

– Принимаю, – протягивает ему руку Кит, получая ответный шлепок по ладони. – Но вообще-то это я дарить должен.

– Ай, я бестолочь! – иперианин ударяет себя по лбу. – Точно! У вас же другие традиции. И что ж я всё время об этом забываю? – сетует сокрушённо, хотя всем уже понятно, что ничего он не забыл. Дурачится просто. – Мне подарок, значит? – хитро прищуривается.

Кит коротко кивает, а я замираю в тревожном ожидании. Очень уж шаткая грань между простой данью вежливости и настоящей благодарностью. И даже мне трудно представить, что именно творится в голове у внешне развесёлого, развязного субъекта.

Фориат шагает ближе, чуть наклоняется, потому что он на голову выше спуктума, и впивается взглядом в лицо визави.

– Я его обязательно у тебя попрошу, когда для этого придёт время. Спасибо, – тихо говорит. И ни одной смешливой нотки в голосе. Резко выпрямляется, и на лице вновь расцветает улыбка. – Э-м-м... – округляет глаза, с весёлым изумлением рассматривая присутствующих. – А чего вы так перепугались? И вообще тут свадьба или как? Вы целовались уже? – требовательно на нас смотрит. – Или у вас это не принято? Что, совсем? Да что ж со мной сегодня такое!? – возмущается собственной непонятливости. – Кстати! Раз уж вы тут комбинируете, может, разнообразите ритуал ещё одной новой традицией? На Ипере пара становится таковой, когда при всех целуется, – демонстративно чмокает воздух, и я, задыхаясь от смеха, отворачиваюсь, пряча лицо на груди своего хранителя, который тоже едва сдерживается.

– Лила? – слышу тихий вопрос и поднимаю голову.

Кит нерешительно на меня смотрит, и я его сомнения понимаю. Поцелуй – это же не обнимашки, после которых никаких значительных изменений в организме не происходит. Если девушка психологически не готова целоваться, то тело среагирует неправильно. То есть гормональный всплеск будет недостаточно высоким, и вместо того, чтобы запустить созревание яйцеклеток, наоборот его подавит. В принципе, ничего особенно страшного не случится, кроме того, что мечты о детках на пару лет придётся отложить, пока не исчезнут последствия. Кстати, с физическим контактом всё намного серьёзнее, и близость с мужчиной, которого девушка принимать не желает, станет для неё роковой. Яйцеклетки погибнут, и детей уже никогда не будет. Так что ни с первым, ни со вторым Кит торопиться не станет, однозначно. Особенно, если любит. Вот только...

Обнимаю дракона за шею, поднимаясь на носочки, чтобы оказаться ещё ближе.

– Я тебя люблю, – выдыхаю ему в губы, чувствуя, как напрягаются руки, оплетающие мою талию, скользят по спине, тесно прижимая меня к самому желанному мужчине во всей Вселенной. А он больше не мешкает. И губы, о которых я столько мечтала, теперь накрывают мои ласковым, почти невесомым прикосновением. Подаюсь навстречу и тону. В силе... и нежности. В страсти... и тепле. В жарком дыхании... и сладком томлении. В новом для меня мире, из которого совсем не хочется возвращаться в реальность.

А я не особенно и пытаюсь. То есть окружающий мир упрямо вторгается в моё сознание,

потому что нужно с кем-то разговаривать, куда-то ехать, позировать на фоне океана, чтобы получить стереоснимки на память... Но я не уступаю, и те краткие мгновения, едва появляется возможность снова уплыть в мир чувственной нереальности, использую по назначению – провоцирую своего хранителя. Особенно хорошо у меня это получается, когда мы сидим на ускорителе, а передо мной его спина. Голая. Кожа на ней такая гладкая. На груди, кстати, тоже. Скользить по ней ладонками так приятно. И целовать. Вода мешает, правда, но не сильно. А можно ещё и в волосы пальчиками зарыться...

В итоге Кит не выдерживает и вместо того, чтобы ехать к кораблю ипериан, куда мы, в общем-то, уже и направляемся, неожиданно разворачивает гикл, возвращаясь в город.

С ускорителя меня снимают одним сильным движением. Бедные фиксаторы... Впрочем, мне точно не до них. Потому что через секунду мою мало чего соображающую персону аккуратно вжимают в стену, скользя ладонями по телу. Холод камня за спиной. Сильные пальцы на груди. Треск рвущихся цепочек. Жаркие губы на шее, медленно поднимающиеся всё выше.

– Лила... – хриплый выдох и поцелуй, от которого у меня кружится голова, перехватывает дыхание и мыслей в голове не остаётся. Совершенно никаких.

Прихожу в себя, с изумлением понимая, что холод стены сменился уютным теплом кровати. Как и когда мы успели сюда переместиться, я не понимаю. Не помню. Как и того, куда делась моя одежда... Э-м-м... Не только моя.

Открываю рот, чтобы этим поинтересоваться у нависающего надо мной bruneta, и снова теряю связь с реальностью, потому что предоставленной ему возможностью хранитель тут же пользуется. Нагло. Но так сладко. И безумный шквал новых, совсем других ощущений накатывает штормовой волной.

Вкус океана на моих губах, тяжесть мужского тела, сводящие с ума сильные движения, прерывистое дыхание, эхом отдающий в ушах пульс, мои короткие стоны, пальцы, сминающие простыню, и мир, рассыпающийся яркими искрами.

Выравнивая дыхание, я медленно прихожу в себя, вжимаясь лбом в грудь обнимающего меня дракона. Как же это всё-таки чудесно, когда рядом тот, кого любишь. Ой!

– Кит! – вцепляюсь пальцами в его плечи, чтобы отодвинуть и сесть.

– Что случилось? – он послушно отстраняется и тоже садится, ласково поглаживая меня по спине.

– Где моё платье? – осматриваю комнату. Вижу бирюзовый хвостик с другой стороны кровати и перегибаюсь через ноги мужчины. Вцепившись в ткань, возвращаюсь обратно, подтаскивая к себе добычу.

Хранитель молчит, с интересом наблюдая за тем, как я роюсь в объёмных юбках, отыскивая пояс и забираясь в него пальцами.

– Зачем оно тебе сейчас? – всё же не удерживается от вопроса:

– Я хотела тебе отдать, – вытаскиваю и протягиваю ему свой кулончик, который, к счастью, не потерялся. – Отдать до того как... – покусываю губы, расстраиваясь от осознания того, что меня переклинило настолько, что я обо всём забыла. – Потому что я ребёнка от тебя хочу...

– Цветочек, – Кит моментально сгребает меня в охапку, заваливая на кровать и целуя. – Какая же ты у меня!..

– Глупая? – вздыхаю.

– Любимая, – поправляет дракон. – И суеверная.

А кулончик всё-таки забирает.

Эпилог

Песчаное мелководье переливается голубыми красками и расцветивается световыми бликами. Ограниченное итрасовыми зарослями, оно практически скрыто от чужих глаз, к тому же ещё и изолировано от остального океана небольшим скальным поднятием.

Я сижу на камнях, из которых оно сложено, а рядом стоит, упираясь ладошками в валун, очень даже упитанный карапуз. Место ему нравится. Светлое, хорошо просматривается, да и потоки здесь рождаются совсем слабенькие. Неопасные.

Приоткрыв рот, малыш сосредоточенно смотрит на крошечный водоворот в паре метров от нас, который то появляется, то исчезает. Отрывается ото дна, поднимается выше, кружит и опускается. Делает ещё одну попытку, захватывая в себя соседние струи, и вновь распадается, словно сил на то, чтобы стать единым целым с ними, ему не хватает. И всё же, в конце концов, скрутившийся в плотный смерч водный торнадо уносится прочь, утаскивая за собой мелкий песок и пару рыбок, замешкавшихся и не успевших уйти с его пути.

Оперативно ловлю за руку маленького сорванца, который уже готов рвануть следом. Рано. Три года для того, чтобы учиться контролировать потоки, это нормально, а вот кататься на них ещё не время.

Возмущению малыша нет предела. Сердито хмурится, плотно сжимает губки, старается разжать мои пальцы и даже снова начинает притягивать рождающиеся в ложбине струи, подстраивая под своё видение того, какими они должны быть.

Перехватываю сорванца удобнее, отплывая от тренировочной площадки, и усаживаю на гикл. Хватит на сегодня. И так три часа вместо положенных двух занимались.

– Ещё хочу! Давай вернёмся! Ну, ма-а-ама! – начинает канючить вредина, едва появляется возможность открыть рот, когда мы проходим сквозь мембрану в приёмную здания совета.

– Нас папа ждёт, – единственным действенным способом пресекаю новые попытки меня разжалобить.

Ротик тут же закрывается, и сопротивление исчезает бесследно. Теперь мы чинно идём по коридору в сторону лифта, а потом в новое крыло, выстроенное лет двадцать назад, где и работает Кит.

Для мальчишки отец – непререкаемый авторитет. Впрочем, это не его личная особенность, все дети на Зогге воспринимают своих отцов аналогично. Хотя для Орита к этому есть ещё один дополнительный стимул – он тоже спуктум. Драконы ведь интуитивно друг друга чувствуют, даже если между ними нет родственных уз. А уж если есть... Тут и говорить не о чем.

Мы долго удивлялись тому, что сынишка родился с этими способностями, ведь наследственность не имеет к ним никакого отношения, но, когда у младшенького они начали проявляться, Кита это очень порадовало. Он сам начал заниматься его тренировками, и только если уж совсем занят, как сегодня, например, эти функции приходится брать на себя мне.

Войти в кабинет не успеваем. У самого порога сталкиваемся с уходящим посетителем, сопровождаемым охраной.

– Мео! Рад встрече! Как давно мы не виделись! Лет шесть, если не ошибаюсь? – шагнув навстречу, восклицает высокий субъект в синем комбинезоне. Настолько ярком, что даже зелёные волосы мужчины приобретают оттенок морской волны.

– Не ошибаешься, – подтверждаю и останавливаю. – Здравствуй, Фориат, – протягиваю ему руку, потому что для иперииан личный разговор с кем-то без физического контакта равносителен оскорблению. Между мужчинами это может быть любое прикосновение: шлепок по руке или пожатие, похлопывание по плечу, краткие объятия... А вот при их общении с женщинами ритуал всегда одинаков.

Тёплые пальцы проскальзывают по ладони, а в салатовых глазах появляются привычные смешливые искорки.

– Хорошеешь с каждым годом всё больше, – иперианин пробегает преувеличенно-восхищённым взглядом по моей фигуре. – Эх, Мео, не уважал бы я Кита так, как уважаю на самом деле, увёл бы тебя у него однозначно.

– Поздно, – трагично ему сообщая, наигранно вздыхая.

Подобная игра – привычная для ипериан маска, а у Фориата, и я это прекрасно знаю, есть жена и шестеро сыновей. Причём старший едва ли не ровесник моего хранителя. Так что я этому типу не нужна совершенно, но сделать мне комплимент он считает себя обязанным.

Мужчина приседает, опускаясь на одно колено, чтобы было удобнее со мной разговаривать, и бросает короткий взгляд на свой конвой. Впрочем, тот, сообразив, что начальство идти дальше не намерено, уже давно отступил в сторону и теперь старательно делает вид, что его тут нет. Дабы не мешать.

– Я прилетел выступить на совете, – возвращаясь взглядом ко мне, серьёзно говорит Фориат. – Очень надеюсь и на твоё присутствие. Твой муж адекватен в плане понимания способов взаимодействия наших планет, но для всех остальных советников только твои рекомендации будут иметь вес. А мы рассчитываем на то, что предложение, которое сделаем, будет принято.

– Разумеется, я буду на заседании, – киваю, показывая, что на мою поддержку он может рассчитывать. – Тем более если речь идёт о сотрудничестве с Ипером.

– И я обязательно тебя за это отблагодарю, – обещает Фориат и начинает смеяться, потому что Орит, никогда ранее не видевший мужчин с длинными зелёными волосами, изумлённо округляет глаза и, опасливо поглядывая на такого большого дядю, всё равно тянется ручками, вцепляясь пальчиками в толстую косу, переброшенную через плечо. – Какой он у тебя любопытный! Помню, Шоит на меня не так отреагировал, да и Цафи вела себя куда сдержанней.

– Они были несколько старше, – оправдываю малыша.

Фориат улыбается, ждёт, пока мальчишка отпустит «игрушку», и поднимается, оправляя форменную куртку в тон комбинезона, надетую поверх него.

– До встречи, Мео, – прощается со мной, делая знак сопровождающим следовать за ним.

Несколько секунд смотрю ему в след, наблюдая за размашистыми шагами долговязого мужчины. Приятного в общении? Да. Друга? Тоже да. Но при этом невероятно опасного. За тридцать лет, что мы знакомы, он не стал мне понятнее или ближе. Да, я многое о Фориате узнала, и уважение, которое изначально к нему возникло, тоже никуда не исчезло, но относиться к иперианину с определённой долей настороженности я не перестала.

Второй сын, рождённый в династической линии, он не мог претендовать на управление планетой, которое перешло от умершего отца к его брату. Потому и занялся военным делом, что, в общем-то, в условиях масштабного конфликта между мирами было совершенно естественным. Больше сорока лет Фориат весьма успешно отражал атаки на Ипер, потом провёл несколько удачных операций на других планетах. Последней из них и стало уничтожение базы цессян на Зогге.

Анализируя то, как именно в это время вели себя ипериане, я долго пыталась понять логику уничтожения самой базы. Ведь она могла пригодиться им самим для добычи ултриза! Так нет, вместо того чтобы её сохранить, высадив туда десант и захватив, они её банально разрушили. Зачем?

Вторым, интересующим меня ничуть не меньше, был вопрос: как получилось, что, фактически потерпев разгромное поражение, ипериане с лёгкостью захватили победивший их флот? Да и с прибывшим позже подкреплением разобрались на раз. Словно и не было у цессян никакого технического превосходства!

Я столько источников информации перелопатила, чтобы это выяснить, столько сопоставила данных! А когда разобралась, то поняла, что в плане манипуляций Фориат куда искусней, нежели альбиносы. Вот только если те использовали других исключительно на пользу самим себе, то иперианин сделал иную ставку. И выиграл. По всему выходило, что он ещё до того, как начал планировать эту операцию, узнал о наличии на Зогге местного населения. И поступил необычайно дальновидно, сделав всё, чтобы наладить с зоггианами контакт, вместо того, чтобы тратить силы на добычу ултриза под постоянной угрозой быть уничтоженным цессянами или потоками океана. Ушлый тип сразу понял, что удержаться на Зогге, не имея поддержки тех, кто на нём живёт, будет нереально.

В общем, атака базы была показательной акцией, а бой на орбите – прекрасно разыгранной трагедией. Спектаклем, единственной целью которого было выйти на контакт с зоггианами, сделав его для них максимально необходимым и выгодным обеим сторонам.

Вне всяких сомнений, у ипериан, приводнившихся на Зогг, а потом с него стартовавших, не хватило бы сил для захвата всех уцелевших кораблей цессян. И помощи зоггиан, которые полетели вместе с ними, было бы недостаточно. Так что большую часть работы по нейтрализации врага сделали штурмовые группы в десантных кораблях, затаившихся на удалённых орбитах. Именно они атаковали празднующих свою победу цессян. Но для зоггиан, которые не видели всю картину, а только тот её кусочек, что им хотели показать, этого хватило, чтобы поверить в устроенную демонстрацию. Получилось, что ипериане пошли на небольшую хитрость, при этом проявив невероятную изобретательность и ловкость. А в результате ухитрились и наладить отношения с зоггианами, и убрать с Зогга цессян.

Вот таким оказался весельчак Фориат. Достойным уважения? Да. Хотя бы потому, что зоггиан он не подставил. Внушающим опасения? Бесспорно. Ибо превратись он во врага, последствия будут катастрофичными.

Чувствуя нетерпение сына, который дёргает меня за руку, открываю дверь в кабинет. Сидящий за столом Кит, сосредоточенно разбирающий лежащие перед ним документы, тут же поднимается, шагая нам навстречу.

– Лила... – целует с таким жаром, словно мы не утром расстались, а год назад, не меньше. – Как позанимались? – выпустив меня из объятий, наклоняется, чтобы подхватить на руки ждущего своей очереди сорванца.

– Хо-ро-шо! – нараспев отвечает тот и взвизгивает, а потом хохочет, когда сильные руки подбрасывают его вверх, чтобы поймать, затискать и защекотать.

– Я Фориата встретила, – с удовольствием наблюдаю за их бурной вознёй. – Он тебе сказал, что именно хочет предложить на совете?

– Нет, – усадив ребёнка за стол и открыв ему игровую программу, Кит подходит ко мне. – Интересовался только, не возражаем ли мы, если на дне рождения Цафи будут присутствовать его сыновья.

– Зачем? – спрашиваю на всякий случай, но весьма забавные мысли на этот счёт уже залезают в мою голову.

Кит пожимает плечами. То ли реально не знает, то ли не хочет, чтобы я волновалась.

– С документами поможешь? – обнимает, зарываясь носом в волосы.

Конечно, помогу. И отсортировать, и разобрать, и даже посоветовать, как лучше решить некоторые вопросы. Потому что мне мой хранитель нужен дома в адекватном состоянии, а не в полуживом от переутомления. Кстати, ему единственному из спуктумов разрешено участвовать в заседаниях совета, потому что... Внимание! Готовы? Кит член Сената, но не советник! Жуткий парадокс, который до сих пор повергает всех в шок. А во всём опять-таки Фориат виноват. Он наотрез отказался вести переговоры, если среди тех, с кем приходится договариваться, не будет Кита. Видимо, чем-то зацепил мой спуктум этого иперианина. Жаль, что я не присутствовала при их знакомстве и не могу понять, чем именно, а сам Кит, когда я спрашиваю, только руками разводит. Типа вёл

себя так, как считал в тот момент необходимым.

Впрочем, о принятом решении относительно Кита, кажется, никто не пожалел. Впервые, он на пару с Ниродином на такой уровень поднял защиту планеты, что теперь уже даже постоянного присутствия флота ипериан на орбите не требуется, разве что для страховки и наблюдений. Во-вторых, сотрудничество с иперианами трижды спасло Зогг от новых нападений. Ровно через год после нашей свадьбы права на ултриз заявили лорепиане. И если бы не защита ипериан, не факт, что всё закончилось бы благополучно. Спустя ещё шесть лет объявились милбарцы, о которых до этого вообще никто и ничего не знал. Я даже не предполагала, что есть такая цивилизация. А пятнадцать лет назад, как раз когда родилась Цафи, попытку подчинить себе Зогг повторили цессяне.

Честно говоря, мы все были этим необычайно удивлены. Ведь ипериане вернули пленных на Цесс только потому, что Овид Шу ли'Тон подписал отказ от любых притязаний на Зогг, плюс ещё и в обмен на тех девушек, которые были согласны сменить планету и жить под водой. Впрочем, всё стало понятным, когда выяснилось, что король Цесса умер, а право управления перешло к мужу его дочери. Ну да. Монт ухитрился-таки жениться на Орлее. Этот альбинос оказался из тех, кто любую ситуацию переворачивает в свою пользу. Даже те десять лет исправительных работ, которых потребовал в отношении него Фориат, не помешали Дэйлю получить желаемое.

В общем, став правящим принцем, нанесённой ему обиды альбинос решил не прощать. Вот только план мщения не удался. К этому времени установки Зогга уже действовали, и потоки прекрасно сбивали корабли, если те выходили на низкие орбиты. Ну а с теми, что не подходили близко и могли нанести удар с дальних позиций, разбирались ипериане. Так что цессяне вновь остались ни с чем. Разве что новые потери ещё больше ослабили и без того не самую сильную в военном отношении планету.

Как бы там ни было, но сегодняшнее заявление Фориата меня насторожило. Понятно, что он собирается менять условия сотрудничества, но что именно предложит? Впрочем, придётся потерпеть и любопытство усмирить, ибо до заседания совета ещё два дня. К тому же пока у меня есть более важные дела – завтра у Цафи день рождения. Пятнадцать лет – это, конечно, не совершеннолетие, но дата всё равно очень важная, переходная. Именно в этом возрасте девочки начинают превращаться в девушек. И обращать внимание на представителей противоположного пола тоже. Ох, не просто так Фориат именно сейчас своих сыновей на Зогг привёз!

– Гости? Мальчики? – кривит моську моя красавица, услышав новость. – Пап, это обязательно? А давай как в прошлом году сделаем! Никого приглашать не будем, уедем вдвоём на мелководье, и ты меня покатаешь. А лучше Орита с собой возьмём и маму, – умоляюще складывает ладошки.

Смотрю на неё и улыбаюсь. Это сейчас для неё мальчики – обуза. Неприятный довесок к приятному празднику. А завтра... Завтра она их совсем иначе воспринимать будет. Так уж устроены наши тела, что все возрастные перестройки в них происходят практически мгновенно, буквально на глазах. Кит именно по этой причине с дочерью не спорит, просто целует в висок и уходит, сказав: «Я подумаю».

– Цафи, не глупи, – мой старший сын Шоит, усадив на колени братика, принимается убеждать сестру в том, что её затея не так уж и удачна. – Сколько раз говорили, что потоки опасны! Отец же не в состоянии контролировать всё, что его окружает. Если вас будет много, он не справится, и вы можете пострадать.

– Папа самый хороший спуктум! Он справится! – фыркает Цафи. – А тебя никто кататься не приглашает! Тебе же потоки не нравятся. Мам! Скажи ему, чтобы перестал меня воспитывать! Пусть лучше свою Адиссу обхаживает, чтобы определилась уж побыстрее. А то имя назвала, а брат в хранители не торопится.

– Дочурка, иди спать, – вздыхаю, потому что сын начинает мрачнеть. Очень уж неделикатно сестричка его задела.

Проводив глазами нырнувшую в гравитационный лифт темноволосую девушку, присаживаюсь рядом с сыновьями. Возьмусь с Оритом, укачивая, чтобы побыстрее уснул, ненавязчиво успокаиваю Шоита. Сын ведь специально на праздник к сестре приехал, а

так уже пять лет живёт самостоятельно, свой дом строит, правда, в другом городе, так что видимся мы редко. А с девушкой у него на самом деле не складывается пока. Хотя он и не дракон, то есть воспринимать его должны нормально, и внешне копия Кита – да, да, красив сногшибательно!

С другой стороны, мальчик ещё так молод! Киту, когда он моим хранителем стал, уже за восемьдесят перевалило. Даже Трою в этом смысле не слишком повезло. Мой временный хранитель только через двадцать шесть лет после того, как мы с ним расстались, приобрёл статус постоянного. Впрочем, я этому факту была только рада, ведь его выбрала Литисса – девочка, которая у Айны с Латоном первой родилась.

После того как отправляю сыновей спать, нахожу время и для профилактической беседы с Цафи, чтобы научилась тактичности. А на следующий день наблюдаю, как она, ещё не понимая, что именно с ней происходит, едва увидев гостей, тут же забывает о том, что куда-то хотела ехать. Ибо шесть кавалеров в шаговой доступности для начинающего гормональную перестройку организма это более чем сильный раздражитель. Скорее спусковой механизм для пружины, которая моментально распрямляется, превращая ребёнка в подростка.

Вечером, укладывая дочку спать, вижу мечтательную улыбку и блуждающий по стенам взгляд.

– Тебе кто-то из ипериан понравился? – интересуюсь.

– Зиан, – отрешённо выдыхает именинница. – Он такой... хороший.

Зиан – четвёртый сын Фориата, ему, как и Шоиту, в этом году исполнится тридцать. Любопытное совпадение.

– Сомневаюсь, что это совпадение, – Кит, которому я в нашей спальне озвучиваю свои наблюдения, подтаскивает меня ближе к себе и удобнее устраивает в объятиях. – Фориат ничего не делает просто так. Уверен, был у него свой расчёт в том, кого именно привозить.

– И зачем ему это нужно? – проглаживаю пальцами рельефные мышцы своего любимого дракона. – На Ипере своих девушек хватает. Сомневаюсь, что эти мальчишки обделены женским вниманием, особенно старшие. Ведут они себя весьма раскованно. А на Зогге мужчин достаточно, чтобы Цафи нашла себе хранителя, которого полюбит. Я бы поняла, если бы Фориат дочек привёз.

– У него их нет, только сыновья, – парирует Кит. – Так что ничего определённого я тебе сказать не могу. Спи, цветочек, – ласково меня целует и укрывает, натягивая одеяло, чтобы не замёрзла. – Завтра всё станет понятно.

Утром, оставив младших на попечение Шоита, едем в здание совета. Поскольку заседание только после обеда, Кит, поцеловав меня, исчезает в своём кабинете, а я топаю к Ниродину – ещё вчера вечером получила от него сообщение с просьбой зайти сразу, как только прибуду. Открыв проём, лицезрею прелюбопытнейшую картинку. На столе, завалившись спиной назад, то есть фактически упав на гладкую поверхность и удерживаясь исключительно на локтях, полулежит-полусидит затаенная в глянцевого чёрного комбинезона эффектная зеленоволосая, зеленоглазая красавица, а над ней, упираясь в стол ладонями, нависает советник. Ну... гм... как нависает... Практически придавливает собой.

Личность девушки мне знакома – Рилима. Она уже почти год живёт в Ожевероне и руководит научной группой. Зоггиане разрешили ей и её сотрудникам здесь работать, изучать планету и животных. Я с Рилимой пару раз даже пересекалась, её интересовало, как именно проходит адаптация, и мы довольно мило общались. Мило, с учётом весьма специфической манеры иперианки строить диалог, разумеется. Вот только я раньше не замечала, что между ней и то'Троном что-то есть. Именно по этой причине сейчас я теряюсь и не могу понять, почему Ниродин не заблокировал вход, а оставил доступ открытым.

– Я не вовремя? – тихо спрашиваю.

– Всё в порядке, Мео, проходи, – повернув ко мне голову, приветственно кивает мужчина, продолжая фиксировать девушку в определённо компрометирующем положении. Та на моё появление вообще внимания не обращает и смотрит только на то Трона, безуспешно пытаюсь вернуть серьёзность своему лицу и удержать растягивающиеся в улыбке губы.

Любопытно... Нерешительно шагаю в кабинет.

– Этого достаточно? – возвращаясь взглядом к Рилиме, интересуется зоггианин.

– Нет! – не выдерживает и начинает смеяться иперианка. Неожиданно и окончательно падает на стол, оплетая руками шею Ниродину и увлекая его за собой. То есть роняя на себя, чтобы... поцеловать.

Очень вовремя я вспоминаю, что поцелуй – это элемент не только свадебного обряда на Ипере, но и помолвки, когда достаточно одного свидетеля, который видит целующуюся пару. Поэтому шок от подобного поведения сводится к минимуму. Я тоже начинаю улыбаться, дожидаясь, пока влюблённые соизволят оторваться друг от друга и занять более приличное положение в пространстве.

– Ладно, – поправляя волосы, девушка глубоко втягивает носом воздух, выравнивая дыхание. – Так и быть. Будешь ещё и хранителем. А то мало ли у кого какие на тебя планы, – бросает на меня хитрый взгляд. – Правда, Мео?

– Точно, точно, – активно киваю, принимая правила её игры. – В таком важном вопросе лучше не мешкать.

– Я тоже так думаю, – Рилима потягивается, грациозно изгибаясь, отодвигает наблюдающего за ней советника и спрыгивает со стола. – Хорошо, что ты, Мео, меня понимаешь, не то что эти избалованные вниманием зоггианки! – фыркает презрительно, возвращается взглядом к Ниродину, и выражение её лица меняется. Ирония в глазах исчезает, уступая место чему-то очень ласковому, нежному. Девушка становится совсем иной, ещё более прекрасной. Однако уже через секунду на лицо вновь ложится маска самоуверенной стервы, которая, впрочем, своего мужчину унижать никому не позволит: – Ну дуры, чего с них взять, такого обалденного мужика не разглядели и не оценили по достоинству!

Её возмущение я прекрасно понимаю. И дело вовсе не в том, что на Ипере женщин излишне много, нет. Если и имеется там перевес прекрасного пола, то исключительно за счёт гибели сильного в военных операциях. А тут дело в самом то Троне. Он ведь на самом деле замечательный по своим личностным качествам зоггианин.

В общем, в состоянии лёгкого шока я появляюсь в кабинете своего хранителя. Сообщаю ему сногшибательную новость, любуюсь на вытягивающееся в изумлении лицо, а потом мы оба топаем в зал и усаживаемся на подушки в ожидании начала заседания. Ниродин появляется чуть позже, внешне невозмутимый, строгий, однако в глазах нет-нет, да и мелькнут лукавые искорки. По всему видно, что своим выбором и тем, что ему ответили, он доволен.

Начало заседания проходит скучно, потому что совет решает насущные вопросы снабжения и поставок в другие города. Впрочем, едва появляется Фориат, обсуждение прекращается, и всё внимание сосредотачивается на этом высоком, уверенном в себе иперианине.

– Тридцать лет, – он, несколько этим не смущаясь, начинает говорить. – Тридцать лет по отношению к Зоггу Ипер сохранял позицию взаимовыгодного сотрудничества, приоритетом в котором были поставки ултриза в обмен на ту защиту, которую мы вашей планете обеспечивали. Мой брат, умерший три недели назад, придерживался именно этой политики. Однако у меня планы несколько иные.

Фориат властным взглядом окидывает присутствующих, а когда доходит до моего лица, я, и без того ошарашенная его заявлением, теряюсь совершенно. Ох, как нехорошо-то! Орит дёргал за косу правителя ипериан. Жуть. Этот тип, оказывается, уже на вершине власти, а мы до сих пор не в курсе. Умеют же зеленоглазые хранить секреты!

– Я, Фориат Дит он'Ласт, – тем временем начинается официальная речь, – как

представитель правящей династии и король Ипера предлагаю Зоггу территориальное слияние. Объединение, которое позволит нам эффективно использовать ресурсы и потенциал обеих планет во благо и для процветания наших цивилизаций.

Он замолкает, и наступает тишина, потому что советники Ожеверона не вправе обсуждать подобные предложения, а два имеющихся в наличии представителя Сената молчат, обдумывая его слова.

Впрочем, им-то как раз проще. Все члены Сената, несмотря на то, что находятся в других городах, наблюдают за происходящим через удалённую связь и друг с другом общаются. Вон как Кит вскидывает брови, когда ему кто-то что-то говорит. Ниродин тоже удивляется, переглядывается с моим хранителем, и пожимает плечами. То есть диалог у них идёт. Своеобразный.

В итоге Ниродин поднимается, шагая в центр и останавливаясь рядом с Фориатом.

– Благодарим за предложение. Оно действительно необычно, – протягивает руку, чтобы обменяться пожатием. – Но нас интересует, каким вы видите управление объединёнными территориями. Общий совет?

– Не думаю, что это рационально. Каждый из его представителей, как бы ни был толерантен, будет в первую очередь придерживаться интересов своей планеты. Думаю, что более эффективным станет чередование правления. Начнём с Зогга. Через несколько лет приоритет принятия решений перейдёт Иперу, затем вернётся обратно. И так далее.

Взгляд Ниродин становится рассеянным. Советник прислушивается к бурному обсуждению в наушнике, кивает и озвучивает новый вопрос:

– Что будет являться вехами смены правления?

– Что? – Фориат задумывается, потирая пальцами подбородок. Широко улыбается и триумфально сообщает: – Династические браки, разумеется! Самый приятный и надёжный способ объединения и сохранения лояльности по отношению друг к другу.

– На Зогге нет правящей династии, – мягко напоминает Ниродин. – А управление Ипером одновременно с контролем за объединёнными территориями для того, кто в своё время получит это право, станет слишком большой нагрузкой.

– Верно, верно... – соглашается с ним ипериянин и разводит руками: – Значит, нам нужна новая, искусственная правящая династия, которая будет соблюдать и поддерживать исключительно общие интересы... э-м-м... зоггиперии... зоггипериянии... изеприании... зиперии... изерии... изперии... – бормочет, перебирая сочетания, видимо, пытаясь сложить названия планет и подобрать звучный вариант. Неожиданно салатовый взор останавливается на мне, и раздаётся торжествующее восклицание: – Империи! Интересы империи «Объединённые территории»! Красиво же!

Понятно, откуда он букву «м» взял. Не зря грозился меня отблагодарить.

– Значит, править будет император? – уточняет то'Трон.

– Именно, – радостно подтверждает Фориат. – Возьмёт на себя управление и будет независим от любой другой системы контроля за планетами. Ещё раз повторяю, что мы согласны на то, чтобы первым... этим... императором... стал зоггианин.

Ниродин вопросительно на меня смотрит, взглядом спрашивая, можно ли ипериянину доверять. Я опускаю веки, показывая, что в принципе не вижу в его предложениях обмана или стремления ущемить права Зогга. Советник снова прислушивается к обсуждению в его наушнике и переводит взгляд на Кита, который коротко кивает.

– Сенат согласен на объединение, – торжественно объявляет то'Трон. – И право выбрать среди нас того, кто станет императором, мы предоставляем вам. Исключительно потому, что этот зоггианин должен блюсти и ваши интересы, то есть вы должны ему доверять, как самим себе. Когда определитесь, будем рады услышать имя.

– Кит Гун ти'Стор, – словно только этого и ждал, отчеканивает Фориат.

Упс... Я замираю, приоткрыв от изумления рот. Впрочем, и состояние остальных присутствующих активностью не отличается. Похоже, даже в наушниках у Кита и Ниролина сейчас гробовая тишина. Лишь иперианин в ожидании, когда мы придём в себя, складывает руки на груди, шумно вздыхает и нетерпеливо постукивает ногой по полу.

Первым оживает Кит. Поднимается, протягивая Фориату ладонь для приветствия.

– Мне приятно оказанное доверие, но ты принял необдуманное решение, – осторожно старается его разубедить. – Поспешное. К тому же мне бы не хотелось менять свою жизнь и то, чем я сейчас занимаюсь. Меня в ней всё устраивает. Кстати, я тебе об этом уже как-то говорил.

– Я помню, – хмыкает иперианин. – Но если бы я сомневался в тебе, то ничего подобного не предложил. Поверь, я знаю, о чём прошу. Всё равно не хочешь? – кривится, словно съел что-то неприятное. – Ладно. Тогда я тебе кое о чём напому, – зелёный взор вновь устремляется в мою сторону, и на лице Фориата расцветает улыбка. Он мне подмигивает, вновь поворачивается к Киту и заявляет: – Ты мне подарок на свадьбу так и не сделал. Значит, я имею право его потребовать, верно? Вот я и требую твоего согласия занять должность императора.

– Ну знаешь ли... – изумляется Кит.

– Знаю, – самоуверенно отрезает ушлый тип, похлопывая дракона по плечу. – А ещё я знаю, что твоя дочь будет прекрасной парой моему сыну. И даже знаю, какому именно, – тихо смеётся, доказывая, что вчерашний день не прошёл даром и в плане личных симпатий Зиана к Цафи.

В общем, обыграть короля ипериан оказалось невозможным. Он с лёгкостью всем доказал, что случайности и совпадения есть результат тщательно спланированных событий. И добился своего.

Так что через две недели Киту уже торжественно передавали соответствующие полномочия. Фориат не поленился даже подключить свой штат, и те разработали целую церемонию, которую теперь будет обязан проходить каждый, кто удостоится чести стать императором.

Красивый обряд, организованный в том же самом церемониальном зале, где проводятся свадьбы. Звёздное небо как символ единства миров. Клятва верности будущей империи. Слова присяги, которые произносит Кит.

А потом мы покидаем город, чтобы оказаться в ущелье, где обычно проводят гонки. С нетерпением ждём, когда на одном из огромных экранов, установленных на вершинах хребта, начнут сменяться цифры, отсчитывающие секунды до официального объединения Зогга и Ипера.

Десять, девять, восемь...

Замершие в напряжённом внимании зрители впадают в них глазами, и, несмотря на тишину окружающего водного пространства, в лёгком шуме океана мне почему-то слышится голос каждого его жителя.

Семь, шесть, пять...

Другие экраны показывают нам происходящее на Ипере, в каждой его провинции, где столь же возбуждённые ипериане следят за событиями на Зогге.

Четыре, три, две...

Кит крепко сжимает мою руку, и я отвечаю ему тем же. Вот так из надежд и ожиданий, ошибок и сомнений, амбиций и уступок, желаний и стремлений, из всего того, что творим мы сами, и рождается будущее нового мира.

Одна...

Радужными фейерверками вспыхивает небо над Ипером. Мощные водовороты взмывают

над ущельем и уносятся в светлеющую высь океана Зогга.
Свершилось. Да здравствует Империя!